

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

1977

5

Лидия Мамбеткабулова работает секретарем судебного заседания Рыбачьевского городского народного суда Иссык-Кульской области Киргизии. В этом году она собирается поступать на юридический факультет Фрунзенского государственного университета.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

5(77) М А Й 1977

Издается с 1971 года

Главный редактор С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ, И. К. КОВАЛЕВ, В. В. ЛИПАТОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО (ответственный секретарь),
А. М. РЕКУНКОВ, П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ (заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ, А. М. ЯКОВЛЕВ.

В НОМЕРЕ

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:

А. Мелентьев. Забота Родины	4
П. Дагель. Внимание: неосторожности!	14

СОБЕСЕДНИК:

К 60-летию Великого Октября

В. Франюк. Ленкин «колхоз»	23
А. Митько. Решая судьбы людей	29
Беречь семью	33
Растить гражданина	
Мы тоже «за»	36
По следам неопубликованных писем	38
Нам пишут	
И. Мартьянов. Опорный пункт батуринцев	40
В защиту природы	
Г. Рукосуев, В. Ключарев. Зеленый наряд столицы	42
Суд идет!	
В. Тонких. Попечитель греет руки	46
Г. Тернавский. Веление совести	51

Критика и библиография

А. Ольшанский. В наше быстрое время	56
А. Мартынов. Счастливая жизнь	60

К 60-летию Великого Октября

На берегах Иссык-Куля	64
Общественники из Курган-Тюбе	65

Виктор Пронин. Всё на продажу. Очерк	66
--------------------------------------	----

Г. Гордин. Не просто жулики... Хроника одного расследования	82
---	----

Главный художник В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры А. В. ЕЛИЗАРОВА, Б. С. ТУМЯН.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы 271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем 271-11-20, международной и внутренней информации 271-08-63.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Новое в законодательстве

Ю. Ляпунов. Для сохранения валютных ценностей 90

Наши консультации

Ю. Попова. Признание гражданина безвестно отсутствующим или объявление умершим 94

Читатель на приеме у юриста

О предоставлении семьям, члены которых служат в Советской Армии, льготы по сельскохозяйственному налогу 97

Вправе ли член жилищно-строительного кооператива обменять квартиру, занимаемую им в доме ЖСК 98

Судебная хроника 99

В. Новиков, А. Трофимов. Неприкосновенное богатство 100

Ганс Шнайдер. Ночь без алиби. Роман. (Продолжение) 111

Зарубежная мозаика 144

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Виктор Григорьевич Медведев — инженер лесных культур в Кызыл-Калинском лесничестве Курган-Тюбинского лесхоза Таджикистана.

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: на дороге, ведущей из Душанбе в Нурек. Разные встречи бывают у инспектора дорожного надзора Хабиба Хайруллаева. Иногда приходится призывать к порядку и таких вот нарушителей.

Сдано в набор 1/III-77 г. Подписано в печать 12/IV-77 г. А11084. Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладка. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 9,41. Заказ 1255. Тираж 3 303 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.).
Цена 40 коп.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. МЕЛЕНТЬЕВ,
заслуженный юрист РСФСР,
генерал-майор юстиции
в отставке

ЗАБОТА РОДИНЫ

ЛЬГОТЫ ИНВАЛИДАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И СЕМЬЯМ ПОГИБШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Коммунистическая партия и Советское государство проявляют постоянную заботу об инвалидах Великой Отечественной войны и семьях погибших военнослужащих.

С первых дней жестокой битвы с немецко-фашистскими захватчиками партийные и советские органы, военное командование в трудных условиях военного времени принимали все меры для своевременной эвакуации раненых, организации их лечения в госпиталях, пенсионного обеспечения инвалидов и подготовки их к трудовой деятельности с учетом состояния здоровья.

После победы над фашизмом Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР приняли ряд важных решений, направленных на повышение жизненного уровня инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих.

Существенное значение для улучшения материального положения инвалидов войны и семей погибших военнослужащих имеет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1975 года «О дополнительных льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих», принятое в связи с 30-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Расскажем об основных льготах.

Пенсионное обеспечение. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 апреля 1975 года в Закон о государственных пенсиях внесены изменения и дополнения, предусматривающие дальнейшее улучшение пенсионного обеспечения инвалидов войны и семей военнослужащих, погибших на фронте.

Вновь повышен минимальный размер пенсий по случаю потери кормильца семьям погибших военнослужащих с одним нетрудоспособным членом семьи. Теперь семьи погибших военнослужащих рядового состава с одним нетрудоспособным членом семьи получают пенсию в размере не менее 33 рублей в месяц (проживающие в сельской местности и связанные с сельским хозяйством, — 28 рублей).

Семьям погибших ефрейторов, старших матросов, сержантов и старшин срочной службы с одним нетрудоспособным членом семьи минимальный размер пенсий по случаю потери кормильца увеличен на 10 процентов. Улучшилось пенсионное обеспечение и семей погибших на фронте военнослужащих сверхсрочной службы и офицеров.

Особая льгота предоставлена родителям погибших военнослужащих. Раньше пенсию по случаю потери кормильца родителям назначали преимущественно в тех случаях, когда они находились на иждивении погибшего. В настоящее время родители, дети которых погибли на фронте, получили право на пенсию по случаю потери кормильца независимо от того, находились ли они на иждивении погибших.

Нередко члены семей инвалидов Отечественной войны I группы бывают вынуждены покинуть работу, чтобы ухаживать за инвалидом. В таких случаях время фактического ухода за инвалидом войны засчитывается члену его семьи в общий трудовой стаж на

основании решения исполкома районного (городского) Совета депутатов трудящихся.

Значительным преимуществом стали пользоваться работающие инвалиды войны III группы. Они могут получать пенсию в полном размере, если сумма пенсии и заработок в общей сложности не превышают 300 рублей в месяц. Если пенсия и заработок превышают эту сумму, то размер пенсии соответственно снижается, но во всех случаях выплачиваемая пенсия не может быть ниже установленного минимального размера пенсии по инвалидности. Инвалиды войны III группы, состоящие членами колхоза, получают пенсию в полном размере независимо от доходов, получаемых за работу в колхозе.

Инвалидам Отечественной войны I и II групп, как и ранее, пенсия по инвалидности выплачивается полностью, независимо от заработка.

Труд инвалидов войны. Советское законодательство предоставляет инвалидам Отечественной войны возможность заниматься доступным им по состоянию здоровья общественно полезным трудом. Труд с учетом медицинских рекомендаций помогает восстанавливать физические и моральные силы инвалидов. В результате добросовестного труда и учебы многие инвалиды Отечественной войны стали знатными рабочими и колхозниками, инженерами и агрономами, учителями и врачами, учеными. За трудовые заслуги многие из них награждены орденами и медалями СССР, а некоторые удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Общие нормы трудового законодательства о применении труда инвалидов, предоставлении им льготных условий распространяются и на инвалидов Отечественной войны. Например, на работающих инвалидов войны полностью распространяется статья 157 Кодекса законов о труде РСФСР (и соответствующие статьи КЗоТ других союзных республик), обязывающая администрацию в случаях, предусмотренных законодательством, принимать на работу в порядке трудоустройства инвалидов и устанавливать им в соответствии с медицинскими рекомендациями неполное рабочее время и другие льготные условия труда. Привлечение инвалидов к сверхурочной работе, работе в выходные дни и ночное время допускается только с их согласия и при условии, если такая работа не запрещена по медицинским показаниям.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 14 сентября 1973 года пенсионерам по старости и инвалидам были установлены значительные льготы. В частности, инвалидам I, II, III групп, работающим на предприятиях (в производственных объединениях), в цехах и на участках, предназначенных для использования труда

этих лиц (если они не пользуются правом на большую льготу), ежегодный отпуск предоставляется: инвалидам I и II групп продолжительностью 24 рабочих дня, а инвалидам III группы — 18 рабочих дней. Работающим инвалидам I и II групп предоставляется по их желанию отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до двух месяцев. Этими льготами могут воспользоваться и инвалиды войны, если они работают на указанных предприятиях.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 6-марта 1965 года «О расширении льгот инвалидам Отечественной войны и членам семей военнослужащих, погибших в Великую Отечественную войну» советы министров союзных республик, министерства и ведомства обязаны устанавливать броню для приема на работу инвалидов Отечественной войны в пределах 2 процентов общей численности рабочих и служащих, дифференцированно для каждой отрасли.

Руководители предприятий, учреждений и организаций обязаны создавать необходимые условия для работы инвалидов, организуя, где это возможно по условиям производства, специальные цеха и отделения и надомный труд. Руководителям разрешено принимать инвалидов Отечественной войны на работу с неполным рабочим днем, с оплатой труда по фактической выработке либо по фактически проработанному времени.

При заключении трудового договора с инвалидами войны, направляемыми на работу в счет брони, испытание для них не устанавливается.

Существенные льготы установлены для работающих инвалидов войны и в области обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию. Пособие по временной нетрудоспособности работающим инвалидам Отечественной войны выплачивается в размере 100 процентов заработка, независимо от непрерывного стажа работы. Кроме того, пособие при общем заболевании в отдельных случаях им может быть выдано за период временной нетрудоспособности, превышающий 2 месяца подряд или 3 месяца в календарном году. Выплата пособия по временной нетрудоспособности в этом случае производится на основании ходатайства фабричного, заводского, местного комитета профсоюза по постановлению соответствующего вышестоящего профсоюзного органа.

Работающим инвалидам войны I и II групп при недостаточности очередного и дополнительных отпусков для лечения и проезда в санаторий и обратно пособие выплачивается независимо от того, кем и за чей счет предоставлена путевка.

Медицинское обслуживание. Наряду с медицинским обслужива-

нием инвалидов войны в поликлиниках, больницах, диспансерах им оказывается медицинская помощь также в специальных лечебно-профилактических учреждениях, а при лечении вне стационара они пользуются дополнительными льготами, установленными законодательством.

Всем инвалидам Отечественной войны лекарства по рецептам врачей отпускаются бесплатно.

Согласно установленному порядку ВЦСПС, министерства, ведомства, предприятия и организации ежегодно выделяют инвалидам войны, нуждающимся в санаторном лечении, не менее 10 процентов путевок в санатории и пансионаты с лечением.

В необходимых случаях инвалиды Отечественной войны обеспечиваются протезами, ортопедическими, слуховыми аппаратами, средствами лечебной физкультуры и специальными средствами передвижения.

Обеспечение транспортными средствами. Инвалидам войны с тяжелыми поражениями нижних конечностей, при наличии медицинских показаний, органы социального обеспечения выдавали бесплатно (за счет государства) мотоколяски или автомобили «Запорожец» с ручным управлением. С 1 мая 1975 года инвалидам Отечественной войны, имеющим право на получение бесплатно мотоколясок, разрешено выдавать бесплатно вместо мотоколясок автомобили «Запорожец» с ручным управлением, если у этих инвалидов отсутствуют противопоказания к вождению автомобиля.

Разрешение на получение автомобиля «Запорожец» с ручным управлением выдается министерствами социального обеспечения союзных и автономных республик, краевыми, областными, Московским и Ленинградским городскими отделами социального обеспечения по месту постоянного жительства инвалида войны. Выдаются автомобили на семь лет без права продажи и передачи. По истечении этого срока их заменяют новыми.

Значительным материальным подспорьем для инвалидов Отечественной войны являются льготы, предоставляемые им при проезде на общественном транспорте.

Теперь все инвалиды войны пользуются правом бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (за исключением такси), а также на автомобильном транспорте общего пользования (за исключением такси) в сельской местности в пределах того административного района, где они живут.

При проезде по железным дорогам СССР для инвалидов Отечественной войны действует сезонная тарифная льгота — с 1 октября по 15 мая они оплачивают 50 процентов стоимости проезда.

Известно, что инвалиды I группы нуждаются по состоянию здоровья в уходе. И если инвалид I группы вправе купить железнодорожный билет со скидкой, то такое же право предоставляется и сопровождающему его — одному человеку. Причем этот человек вправе пользоваться льготой не только тогда, когда сопровождает инвалида, но и при возвращении домой после того, как он отвез инвалида в лечебное учреждение (госпиталь, больницу, санаторий), а также когда едет за инвалидом, чтобы отвезти его домой.

Инвалидам Отечественной войны, пользующимся морским транспортом, Министерство морского флота СССР предоставляет в период с 1 октября по 15 мая 50-процентную скидку со стоимости билета на судах каботажного плавания (за исключением судов, выполняющих туристские рейсы или работающих на туристских линиях).

Инвалидам Отечественной войны I и II групп, а также одному сопровождающему инвалида I группы предоставлена дополнительная льгота: 50-процентная скидка со стоимости проезда по железной дороге или на судах транзитных и местных линий речного флота один раз в году (туда и обратно) в период с 16 мая по 30 сентября. Для получения проездного билета с 50-процентной скидкой инвалидам войны выдается книжка талонов.

Ежегодно в осенне-зимний период инвалидам Отечественной войны Аэрофлот предоставляет скидки в размере 50 процентов со стоимости билета на полеты рейсовыми газотурбинными самолетами (за исключением Як-40), а также при пересадках с этих самолетов на самолеты Як-40 и поршневого в прямом и обратном направлениях по всем воздушным внутрисоюзным линиям. Такая льгота дается и одному лицу, сопровождающему инвалида I группы, имеющего право на получение скидки.

Согласно постановлению Совета Министров РСФСР от 27 сентября 1968 года на территории Российской Федерации инвалидам войны ежегодно — с 1 октября по 15 мая — предоставляется 50-процентная скидка при проезде в автобусах междугородных сообщений. Аналогичная льгота предусмотрена и в других союзных республиках.

Жилищные льготы. Большое значение имеет постановление СНК СССР от 21 сентября 1945 года, которое обязывает министерства и ведомства передавать в распоряжение исполкомов местных Советов депутатов трудящихся 10 процентов всей жилой площади во вновь выстроенных домах. Жилой площадью за счет 10-процентного фонда обеспечиваются в настоящее время инвалиды Отечественной войны и семьи погибших воинов.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 6 марта 1965 года, советы министров союзных и автономных республик, министерства и ведомства, исполкомы местных Советов депутатов трудящихся обязаны оказывать всемерное содействие инвалидам войны и семьям погибших военнослужащих в преимущественном обеспечении жилой площадью и в строительстве индивидуальных жилых домов.

Во всех союзных республиках изданы правила о порядке распределения жилой площади, в соответствии с которыми инвалиды войны и семьи погибших военнослужащих включаются в отдельные списки на первоочередное получение жилой площади.

Инвалиды Отечественной войны, желающие построить индивидуальный жилой дом в городе или поселке городского типа, могут воспользоваться кредитом. В этом случае государство предоставляет им беспроцентные ссуды в размере до 1000 рублей с погашением в течение 10 лет, начиная с третьего года после выдачи ссуды. Земельные участки отводятся по действующим в союзных республиках нормам.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 20 декабря 1976 года «О кредитовании индивидуального жилищного строительства в сельской местности», инвалидам Отечественной войны, проживающим на селе, с 1 января 1977 года предоставляются беспроцентные ссуды на индивидуальное жилищное строительство в размере до 1500 рублей, с погашением в течение 10 лет, начиная с третьего года после окончания строительства дома.

Для инвалидов Отечественной войны и семей, получающих пенсию за погибших воинов, установлены льготы по оплате жилой площади и коммунальных услуг. Жилая площадь (в пределах норм, предусмотренных действующим законодательством), занимаемая инвалидами Отечественной войны I и II групп и проживающими совместно с ними членами их семей, а также семьями, получающими пенсию по случаю потери кормильца за погибшего военнослужащего, оплачивается в размере 50 процентов квартирной платы, исчисленной по ставкам, установленным для рабочих и служащих. Излишняя жилая площадь (до 15 квадратных метров), занимаемая этими лицами, оплачивается в одинарном размере.

Инвалидам Отечественной войны I и II групп и проживающим совместно с ними членам их семей, а также семьям, получающим пенсию по случаю потери кормильца за погибшего военнослужащего, предоставляется скидка в размере 50 процентов с установленной платы за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией.

Когда в отдельных случаях — в соответствии с законодательством — допускается выселение граждан из домов предприятий и учреждений в судебном порядке без предоставления жилой площади, инвалиды войны, а также семьи военнослужащих и партизан, погибших при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, не могут быть выселены без предоставления жилья.

Читатели журнала нередко спрашивают, кто относится к членам семьи военнослужащего, погибшего на фронте, и кто из них пользуется преимущественным правом на обеспечение жилой площадью и не может быть выселен из ведомственного дома без предоставления жилой площади.

На этот вопрос можно найти ответ в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 17 января 1974 года. Этим постановлением, в частности, определено, что к членам семей погибших и пропавших без вести военнослужащих относятся: иждивенцы, получающие за военнослужащего пенсию по случаю потери кормильца; родители и супруг, не вступивший в другой брак, — независимо от получения ими пенсии; дети, не имеющие своей семьи или хотя и имеющие, но ставшие инвалидами до достижения совершеннолетия; дети, оба родителя которых погибли или пропали без вести на фронте.

Льготы по государственным налогам, сборам и пошлине. Инвалиды Отечественной войны I и II групп освобождаются от уплаты подоходного налога со всех видов заработка.

Освобождаются от уплаты налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан: инвалиды войны I и II групп и их супруги; мужчины и женщины, у которых погибли или пропали без вести на фронтах Отечественной войны дети, состоявшие в рядах армии, народном ополчении, истребительных батальонах, партизанских отрядах, а также граждане, у которых дети погибли в борьбе за Родину как участники подпольных партийных, комсомольских и других общественных организаций либо насильственно уведены или убиты неприятелем.

От уплаты сельскохозяйственного налога освобождаются: хозяйства, в состав которых входят инвалиды Отечественной войны I группы, при наличии в семье только одного трудоспособного; хозяйства, в состав которых входят инвалиды войны II группы, если в семье при одном трудоспособном имеются дети в возрасте до 16 лет; хозяйства, имеющие в своем составе инвалидов Отечественной войны I или II группы и двух трудоспособных членов семьи при наличии пяти и более детей в возрасте до 16 лет. Для других

хозяйств, в состав которых входят инвалиды войны I и II групп, сумма налога понижается наполовину, а при отсутствии трудоспособных эти хозяйства полностью освобождаются от налога.

От уплаты сельхозналога освобождаются хозяйства инвалидов из числа военнослужащих, ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте, хозяйства инвалидов из числа бывших партизан, а также хозяйства других инвалидов, приравненных по пенсионному обеспечению к указанным категориям военнослужащих, согласно действующему законодательству, при достижении этими инвалидами возраста: мужчинами — 55 лет, женщинами — 50 лет. Указанная льгота предоставляется при условии, что в хозяйстве не принимают участия личным трудом другие трудоспособные члены семьи.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 декабря 1971 года исполкомам сельских, поселковых, городских и районных (в городах) Советов депутатов трудящихся предоставлено право освобождать полностью или частично от уплаты сельскохозяйственного налога хозяйства инвалидов войны III группы, являющихся основными работниками в хозяйстве.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1942 года от налога со строений освобождаются: строения, принадлежащие пенсионерам или членам их семей, не имеющим никаких источников дохода, кроме пенсии, строений и подсобного сельского хозяйства на приусадебной земле, если сам пенсионер проживает в этом строении и в семье нет совместно проживающих с ним трудоспособных членов семьи, кроме домашней хозяйки и учащихся. От земельной ренты освобождаются земли, обслуживающие строения, освобождаемые от налога со строений.

Освобождаются от уплаты пошлины при выдаче свидетельств, подтверждающих право наследования имущества, наследники лиц, погибших при защите Родины.

Инвалидам Отечественной войны и инвалидам, приравненным к ним, выдаются соответствующие удостоверения, которые являются документами, подтверждающими право на льготы, установленные законодательством Союза ССР и союзных республик для инвалидов Отечественной войны.

Удостоверение инвалида Отечественной войны выдается: инвалидам Отечественной войны, включая инвалидов из числа партизан Отечественной войны и рабочих и служащих соответствующих категорий, ставших инвалидами в связи с ранением, увечьем или заболе-

ванием, полученными в период Отечественной войны в районе военных действий, на прифронтовых участках железных дорог, на сооружении оборонительных рубежей, военно-морских баз и аэродромов, и приравненных по пенсионному обеспечению к военнослужащим согласно специальным постановлениям и распоряжениям Правительства СССР.

Инвалиды, приравненные к инвалидам Отечественной войны, получают удостоверения о праве на льготы. Это удостоверение выдается: военнослужащим, ставшим инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте в другие периоды, и инвалидам из числа партизан гражданской войны; гражданам, ставшим инвалидами в связи с ранением, увечьем или заболеванием, полученными в период пребывания в истребительных батальонах, взводах и отрядах защиты народа; лицам начальствующего и рядового состава органов Министерства внутренних дел СССР, инвалидность которых наступила от ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении служебных обязанностей.

Выдаются удостоверения районными (городскими) отделами социального обеспечения, а также соответствующими органами Министерства обороны СССР, Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства внутренних дел СССР, назначающими пенсии.

Об инвалидах Отечественной войны и семьях погибших воинов постоянно заботятся военные комиссариаты. Они принимают меры к тому, чтобы эти лица получали все льготы, предусмотренные для них законодательством. Нередко представители военкоматов посещают инвалидов и семьи погибших, помогают удовлетворять их нужды и запросы.

Всестороннюю помощь и поддержку оказывают инвалидам Отечественной войны и семьям погибших воинов местные партийные и советские органы, предприятия, совхозы и колхозы.

Забота об инвалидах войны и семьях погибших воинов стала у нас поистине всенародной.

П. ДАГЕЛЬ,
доктор юридических наук,
профессор, заведующий
кафедрой Дальневосточного
государственного университета

ВНИМАНИЕ: **НЕОСТОРОЖНОСТЬ!**

Водитель, торопясь в гараж, превысил скорость и на повороте заехал на тротуар, сбив пешехода. В результате нарушения правил пожарной безопасности сгорел склад с товарами на крупную сумму. Подобные преступные деяния объединяет то, что они совершены не по злому умыслу виновных, а в результате их самонадеянности, небрежности, безответственности, иными словами — из-за их неосторожности.

Людей, совершающих ухарство, допускающих неоправданный риск и тому подобное, иногда даже считают смелыми. Эти взгляды становятся анахронизмом в условиях научно-технической революции, когда резко возрастает число различных источников повышенной опасности, когда они все шире проникают во многие сферы жизни общества, в том числе и в быт. Достаточно сказать, что уже сейчас в нашей стране более шестнадцати миллионов легковых машин, мотоциклов и мотороллеров, а к концу пятилетки их будет на пять-шесть миллионов больше. В таких условиях неизмеримо возрастает «цена ошибки», то есть усугубляются последствия неосторожного поведения людей.

Выборочные исследования ученых свидетельствуют, что суммарный вред от всех неосторожных преступлений больше, чем от преступлений умышленных.

За последние годы борьба с преступной неосторожностью все более привлекает внимание юристов как в нашей стране, так и за рубежом. Не случайно первым вопросом предстоящего в 1979 году конгресса Международной ассоциации уголовного права стали проблемы преступлений, совершаемых по неосторожности, и их пре-

дупреждения. Представляется, что этот вопрос заслуживает внимания не только юристов, но и широкой общественности.

Что же такое преступная неосторожность? По советскому уголовному праву преступлением признается лишь такое общественно опасное и предусмотренное уголовным законом деяние (действие или бездействие), которое совершено умышленно или по неосторожности. Таким образом, преступная неосторожность — одна из двух форм вины по советскому уголовному праву.

Определение преступной неосторожности дано в статье 9 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: «Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть». В этом определении содержатся признаки двух видов неосторожности: преступной самонадеянности и преступной небрежности.

Преступная самонадеянность характеризуется тем, во-первых, что виновный предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия. Обычно это связано с сознательным нарушением правил предосторожности (правил безопасности движения на транспорте, правил техники безопасности на производстве, правил пожарной безопасности, правил обращения с оружием и так далее). Во-вторых, виновный не толь-

ко не желает и не допускает наступления таких последствий (этим самонадеянность отличается от умысла), но рассчитывает на их предотвращение либо собственными действиями, либо в результате воздействия каких-либо иных обстоятельств. Этот расчет порождает у человека уверенность в том, что вредные последствия не наступят. В-третьих, расчет виновного не оправдывается, оказывается легкомысленным, не соответствующим объективной обстановке и его возможностям, в результате наступают преступные последствия. В легкомысленности расчета на предотвращение преступных последствий и кроется то, что заслуживает осуждения при самонадеянности, поэтому ее иногда называют «преступным легкомыслием». Приведу пример.

Навстречу друг другу шли автобус ЛАЗ и грузовик ЗИЛ с прицепом. Водитель ЗИЛа П., выехав на склон балки, увидел два дорожных знака, предписывающих снизить скорость и пропустить встречный транспорт. Однако, заметив автобус, он не стал тормозить, так как рассчитал: пока подъедет к мосту, автобус его уже минует. И вдруг автобус сбил зеркало заднего вида ЗИЛа. П. крутанул руль вправо, машина почему-то пошла легче. Он выглянул из кабины и увидел, что прицеп оторвало, а вся левая сторона автобуса срезана, как ножом, прицепом его машины. Впоследствии эксперты установили, что не хватило полсекунды и 155 миллиметров пространства, чтобы двум машинам разъехаться. Легкомысленный расчет водителя привел к человеческим жертвам.

Преступная небрежность отличается от преступной самонадеянности тем, что виновный, во-первых, не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своих действий. Он, как правило, не задумывается над опасным характером своих действий, над тем, что этими действиями нарушаются правила предосторожности. Поэтому мысль о возможных вредных последствиях и не возникает в его сознании. Во-вторых, виновный должен был предвидеть эти последствия и, следовательно, их не допустить. В-третьих, у виновного была и возможность предвидеть преступные последствия, а значит, опять-таки их не допустить.

Поясним примером. Рабочий геологоразведочной партии К., выйдя утром на берег реки умываться, заметил в кустах на противоположном берегу темный силуэт и услышал треск кустов. К. решил, что это медведь, сбегал в избу за ружьем и выстрелил в «медведя». Был убит человек, возвращавшийся из леса в деревню. К. не предвидел тяжелых последствий своих действий, но он должен был и, разумеется, мог их предвидеть.

Самонадеянность и небрежность обладают общими признаками,

характеризующими неосторожность как форму вины. У них единые психологические корни, которые имеются в соответствующих отрицательных качествах личности: невнимательность, безответственность, пренебрежение к правилам предосторожности.

И при самонадеянности, и при небрежности виновный проявляет отрицательное (а именно — недостаточно внимательное) отношение к общественным интересам. Именно поэтому неосторожное деяние осуждается государством и обществом.

Наконец, и при самонадеянности, и при небрежности человек должен был предвидеть наступление вредных последствий (небрежность) или недостаточность тех обстоятельств, посредством которых он рассчитывал их предотвратить (самонадеянность), а также имел возможность предвидеть это. Юристы называют указанные признаки неосторожности объективным (обязанность) и субъективным (возможность) критериями, поскольку эти критерии отличают неосторожность от невиновного причинения вреда, так называемого субъективного случая.

Если в действиях лица, причинившего общественно опасные последствия, отсутствует какой-либо из названных критериев, то нет и преступной неосторожности, а значит — нет и преступления. Такое лицо признается невиновным и не подлежащим уголовной ответственности.

Например, водитель не обязан предвидеть возможности грубого нарушения правил безопасности движения другим водителем или пешеходом. Человек может быть лишен возможности предвидеть вредные последствия своих действий как в силу характера ситуации, в которой он оказался, так и в силу своих личных особенностей.

...Б., находясь в гостях у своей знакомой М., вел с ней веселый разговор, шутил. М. в это время жарила на плите оладьи. В шутку М. плеснула на Б. водой из ковшика. В ответ Б. плеснул на М. жидкостью из ведра, стоявшего в коридоре. Там оказался бензин, который, попав на плиту, вспыхнул, в результате чего М. получила сильные ожоги. Суд, рассматривая дело по обвинению Б. в причинении тяжких телесных повреждений, установил, что ведро с бензином стояло в коридоре рядом с ведрами с водой. Б. не знал и не мог знать, что в одном из ведер находится не вода, а бензин (это подтвердила и М.). Поэтому суд пришел к выводу, что Б. не мог предвидеть общественно опасных последствий своих действий, а поэтому в его поступке нет преступной неосторожности. Б. был оправдан.

Следует отметить, как это видно из приведенного примера, что нередко к опасной ситуации приводит грубая неосторожность само-

го потерпевшего: М. хранила бензин с грубым нарушением пожарной безопасности.

Советское уголовное законодательство предусматривает различные виды преступлений, которые могут совершаться по неосторожности. О них следует сказать потому, что граждане иногда не знают о наказуемости неосторожных деяний, ошибочно полагая, что только умышленные действия могут рассматриваться законом как преступления. Весьма условно можно выделить четыре группы неосторожных преступлений.

Первую группу составляют **неосторожные преступления, совершаемые в сфере использования техники**. Сюда относятся нарушения правил безопасности движения и эксплуатации различных видов транспорта, нарушение правил охраны труда, нарушения правил безопасности горных и строительных работ и некоторые другие.

Особенностью этих неосторожных преступлений является то, что они связаны с нарушением специальных правил, установленных в целях безопасного использования различных технических средств — источников повышенной опасности. Такие преступления могут повлечь исключительно тяжелые последствия: гибель людей или причинение вреда их здоровью, крупный материальный ущерб, дезорганизацию производства и транспорта и тому подобное. Нести ответственность за указанные преступления (разумеется, в случаях, предусмотренных уголовным законом) могут как лица, управляющие техническими средствами, так и лица, отвечающие за их безопасное использование, и даже иные граждане, находящиеся в зоне действия технических средств и обязанные соблюдать правила безопасности (например, на транспорте — пассажиры и другие участники движения).

Учитывая возможность причинения тяжелого вреда в результате нарушения правил безопасности в сфере использования техники, законодатель в некоторых случаях устанавливает уголовную ответственность и за такие нарушения правил, которые хотя и не повлекли, но могли повлечь реальные общественно опасные последствия. Например, за нарушения правил охраны труда, безопасности на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах, а также за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, водного и воздушного транспорта, которые могли повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия.

Вторую группу составляют **неосторожные преступления, совершаемые должностными лицами в сфере управленческой деятельно-**

сти. К ним относятся такие преступления, как халатность, выпуск недоброкачественной продукции, бесхозяйственность, бюрократизм и волокита и некоторые другие. Эти преступления заключаются в невыполнении или ненадлежащем выполнении должностным лицом своих обязанностей, что причиняет серьезный вред интересам общества или граждан.

Вред, причиняемый неосторожными должностными преступлениями, может быть очень велик. Как правило, это материальный ущерб, нарушение правильной работы предприятий и организаций, срыв плановых заданий. Однако эти преступления иногда могут приводить и к гибели людей или к причинению вреда их здоровью.

Например, грубая халатность руководителей туристских организаций Адыгейской автономной области привела к гибели в горах нескольких туристов. Не было получено и передано штормовое предупреждение, горные приюты не были обеспечены связью, не было даже аварийного фонда снаряжения и продуктов. Маркировка тропы была сделана из рук вон плохо. В качестве проводников использовались не инструкторы-профессионалы, а неопытные студенты, которые в критический момент растерялись. Число туристов в группах было превышено («гнали план»), а сами они не были должным образом подготовлены к походу. Наконец, и спасательные работы начались с большим опозданием. Все это привело к тяжелой трагедии. Виновные в преступной халатности были осуждены к различным срокам лишения свободы.

Третью группу составляют **неосторожные преступления в сфере чисто профессиональной деятельности**, то есть без использования как технических средств, так и управленческих функций. К ним относятся, например, утрата документов, составляющих государственную тайну, недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества, неоказание помощи больному, нарушения различных правил: ветеринарных, установленных в целях борьбы с эпидемиями, а также для борьбы с болезнями и вредителями растений и других.

Эти преступления заключаются в нарушении виновным своих профессиональных обязанностей, установленных специальными правилами.

Наконец, четвертую группу составляют **неосторожные преступления, совершаемые в быту**. Это такие преступления, как неосторожное убийство, неосторожное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, неосторожное уничтожение или повреждение государственного, общественного и личного имущества граждан, повлекшее тяжкие последствия, небрежное хра-

нение огнестрельного оружия, если это повлекло тяжелые последствия.

Как правило, неосторожные преступления наказываются менее строго, чем сходные по последствиям умышленные преступления. Например, если умышленное убийство без отягчающих обстоятельств влечет лишение свободы на срок от трех до десяти лет, то неосторожное убийство — до трех лет или исправительные работы на срок до одного года. Это объясняется тем, что люди, совершающие неосторожные преступления, менее опасны для общества, они характеризуются меньшей нравственной испорченностью. Для их исправления не требуется столь жестких мер уголовного наказания, как для исправления лиц, совершивших умышленные преступления. Не случайно поэтому в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 года «О внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство Союза ССР» предусмотрено, что лица, совершившие неосторожные преступления впервые, как правило, отбывают наказание не в исправительно-трудовой колонии, а в колонии-поселении.

Однако в ряде случаев, когда неосторожное преступление может повлечь тяжкие последствия, например гибель нескольких людей, закон предусматривает не менее строгие меры наказания, чем за умышленные преступления. За нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, к примеру, повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия, а равно нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автотранспортным или городским электротранспортным средством, повлекшее гибель нескольких лиц, может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от трех до пятнадцати лет.

Применение уголовных наказаний — лишь одно из средств борьбы с неосторожными преступлениями. Однако главным методом в этой борьбе является их предупреждение, устранение причин и условий, их порождающих. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии отмечалось: «Наряду с применением мер наказания, предусмотренных законами, у нас проявляется все большая забота о профилактике преступлений, о том, как их предупредить, не допустить».

Для того чтобы предупреждать неосторожные преступления, необходимо выявлять причины и условия, их порождающие. В самой общей форме можно сказать, что предупреждать неосторожные пре-

ступления возможно, во-первых, воздействием на личность (воспитание дисциплинированности и уважения к правилам предосторожности, обучение безопасным методам работы, контроль за работой и так далее), во-вторых — соответствующим совершенствованием источников повышенной опасности, изъятием из производственной сферы и быта опасных орудий и средств, повышением их надежности.

Научно-техническая революция не только увеличивает опасность неосторожных преступлений. Одновременно в условиях социалистического общества она создает благоприятные возможности для их успешного предупреждения и на этой основе — для их сокращения, а затем, в перспективе, и полного искоренения. Следует только уметь использовать возможности, которые создает технический прогресс в соединении с преимуществами социалистической системы хозяйства. Развитие орудий производства может и должно сопровождаться опережающим развитием техники безопасности, как «овеществленной» (различные механизмы и приспособления), так и в виде правил безопасного производства различных работ, которым придается юридическая сила.

В Москве, например, количество автомобилей ежегодно увеличивается на 7—8 процентов. Примерно настолько же возрастает и интенсивность движения. Однако количество дорожно-транспортных происшествий систематически уменьшается. За пять последних лет число дорожных происшествий в расчете на тысячу автомобилей снизилось с 17,7 до 13,9, или на 21,5 процента. Происходит это потому, что широко внедряются новые технические средства регулирования дорожного движения.

Борьба с неосторожными преступлениями в нашей стране — дело не только органов, ведущих борьбу с преступностью, но и общественных организаций и коллективов трудящихся, это дело всего советского народа. Напомним слова товарища Л. И. Брежнева о средствах борьбы с антиобщественными явлениями: «В борьбе с подобными явлениями необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива, и критическое слово печати, и методы убеждения, и силу закона — все средства, находящиеся в нашем распоряжении».

**ПИСЬМА
С КОММЕНТАРИЯМИ
И БЕЗ**

**ОБМЕН МНЕНИЯМИ,
ДИСКУССИИ**

*что сделано по вашим
письмам*

**РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ХОРОШИХ,
СОВЕТЫ ЛЮДЕЙ ОПЫТНЫХ**

**ВСТРЕЧИ НА ЖУРНАЛЬНЫХ
СТРАНИЦАХ**

**РЕПОРТАЖИ ИЗ
ЗАЛА СУДА**

Свободное слово

ЛЕНКИН „КОЛХОЗ“

Когда в Новинке стало известно, что одного из парней Гераськиных, Петра, выдвинули кандидатом в депутаты сельского Совета, люди говорили:

— Правильно, целый же колхоз в доме. Кого там у их нет. Зоотехник есть, механик есть, учительница тоже... А сколько трактористов?

Начали считать, загибая пальцы:

— Сам был. Нынче Колька, Петька, Вовка, Толька...

— Нет, Вовка не тракторист. Газоэлектросварщиком в мастерской работает.

— Ваньки и Сережки что-то не видать.

— Как же, приезжают. Иван в Пензе, в институте. А Серега, так тот по музыкальной части пошел, учится сейчас.

Про семью Гераськиных из колхоза «Заветы Ильича» знают почти все в Тамалинском районе. Шутка сказать, семейка — пятнадцать детей.

А образовалась она три десятилетия назад. На втором году после войны будущему отцу семейства Александру Гераськину исполнилось двадцать, а будущей матери Елене — девятнадцать. К тому времени у обоих уже был изрядный трудовой стаж в колхозе. Хозяйство нуждалось в трактористах, и Александра освободили от призыва в армию. Может, поэтому молодые супруги после рождения первой дочери Татьяны порешили основательней закрепляться на родной земле.

Следующим появился сын Николай. За ним Петр. Через два года — Иван, еще через два — Галина, и дальше примерно с такой же периодичностью: Владимир, Сергей, Анатолий, Наталья, Валерий, Василий, Ольга, Марина, Надежда и Андрей, которому сейчас около шести.

Написать одни имена детей и то не просто, а ведь их надо кормить, одевать, воспитывать. Да к тому же сначала жизнь в семье складывалась не очень уж и гладко. Ютились у родственников. Александр Максимович, хоть и работал в ту пору трактористом, достатком не обеспечивал. Мать, понятное дело, сидела с детьми. И средств постоянно не хватало. Но пока с горем пополам выкручивались. Младшие одежонку старших донашивали, спали на двухъярусных полатах. Зимой по очереди выходили гулять в общих растоптанных валенках.

Условия заставляли растить детей в труде, заботе о младшеньких; недостатки приучали ценить любую обновку, радоваться маленькому гостинцу... В старое время, когда каждый бился с нуждой в одиночку, семье Гераськиных, с такими многочисленными едоками, пришлось бы очень туго.

А здесь пришла помощь. Колхоз дал им дом. После появления Петра, третьего в семье ребенка, и с рождением всех последующих братьев и сестер государство стало выдавать единовременные пособия. А как народился четвертый, Иван,— каждому ребенку с одного годика до пяти лет начали платить пособие ежемесячно.

Подросли ребяташки — вступил в силу закон всеобуча. Он не только обязует всех детей учиться, строить для них школы, но и предусматривает государственную материальную помощь отдельным ученикам. Что ни год, то Гераськиным-младшим школа выделяет деньги на покупку одежды, обуви.

Закончила восьмой класс старшая дочь, Татьяна. Дальше учиться не могла, пошла работать: от семьи ведь лишнего рубля не возьмешь. Тогда колхоз послал девушку своим стипендиатом в техникум. И стала Татьяна специалистом, зоотехником.

Захотели, подобно отцу, стать трактористами все старшие мальчишки — пожалуйста, учитесь на механизаторов. Иван, так тот даже автомобильный техникум окончил. Галя пожелала быть учительницей — теперь уже преподает. Володю на сторону потянуло — уехал в Волгоград. Но выучился на газосварщика и вернулся-таки домой.

Дом Гераськиных шумный, веселый. Отец и мать по натуре люди разные, Александр Максимович — подвижный, горячий, вспыльчивый, но зла на сердце долго не держал, до нежности любил детей. Елена Андреевна — в противоположность мужу — уравновешенная, невозмутимая. Однако жили Гераськины дружно. И вдруг постигло семью несчастье. По нелепой случайности погиб Александр Максимович. И осталась Елена Андреевна в сорок восемь лет многодетной вдовой.

В иных семьях горе убивает, семью начинают подтачивать раздоры. Гераськиных же никогда мелочи не разъедали. Утрата еще больше объединила их. Из взрослых детей трое — Татьяна, Николай и Галина — уже с семьями жили на стороне. Два студента — Иван и Сергей — учились за двести километров в Пензе. При доме осталось, кроме школьников и малышей, трое работающих сыновей. Но хлопот по хозяйству хватало. Надб было запастись на зиму картошкой, кормом для скотины, летом обрабатывать участок, подсоблять матери, оформившейся почтальоном, стирать, готовить еду...

Елена Андреевна, с неизменно темным от летнего зноя и зимних стуж округлым лицом, сказала на семейном совете:

— Тяжело будет, знаю, а выдюжим. И Ванюшка пускай в институте учится. И Сергей музыке. Вон нас сколько, неужто не осилим? Наша с вами сила, ребятки, в труде. В труде да чести.

За прожитые с мужем годы всякое бывало: и согласие и размолвки. Но семья всегда жила заботой друг о друге, помощью младшим, любовью к труду. Это ли, другое ли что всех их сдружило, и только теперь, в трудную минуту мать, пожалуй, впервые это по-настоящему оценила и ощутила весь смысл прожитого...

О семье Гераськиных много необычного говорили люди и в селе Дурово, где правление колхоза, и на почте, в которой служит Елена Андреевна, и в школе-интернате, где учатся юные Гераськины, и в деревне Нювинке, где начальная школа, обучающая грамоте меньшую поросль Гераськиных, и где живет вся семья.

Существовал в семье незыблемый порядок: к столу садились сначала родители, затем уже дети, сменяя один другого, опять же в строгой возрастной последовательности. Парни и девки Гераськиных шалили, озоровали, но не хулиганили. А недовольство местных жителей Ленкиным «колхозом» если и выражалось, то лишь тем, что «после их в магазин хоть не ходи».

Почти в каждой молве есть доля правды. Воспитание в семье Гераськиных действительно было поставлено основательно. Почитание старших считалось основой основ. Слово отца — законом, наказ матери — не повторялся. За стол, в самом деле, садились по старшинству. Но здесь следует кое-что уточнить.

Порядок этот заведен был еще в ту пору, когда родители ели одни. Маленьким не позволяли хватать со стола куски, а кормили всех вместе. С той же поры соблюдалось и неписаное правило: очередники моют посуду поевших. И тут можно найти целесообразность такой методы. Поевшие старшие обычно приступали к какой-нибудь работе, а малыши вполне управлялись с посильным для них делом.

Прошли годы. Уже нет отца, любившего почитание; давно отделилась Татьяна — первая помощница матери, по сути дела вынянчившая многих братьев и сестер. Но традиция сохранилась: высвобождались постепенно за столом места Николая, Петра, Ивана, Галины, Владимира, Сергея, Анатолия — их обязательно первыми занимали те, кто больше работал, раньше утром вставал.

Стол на кухне у окна — продолговатый, накрытый клеенкой, с затертыми дотемна лавками по обе стороны. Каждая — на четыре персоны. Тарелок в доме не держат, резона нет. Вместо них надежные, емкие миски, именуемые «чашками». Тарелки, предназначенные для торжеств, хранятся у матери Елены Андреевны.

Через проход от стола — большая русская печь. Она и варит, и обогревает, и простуженного манит к себе. На печи спят, отдыхают, лечатся, рассказывают сказки. В отличие от стола печью пользуются прежде всего младшие.

Из кухни дверь в «залу» — весьма просторную, не загроможденную мебелью комнату. На стенах обилие фотографий. Здесь две двуспальные кровати, шкаф, стол, телевизор. Остальное свободное место — для игр. Полы чистотой блестят.

Еще одна дверь ведет в узкую «спальню». Там диван, кровать, стиральная машина. Легендарных полатей уже нет. Появилась возможность обходиться без них. Да оно и понятно, при доме живут всего шестеро: работающие неженатые — Петр, Владимир и Анатолий, да ученицы начальной школы — Марина, Надя и малыш Андрей.

Народу прибавляется на выходные дни. Валера, Вася, Оля приезжают из интерната колхозной школы, а девятиклассница Наташа из Тамалы.

Но и этот состав семьи не идет в сравнение с прошлым. Опустел дом, заметно опустел. Меньше стало смеха, шума, колготни. А забот бывает еще много.

Отец при жизни говаривал более взрослым сыновьям:

— Баловать балуйте, да с головой. Уважение к людям имейте. Не позорьте дом. Ремнем вас уже не постращаешь, думать самим пужно.

Ремень Александр Максимович в ход пускал, скрывать нечего. Под горячую руку. Когда-то признался жене после наказания одного из сыновей:

— Зря я его. Сила есть, ума не надо, так и у меня получилось. А ему, может, это память на всю жизнь. Плохую память, Лена, оставил, плохую. Ты-то чего молчала?

— Здрате. Я и виноватая осталась. Ну-к, сказала б, а как и меня хлестнул бы. При детях-то. Чего ж хорошего? Нет, Шура, упаси бог на их глазах нам счеты сводить. Как с тобой промеж себя живем, тому и они выучатся. Хотим, чтобы дети хорошие выросли, себя давай соблюдать.

— Ты это насчет чего?

— А насчет всего. Подгулял маленько, приди ляг потихоньку, и чтоб ни слуху ни духу. Озяб, мол, и не выспался. Детишки, они все начисто примечают.

В домашней педагогике Елена Андреевна исходила из здравого смысла: один учит уму-разуму, другому незачем вмешиваться. И уж ни за что не жалела наказанного. Заработал — вот и получил по заслугам.

Вообще же Елена Андреевна редко серчала на детей так, чтобы их наказывать. Ругала в основном за ссоры между собой. В этих случаях ставила в угол. Иной раз углов не хватало — ставила к кроватям или просто к стене. А в самых что ни на есть исключительных ситуациях обсуждались поступки ребят на семейном совете, как бы на домашнем суде.

Доходили порой до Гераськиных-родителей слухи, будто их ребята иногда участвуют в потасовках. Допытывались, правда ли.

— Я, маманя, Петрика выручал. Дуровские к нему возле клуба пристали, ногами пинать начали.

А спустя какое-то время по деревне разнеслась новость: Кольку Гераськина посадили. Действительно, двенадцатидвухлетнего Николая и нескольких парней забрала милиция за драку в Крюковке. До суда дело не дошло, задержанных подержали и выпустили.

Но в доме Гераськиных состоялся свой суд. После возвращения «арестанта» никто никого не созывал, но все без приглашения потихоньку рассаживались в «зале», молча поглядывая на плачущую мать.

А Елена Андреевна качала головой и изредка тяжело выдыхала: «Ох!»

Николай сидел у стены на корточках, сцепив руки на коленях. Меньшие братья и сестры смотрели на него с чувством страха и жалости.

Невозможно передать всю процедуру необычного суда. Там были и похожие на причитания укоры матери, и довольно крепкие отцовские выражения, и попытки Петра с Володей вступить за брата.

Но вот заговорил рассудительный Иван.

— Ты, Колька, — сказал он, — просто не имел права думать только о себе. Ты вон о них должен был подумать, о Надюшке, Маринке, Андрюхе... Уж не говорю о мамане и папане.

— Выходит, не имею права ударить, когда меня оскорбляют и бьют? — огрызнулся Николай.

— Не имеешь, Колька. Нужно, братан, быть чистым перед самим собой, тогда и грязь любая не пристанет.

— С кожей ее, грязюку, сдирай,— грозно прибавил отец.— А в дом чтоб не тащил, нас не пачкал.

Так судили отступника семейным миром. До сих пор помнит Николай, как смотрели на него шестнадцать пар глаз, как вне себя от пережитого позора раскачивала головой мать. Именно тогда понял, что означает слово «ответственность».

Ответственность, помнит Николай, не позволяла дома в открытую курить — меньшей братве только подай пример. Перед уходом в армию все еще украдкой затягивался, пока мать как-то не увидела дымок спрятанной в рукав сигареты.

— Гляди мне, ватник спалишь. Ходит, хоронится по за углами. Ладно уж, коли девки кругом курят, чего ж тебе папиросы в хлеву держать.

Елена Андреевна слывет среди односельчан беззаботной. Но они не знали, сколько бессонных ночей провела и проводит эта очень спокойная с виду женщина. Были ребята малыми — вскакивала среди ночи чуть кто заплачет. Стали один за другим подрастать — забот и тревог прибавилось. А как в школу пошли — до сна ли было? Одному ботинки, второму брюки, третьему пальто, четвертому шапку... Нет, не спалось матери долгими ночами. Хорошо еще, что школа деньгами из фонда всеобуча помогала, кое-кого из ребят приодела.

В трудные дни все время помощь оказывалась. То сельсоветом, то колхозом, то школой. Не проявил Сергей склонности, как братья, к машинам, тракторам, потянуло его к музыке. И тут правление колхоза приняло решение: выучить парня на общественные средства, пусть будет клубным работником.

И еще пример проявленного к семье внимания. Окончившей в прошлом году восьмой класс Наташе мать сказала:

— Пойдешь, дочка, на ферму. Не потяну я, миленькая, тебя еще два года. Кончай свою учебу.

А девочка способная. Начался учебный год, а Наташа подрядилась возить работавшим в поле обед. Как уж прослышало о ней районное начальство — неизвестно. Только однажды приехал оттуда человек и сказал, что Наташу зачислили на полное государственное содержание в Тамалинскую школу-интернат.

Вот и остается сейчас на неделе при Елене Андреевне, не считая работающих сыновей, всего трое. Да и то днем Марина с Надей уйдут в школу, и мать говорит младшему:

— Тихо-то до чего, Андрюшенька, в избе. Господи, когда теперь все соберутся!

Собираются вместе Гераськины на большие праздники да в летние каникулы. Сообща заготавливают сено, скопом выходят в поле на прополку колхозной свеклы. Делянку в четыре гектара добрая дюжина цапок обрабатывает за два-три дня. Тогда-то и завидуют Елене Андреевне люди.

За почтой для матери в Дурово сматываются на мопедах сыновья. Девчонки быстро разнесут письма, газеты, журналы — каждая знает свои дворы. Второкласснице Наде отведена самая небольшая часть

села. Ко дворам, чуть дальше, носит почту четвероклассница Марина. На дальний же конец, Выгон,— пятиклассница Ольга.

Мальчишки, те негласно распределили между собой обязанности обеспечивать водой, дровами, ухаживать за скотиной, чистить хлева. Лето для Гераськиных хоть и заполняется нескончаемым деревенским трудом, но имеет и свои прелести: лакомятся из собственного сада вишней, наваривают до десятка ведер варенья, а главное — радуются общей встрече.

Наступает зима — изба пустеет. Елене Андреевне каждый день приходится запрягать в розвальни колхозную лошадку, ехать за шесть километров на центральное отделение брать почту. В надетом поверх овчинной шубы брезентовом плаще, укутанная шалью, она, бывает, сквозь пургу по нескольку часов ведет за собой лошадь, прежде чем доберется обратно домой.

Сядет в кухне на табурет, не находя сил раздеться. Детские ручонки начнут развязывать шаль, расстегивать пуговицы. «Уставать что-то стала», — говорит она грустно. Когда родила десятого, Валерика, ей вручили орден «Мать-героиня». С тех пор минуло шестнадцать лет...

Пригласили прошлый год Елену Андреевну в Пензу на торжество по случаю Международного женского праздника, попросили выступить. Хотелось ей поведать с трибуны про свою большую семью, маленькие радости, про то, из чего складывается повседневная жизнь.

А рассказ получился о колхозе, о школах, где учатся ее дети, о совсем будто бы посторонних людях, оказавшихся причастными к тому благополучию в доме, о котором она собиралась поведать. Стала благодарить с трибуны Советскую власть, партию за помощь и внимание многодетным семьям...

Вечерами иногда Елена Андреевна становится веселой. Вернутся с работы сыновья, начнут умываться, ужинать. Включат проигрыватель. Найдет полная изба товарищей — шуму, смеху, как бывало в лучшие времена.

— Дверь, окаянные, в сенцы закрывайте! — шутливо покрикивает на молодежь Елена Андреевна. — Клуб, что ли? А пришли, так песни играйте. Включут какие-то вуги-вуги, и слушай их. Ну-ка, Толлик, бери баян!..

По субботам съезжаются школьники из интернатов. В несколько ножей начищается картошка, звенит на дворе пила, ухаёт топор, гремят ведра, со стуком сбрасываются у печи охапки дров.

И уж нет для матери большей радости, когда вдруг раздаётся возглас:

— Маманя, Танька с Виктором и Оксаночкой приехали!

Или Галина с семьей, Иван, Сергей... Когда приезжают гости, радостно повизгивает кудлатый добрый Шарик, помогавший в последние годы отцу пасти скот. На продолговатом столе расставляются праздничные тарелки...

Такие вечера тянутся долго. И допоздна светятся окна их дома. Этому в Нювинке никто не удивляется. Просто все хорошо знают семью Гераськиных, Ленкин «колхоз».

решая судьбы людей

— **И** приходит человек, облеченный высоким доверием товарищей, в суд, мы учим его основам судопроизводства, знакомим с положениями уголовного, гражданского, брачно-семейного законодательства, — рассказывает председатель Ленинградского районного народного суда столицы Владимир Николаевич Андрушин. — Некоторые народные заседатели обогащают свои юридические познания в университетах правовых знаний. Но этого для народных заседателей еще мало. Чтобы быть полнокровным судьей, надо активно участвовать в судебных процессах, уметь находить пути к установлению истины, правильно оценивать доказательства, среди множества обстоятельств дела находить мотивы преступления и глубоко анализировать причины, приведшие человека на скамью подсудимых. Нужно обладать пытливым умом, иметь настойчивость, подчас терпение и желание докопаться до существа дела, сознавать свою высокую миссию и большую ответственность за порученное дело, чтобы правильно решать судьбы людей. Многолетний опыт работы народным заседателем помогает им выработать в себе эти нужные качества.

Владимир Николаевич привел в пример народного заседателя Алексея Гавриловича Полякова. Я знакомлюсь с ним...

Поляков — невысокий пожилой человек со светлыми внимательными глазами. По специальности он радиотехник, но занимается этим делом не всю свою жизнь. До Великой Отечественной войны был электриком, работал осветителем в московских театрах. Гражданская профессия ему пригодилась, когда служил во флоте. Закончив обучение, старший краснофлотец Поляков был направлен служить в отдельный прожекторный батальон.

Передо мной старые фотографии. На одной из них — молодой краснофлотец в выходной форменке летним солнечным днем стоит у Петергофских фонтанов. Это еще в мирное время. А рядом лежит на столе карандашный набросок, изображающий моряков в одну из тревожных ночей у форта, где за месяц до демобилизации застала Алексея Полякова война.

Фашистские летчики сообразили, что заходить на бомбежку города ночью надежнее с моря, сверяясь с мерцающими очертаниями Финского залива. Поэтому на этом «авиабольшаке» наши сосредоточили зенитные и прожекторные части. Так что бандитские налеты не сходили безнаказанно врагу с рук.

— Первое ранение я получил в Лебяжьем. Вели мы «юнкерс», а другой подкрался и бросил бомбу. Наш расчет осколками накрыло. Однако видел я, что наш «крестник» задымился,— вспоминает Поляков.

В суровом сорок втором, когда враг особенно яростно атаковал Ленинград, комсомолец Поляков вместе с боевыми товарищами подал заявление о приеме в партию. На партийном собрании он был единогласно принят кандидатом в члены партии. Молодой коммунист с честью оправдал высокое доверие товарищей. Три «юнкерса», ослепленные мощными лучами прожекторов его боевого расчета, врезались в пустынные земли городских окраин. Ратный труд Алексея Гавриловича Полякова отмечен боевыми наградами и записями в Истории части. Из двенадцати человек, кто 22 июня был рядом с Алексеем Гавриловичем, День Победы, а произошло это в Эстонии, неподалеку от Пярну, встретило только трое.

После войны тридцатилетний фронтовик вернулся в осветительскую кабину над сценой. Потом перешел на предприятие, учился, стал радиотехником.

Неоднократно Алексей Гаврилович проявлял свои способности на общественной работе. Еще в войну оформленная им в Ижорском госпитале стенгазета заняла первое место на смотре стенгазет военной Балтики. А в 1974 году его наградили медалью «За трудовую доблесть».

Так высоко был оценен большой и полезный труд Полякова в качестве председателя общественного отдела кадров, его наставничество, успехи в воспитании молодых рабочих.

Народным заседателем Алексей Гаврилович избирается и работает уже более десяти лет.

В начале 1965 года Поляков пришел в народный суд. Пришел и сразу проявил живой интерес народного заседателя, желание сразу познать многое, объективный подход к делу. Чувство справедливости, которое часто проявлялось в его искренних словах, обратило на себя внимание судей. Народный судья Петр Юсифович Гагара даже спросил:

— А не хотите ли вы, Алексей Гаврилович, стать юристом? Сидеть за судейским столом постоянно?

— Нет,— ответил тогда Поляков.— Не хочу.

— Как юрист я не очень высокий специалист,— в беседе со мной скромно говорит о себе Алексей Гаврилович.— Университет правовых знаний? Да, он, конечно, помогает осваивать основы советского права. Я учусь там вместе с народными заседателями, членами товарищеских судов, сотрудниками милиции. Занимаемся мы в университете при Академии МВД. Но мне многое дала и судебная практика. При рассмотрении в суде гражданских и уголовных дел помогает и жизненный опыт.

— Как-то вызвали меня в суд,— рассказывает Алексей Гаврилович,— для участия в заседании. Рассматривалось дело по обвинению водителя Белилина в нарушении правил дорожного движения. К слову сказать, я давний автолюбитель, у меня старенький «Москвич». Так вот, это дело слушал я с интересом. Народный судья Петр Юсифович Гагара говорит, что органы предварительного следствия небрежно расследовали преступление, в материалах мно-

Эти два снимка разделяют тридцать пять с лишним лет.

На снимке: Алексей Гаврилович Поляков в годы службы в военно-морском флоте.

Снимок слева повествует о деятельности Полякова как народного заседателя. Двое пришли в суд разводиться. Долгий серьезный разговор с ними ведет Алексей Гаврилович. И нередко после такой беседы удается сберечь семью.

го противоречий, неясностей. Ряд обстоятельств не выяснен: Суть дела такова. Из ворот дома выехал на мотоцикле некий Фролов. По улице, с левой стороны, приближался грузовик, а с правой — автобус. Выехав на большой скорости на проезжую часть, Фролов увидел автобус и затормозил. Незамеченный им грузовик в это время оказался в непосредственной близости. Его водитель, Белилин, нажал на тормоз, но было уже поздно. Случилась авария.

— Петр Иосифович Гагара высказал сомнения в том, что схема дорожного происшествия правильно отражает обстоятельства дела, — дальше рассказывает Поляков. — Я на нее внимательно поглядел и понял, что она составлена на глазок, приблизительно. В ней, к тому же, не все данные этого события были зафиксированы. Поэтому я предложил выехать на место происшествия и уточнить обстоятельства дела. Но судья со мной тогда не согласился, сказал, что надо направить дело на новое расследование. Возможно, при новом расследовании дела все обстоятельства полно будут исследованы и выяснены. Однако этого не случилось. Не все пробелы были восполнены. И выезд на место происшествия в ходе судебного процесса опять стал необходимостью. Выехали. Разобрались на месте. Исходя из документов дела Белилин не мог на таком близком расстоянии и за столь короткое время, как указывалось в деле, предотвратить аварию. Виновником создания аварии был один водитель мотоцикла. В отношении Белилина мы вынесли оправдательный приговор. Дела не любят шаблонного подхода. Всякое конкретное дело требует к себе особого отношения, большого внимания, чуткости и осторожности. Ведь за делами — живые люди. И не каждый подсудимый преступник. Конечно, ошибки в необоснованном привлечении людей к уголовной ответственности крайне редки. Но дело не столько в этом, а сколько в том, что подсудимый подсудимому рознь. По иному скамья подсудимых давным-давно плачет, другой — попал на нее впервые и подчас просто случайно. Потому-то я и говорю, что у судьи сердце должно быть твердым, но человеческим. Судья без сердца — это не судья.

Алексей Гаврилович рассказал и о другом случае из своей практики работы в суде народным заседателем.

Компания мальчишек во главе с Геной Приезжевым (девятиклассником) собиралась по вечерам во дворе школы. Были каникулы. От нечего делать курили, болтали и довольно быстро отыскали «развлечение». Выбрали глухую улочку, телефонный автомат с разбитой лампочкой. Затем оторвали телефонную трубку. Зачем? Ах, если бы они сами знали, зачем это делают! Просто, видимо, веселились, доставляли себе таким образом удовольствие.

Забавлялись они недолго, недели три. В один из вечеров участковый инспектор милиции обнаружил и изловил всю компанию. В углу захламленного чердака двухэтажного дома, где проживала семья Приезжевых, нашли около двадцати оборванных телефонных трубок.

Судебное заседание народного суда проходило в школе, вскоре после начала новой четверти учебного года. Полякова особо заинтересовала воспитательная работа в этой школе, в частности, как педагоги учат школьников использовать свое свободное время и знают ли они их увлечения. Эти вопросы Алексей Гаврилович зада-

вал во время судебного заседания и учителям и одноклассникам Приезжева.

Выяснилось, что педагогический коллектив этому важному делу не уделял достаточного внимания. Суд вынес в отношении педагогического коллектива частное определение.

Приезжева суд приговорил к лишению свободы на шесть месяцев в воспитательно-трудовой колонии для несовершеннолетних условно. Ему помогли устроиться на работу и поступить учиться в вечернюю школу.

Именно Поляков был инициатором замысла, в успех которого верили немногие: Приезжев стал трудиться на той самой телефонной станции, имущество которой он так безрассудно портил.

Надо сказать, что серьезнейшее испытание он выдержал. И по отбытии наказания продолжал работать там же, куда попал не по своей воле. Повысил рабочий разряд, а, отслужив в армии, поступил в вечерний техникум связи.

Народный заседатель Поляков, осуществлявший контроль за исполнением приговора, а также старшие товарищи по работе помогли мальчишке исправиться.

Кстати заметим, прошло немало времени с тех пор, но ни один ученик той школы, где состоялся судебный процесс, не был замечен не только в подобных делах, но и в других правонарушениях.

Так вот скрупулезно, вдумчиво с сугубо индивидуальным подходом к подсудимым, к участникам в гражданском процессе рассматривает дела в составе суда народный заседатель Алексей Гаврилович Поляков.

А. МИТЬКО

беречь семью

«Беречь семью — обязанность супругов» — под таким заголовком опубликовано письмо Зои Ш. из Днепропетровска (№ 12 за 1976 год). Корреспонденция Зои Ш. вызвала живые отклики читателей. Приводим некоторые из них.

Заботиться друг о друге

Меня глубоко взволновала история Зои Ш. Наверное, потому, что ее семейная жизнь во многом схожа с моей. Двадцати двух лет я вышла замуж. Старалась делать все (во всяком случае, мне так кажется), чтобы сберечь семью, но, к сожалению, события развивались по-другому. И мы разошлись. Я осталась с двумя детьми.

За семь лет семейной жизни так устала от бесконечных разногласий, что теперь решила: буду одна растить ребятшек. Но тут

встретился человек, который предложил мне выйти за него замуж. Как и Зоя, я долго колебалась. Но он был настолько внимателен ко мне, так сердечно относился к ребятишкам, что я решилась на новый брак. Как-то я заболела. Долго пришлось лежать в больнице. И вот тут-то по-настоящему поняла, как мне повезло со вторым мужем. Он вовремя накормит ребятишек, поиграет с ними, почитает книжку. И меня навестит в больницу. За эту заботу и внимание я ему очень благодарна. Невольно сейчас задумываюсь: почему у нас так хорошо сложились отношения со вторым мужем? Все дело в том, что мы постоянно заботимся друг о друге. В этом, думается, основа семейного счастья.

Л. ДОЛГОВА,
Нижневартовский район
Тюменской области

В интересах ребенка

Решаясь на второй брак, Зоя Ш. в первую очередь подумала о ребенке: а найдет ли ее новый муж с ним общий язык? И это совершенно справедливо. В таких ситуациях женщине нужно руководствоваться не только чувствами, но и рассудком. Сможет ли второй муж заменить ребенку отца? Не послужит ли это в дальнейшем поводом для новых осложнений в семейной жизни?

У меня с мужем, как ни горько об этом писать, разногласия нередко возникают как раз из-за ребенка (он родился от другого человека, без брака). К девочке муж не только равнодушен, но даже стыдится ее. А ребенка это травмирует. Иной раз спросит: «Почему папа так ко мне относится?», а я и не знаю, что ответить. Во всем этом виню только себя. Если имеешь ребенка, то, создавая семью, думай сначала о его интересах. Ошибка может обойтись дорого.

ОЛЬГА С.,
Лиепая Латвийской ССР

Усилия должны быть взаимными

В письме Зои Ш. есть фраза, адресованная ее знакомым, которые вздумали разводиться: «А что вы сделали для того, чтобы сберечь семью?» Упрек этот, как мне кажется, меньше всего относится к женщине. Женщина всегда стремится (может быть, за редким исключением) сохранить семью. Для этого подчас идет на всяческие уступки, прощает обиды. А мужчина? Много ли он делает для того, чтобы сохранить семейный союз? Для иного рюмка водки оказывается дороже жены, детей, домашнего благополучия.

И в том, что второй брак Зои Ш. оказался счастливым, заслуга не столько ее самой, сколько мужа. Он хотел иметь семью. Воспитывал неродного ребенка как своего собственного. Вместе с женой стремился преодолеть неизбежные в каждой семейной жизни шероховатости. С таким человеком, конечно, «ковать» семейное счастье можно.

Чтобы сохранить семью, муж и жена должны одинаково стремиться к этому. Не будет единства — брак сохранить трудно.

МАРИЯ В.,
Тольятти
Куйбышевской области

Нас развела водка

Надо беречь семью... Эта, казалось бы, неоспоримая истина, на мой взгляд, сохраняет свою силу лишь тогда, когда между мужем и женой царят мир, согласие, любовь. Но стоит ли беречь семью, когда между супругами происходят постоянные конфликты, а вместо нежности, взаимного уважения — одна неприязнь?

Так случилось со мной и моим мужем, теперь уже бывшим. До того, как пожениться, мы встречались пять лет. Проверяли свои чувства. Виктор, как мне казалось, был неплохим парнем. Веселый, общительный. Вот только выпивал иногда. Не сильно, но часто и, как он объяснял, «для веселости». Ну, думаю, это грех небольшой, в семейной жизни образумится и перестанет пить. Поженились мы. С моими родителями жить не стали, сняли квартиру, чтобы с самого начала быть во всем самостоятельными. И вот тут-то Виктор показал себя таким, каким я его никогда не знала. На мои робкие замечания: «Не пей часто» отвечал грубостью. Иногда кричал: «Не суйся не в свое дело!» Напьется где-нибудь, придет грязный и прямо, не раздеваясь, — на чистую постель. А то приведет компанию дружков и устроит попойку дома. Каких только оскорблений я не переслышала, каких обид не испытала — всего не перечить!

Не в силах больше терпеть такое отношение к себе, я с маленьким ребенком ушла к родителям. Прошло немного времени, вдруг мне сообщают: Виктор в больнице. Как ни была на него обижена, обо всем сразу забыла и побежала к нему. Оказалось, он попал в аварию. Последующие дни я буквально разрывалась между ним и ребенком. Часами проводила возле его постели. Он благодарил меня за заботу и клялся: «Вот выйду из больницы — начнем жить по-новому. Только прошу тебя, забудь старые обиды. Никогда этого больше не повторится!»

Я поверила Виктору. Да и как не обрадоваться его словам — все-таки у нас ребенок, ему нужен отец. Выйдя из больницы, Вик-

тор первым делом пришел ко мне (я жила у родителей). Но в каком виде! Пьяный, неряшливый. На всю улицу начал оскорблять меня, пытался даже ударить. Это повторилось. Терпению моему пришел конец. Разве можно было наладить с таким пьяницей хорошие отношения? Спиртное заглушило в нем все человеческое. Мне не нужен такой муж. А дочери — такой отец. Какие уроки воспитания он может преподать ей своим безобразным поведением? Я подала на развод. Нас развели. Остались мы вдвоем с дочуркой. Горько, конечно, обидно, но что поделаешь. Лучше жить без мужа, чем с таким, какой был у меня.

**ЛЮДМИЛА П.,
Александровский район,
Донецкая область**

**растить
гражданина**

МЫ ТОЖЕ «ЗА»

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ А. КОСИНСКОГО

«Я — ЗА СЕМЬЮ МНОГОДЕТНУЮ»

(№ 11, 1976 год)

Мне понравилась статья А. Косинского из Ровенской области «Я — за семью многодетную». Я тоже «за»! Вдвоем с мужем вырастили и воспитали пятерых детей. К сожалению, один из них трагически погиб в возрасте шестнадцати лет. Остальные четверо уже работают, имеют свои семьи.

Дети — наша радость и гордость. Дочь Валя окончила Алма-Атинский институт физического воспитания. Она неоднократная чемпионка республики по велосипедному спорту, отстаивала спортивную честь страны в составе сборной СССР на международных соревнованиях. Успешно трудятся и пользуются уважением в своих коллективах и три наших сына. Все они очень внимательны и заботливы по отношению к нам — своим родителям, дружны между собой. А как приятно, как радостно на душе, когда в праздничные

дни шумной, веселой компанией собираются у нас наши дети и внуки. У нас уже пятеро внуков. Но мы с мужем считаем, что это не слишком много на четыре семьи. Хотелось бы, чтобы дети последовали нашему примеру и имели, по крайней мере, по три ребенка каждый.

**Н. АНДРЕЙКО,
Целиноград**

Прочла в вашем журнале статью «Я — за семью многодетную». Во всем согласна с ее автором А. Косинским. У меня тоже пятеро детей. Нередко приходится слышать такие вопросы: «Как ты с ними справляешься? При нашей жизни больше одного — двух иметь не надо». А что жизнь? Грех жаловаться.

Я — счастливая мать. У меня три сына и две дочери. Старшая — студентка третьего курса института, учится на средства предприятия, которое направило ее на учебу. Младшая дочь ученица девятого класса. Все сыновья имеют среднее образование. Один уже отслужил в армии и работает сейчас токарем. В этом же цеху учится на фрезеровщика другой сын, а третий — служит в армии. Дети трудолюбивы, внимательны к старшим, товарищам, мне, матери, приятно слышать о них добрые слова.

Радует и то, что сыновья и дочки живут дружно между собой, заботятся друг о друге.

Семья — это первый коллектив ребенка. И на мой взгляд, чем больше этот коллектив, тем лучшие создаются условия для воспитания детей. Человек вырастает в нем добрее, трудолюбивее, более стойким к жизненным неурядицам. В большой семье приходится всем трудиться с самого раннего возраста, помогать друг другу, иной раз и жертвовать чем-то ради сестры или брата. И хотя у нас пятеро детей, мой трудовой стаж с начала работы (с 1951 года) непрерывный. И это благодаря тому, что старшие помогали ухаживать за младшими, домашняя работа распределялась между всеми членами семьи, конечно, в соответствии с возможностями каждого.

Я — за большую семью.

**Н. БОРОДКИНА,
Игарка**

Мне двадцать восемь лет, а жене двадцать три года. Но у нас уже трое детей и все девочки. Старшей — пятый пошел. Самый любознательный возраст. Придешь с работы, займешься с ними и усталость как рукой снимет. Большое это счастье — дети. Некоторые удивляются: такие молодые, а уже многодетные, куда торопитесь, обжились бы сначала. А мы не жалеем. Успеем и обжиться, и детей воспитать. Главное, чтобы семья жила дружно.

Часто можно слышать, что в молодых семьях не все ладится, доходит дело до скандалов, а иной раз и до разводов. Мы с женой Аней живем мирно, в согласии. Да и недосуг нам по пустякам ссо-

риться. Заботы о детях, совместное воспитание их очень роднят нас, отвлекают от временных неурядиц.

**Н. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
Ленинград**

Я выросла в семье, где было девять детей. Сейчас, к сожалению, большие семьи редкость, хотя жизнь становится с каждым годом лучше и государство проявляет немалую заботу о многодетных. Мы тоже постоянно ощущали на себе эту заботу. Наши родители простые, скромные труженики. Отец еще работает, а мать пенсионерка. Как многодетной матери ей выплачивают пенсию с пятидесяти лет. Дети сейчас живут самостоятельно. Выросли здоровыми, трудолюбивыми людьми, приобрели специальности.

Я сама уже мать — у меня дочь восьми лет — и знаю, как хлопотно, сложно растить человека, какая ответственность ложится на плечи родителей. А если в семье девять человек детей! Часто задумываюсь, как это наша мама с нами управлялась? Росли мы без бабушки, и мама почти все время работала. Конечно, мы, старшие дети, много ей помогали, заботились о младших. Мама же умела так поставить дело, что мы и с домашними обязанностями справлялись и в школе учились хорошо.

И я сейчас думаю: разве это не героизм — воспитать для общества девять хороших человек! Целиком и полностью присоединяюсь к мысли А. Косинского, что большая семья — хорошая школа воспитания.

И о таких семьях, об опыте многодетных родителей следовало бы чаще рассказывать на страницах газет и журналов.

**Г. ГУТОВА,
Новосибирск**

**по следам
неопубликованных
писем**

Освобожден от должности

На Воркутинской фабрике химчистки и крашения одежды с некоторых пор установились странные порядки. Выделили как-то две туристические путевки для ее работников. Кто поедет? Директор фабрики Н. Беломестнов решил сразу: «Поедут моя жена и дочь». И действительно, поехали. В другой раз подводились итоги социалистического соревнования. Местный комитет профсоюза решил: наградить отличившихся ценными подарками. Директор

вновь вмешался: «Награжу кого захочу! И местком мне в этом деле не указ!»

Такой «стиль» работы стал постоянным у Н. Беломестнова. Не желал он считаться ни с какими нормами трудового законодательства. Привлекал людей к сверхурочным работам, не согласовывая это с местным комитетом профсоюза. Причем платил за эти работы не так, как это положено по закону, а по собственному усмотрению. В результате за короткий срок было переплачено 3325 рублей.

Обо всех этих нарушениях написала в редакцию читательница А. Броевая. Прокуратура Коми АССР по просьбе редакции проверила ее письмо. Факты подтвердились. На Н. Беломестнова произведен денежный начет в размере трех должностных окладов. Приказом по республиканскому объединению химчистки и крашения одежды Н. Беломестнов освобожден от занимаемой должности. Проверкой установлены и другие нарушения финансовой дисциплины. Прокуратура города Воркуты предложила администрации республиканского объединения химчистки и крашения одежды провести документальную ревизию, после чего будет решен вопрос о привлечении бывшего директора к уголовной ответственности.

Конфликт у самолета

Гражданин В. Конвисор написал в редакцию о случае, который произошел с ним в аэропорту города Барнаула. Когда он предъявил билет, его отказались посадить в самолет. Тогда он стал требовать, чтобы ему предоставили возможность улететь следующим рейсом. И здесь получил отказ. Вдобавок ко всему вмешалась милиция и... оштрафовала его на 10 рублей.

Беспричинно обидели человека? Нет. События в аэропорту, как показала проверка, проведенная прокуратурой Ленинского района города Барнаула, происходили несколько иначе, чем их описал В. Конвисор. Перед рейсом он крепко выпил. В таком неприглядном виде явился к трапу самолета. Работница аэропорта, производившая посадку, заявила ему, что в нетрезвом виде пассажиры в самолет не допускаются. На этот счет есть строгая инструкция. Требуя, чтобы его отправили другим самолетом, В. Конвисор вел себя нетактично. Работники милиции вынуждены были отвести его в дежурную часть. За нарушение общественного порядка В. Конвисор был оштрафован.

Затянувшийся спор

При разводе супруги В. Иванов и Т. Иванова, проживающие в Краматорске, поделили принадлежащий им на праве общей совместной собственности дом. Казалось бы, тем дело и кончится: каждый будет жить в своей половине, не касаясь другого. Однако после суда В. Иванов заявил бывшей жене, чтобы она и близко не подходила к дому. Пришлось женщине опять обращаться в суд. На основе судебного решения ее вселили в принадлежащую ей часть дома. Спустя немного времени вынуждена была уйти, поскольку бывший муж постоянно устраивал скандалы, не давал ей спокойно жить. О своих мытарствах она написала в редакцию. Ее письмо было направлено в Донецкую областную прокуратуру. Заместитель прокурора, старший советник юстиции В. Синюков сообщил, что за самоуправные действия В. Иванов привлечен к уголовной ответственности и приговорен к трем месяцам исправительных работ с удержанием 15 процентов заработка в доход государства.

нам пишут

ОПОРНЫЙ ПУНКТ

БАТУРИНЦЕВ

...В комнату опорного пункта охраны порядка вошла взволнованная женщина.

— Помогите, пожалуйста! Явился бывший муж и хулиганит в доме...

— Ваш адрес? — спросил дежурный по опорному пункту.

Женщина назвала. Дежурный зарегистрировал в журнале поступившую жалобу и успокоил посетительницу:

— Сейчас придем к вам дружинников.

Это будничный эпизод из деятельности опорного пункта охраны порядка при Ивановском химическом заводе имени Батурина. Его обслуживает народная дружина, насчитывающая в своих рядах более пятисот человек. В основном это работники завода. В числе дружинников — слесарь-котельщик Евгений Бабаев, приборист Алек-

сандр Родин, сварщик Евгений Давыдов, аппаратчик Александр Тархов, токарь Юрий Тяпкин, машинист Павлина Мухина и другие. Это коммунисты, комсомольцы, депутаты местных Советов, лучшие люди завода. Тринадцать из них награждены значком «Отличный дружинник».

Деятельность дружинников не ограничивается только патрулированием улиц, охраной общественного порядка. Они многое делают для того, чтобы предупредить нарушения. На учет взяты семейные дебоширы, пьяницы, лица, состоящие под административным надзором. На них заведена специальная картотека.

Шофер М. в свое время часто выпивал, скандалил в семье. Из отметок в карточке видно, что члены народной дружины частенько интересовались его поведением. При последних посещениях жена заявила: «Стал вести себя хорошо».

Другой случай. Николай О., отбыв наказание за хулиганство, вернулся домой и вновь принялся за старое. Много усилий пришлось приложить активистам опорного пункта, прежде чем парень взялся за ум и понял, что плохое его поведение не доведет до добра. Недавно он женился. Сейчас успешно трудится. Жалобы на него прекратились.

Труднее складывалась судьба другого человека — Б. Дважды судимый, он нигде не работал, пил, сидел на шее у немолодых родителей. С ним беседовали дружинники, его поведение обсудили на заседании уличного комитета. Было решено: ходатайствовать о направлении Б. в лечебно-трудовой профилакторий. После лечения от алкоголизма он стал совсем другим человеком — поступил на работу, ведет себя нормально.

— Дружинники — наши верные помощники по искоренению правонарушений, — говорит заместитель начальника уголовного розыска Фрунзенского районного отдела внутренних дел Константин Родионович Василевич. — Из девяти опорных пунктов охраны порядка, созданных в районе, у батурицев самый лучший.

ИВАНОВО

И. МАРТЬЯНОВ

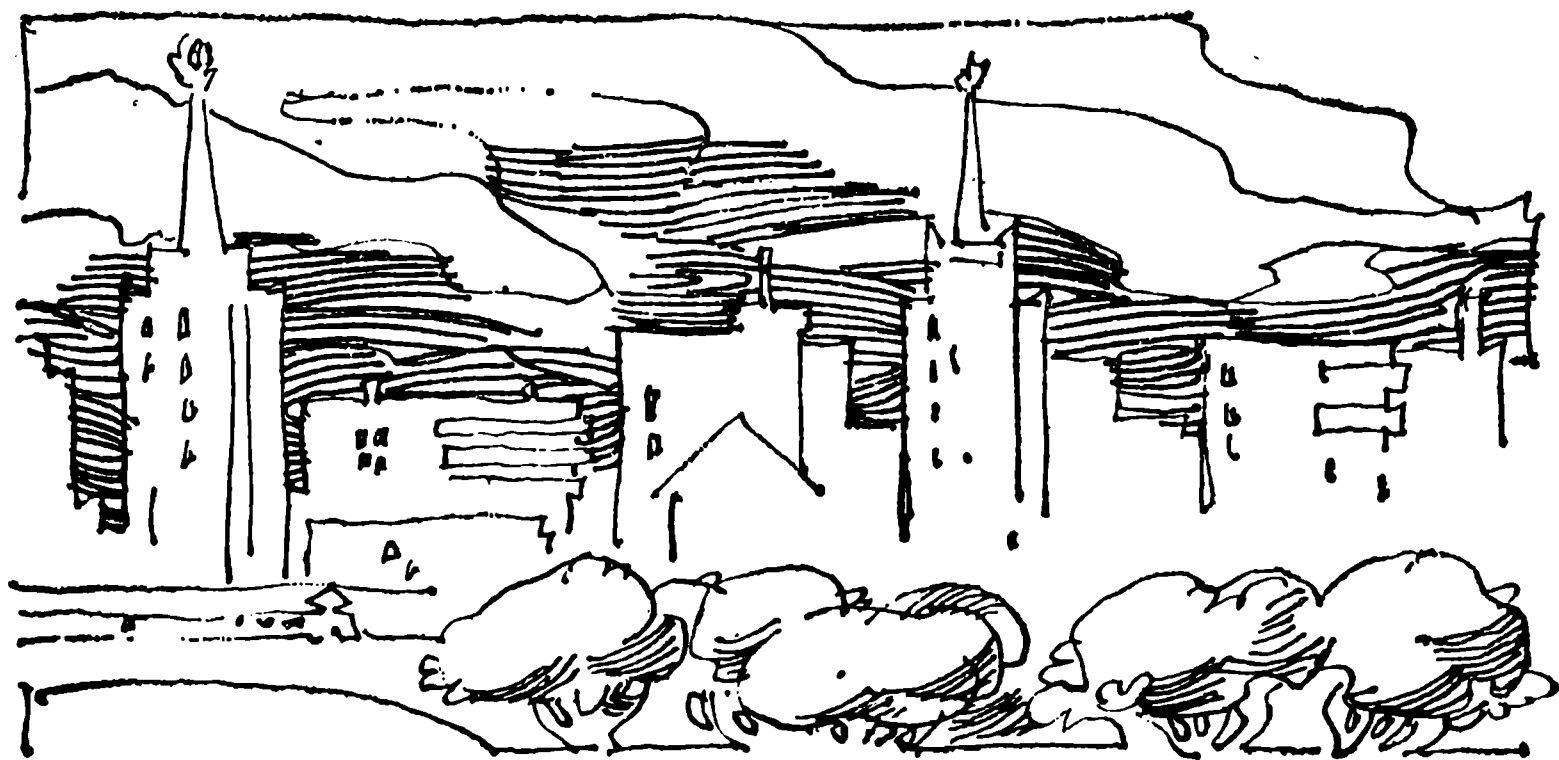
В защиту природы

ЗЕЛЕНЫЙ НАРЯД

Москва справедливо считается одной из наиболее «зеленых» столиц Европы. Ее пышный зеленый наряд составляет законную гордость каждого москвича и вызывает искреннее восхищение у ее многочисленных гостей. И действительно, в Москве зелеными насаждениями занято 32 тысячи гектаров, или 35 процентов всей площади города. Это 11 лесопарков, 26 городских и 56 районных парков, 14 садов, 720 скверов, около 100 бульваров. И тем не менее озеленение города продолжается, ежегодно молодыми саженцами покрывается примерно 700 гектаров. Сейчас на каждого москвича приходится почти 19 метров квадратных зеленых насаждений.

Каждый из зеленых уголков Москвы полон своеобразия и неизъяснимой прелести. Классически строгой красотой отличается зеленое ожерелье Кремля. Радуют глаз белоствольные березы, дубравы и сосны в обширных парках Тимирязевской академии. И, конечно же, поражает богатство Главного ботанического сада Академии наук СССР. Здесь на площади в 362 гектара произрастает двенадцать тысяч видов и разновидностей растений — представители почти всех стран мира. Один из наиболее обширных разделов сада «Природная флора СССР», а в нем все разнообразие растительности нашей Родины. Пышно цветет чингиль и павлиный мак

СТОЛИЦЫ

на участке Средней Азии. В уголке Кавказа можно увидеть такое редкое растение, как герань мелкотычинковая.

А сколько других не менее чудесных мест отдыха в столице.

Деревья и кустарники, зелень газонов и скверов способствуют укреплению нашего здоровья, повышению творческой активности. И хотя Москва один из самых озелененных городов мира, исторически сложилось так, что парки, бульвары, скверы размещены в нем неравномерно. Если в пределах Садового кольца на человека приходится один квадратный метр насаждений, то в группе районов, прилегающих к кольцевой автодороге, — 30—35. Такое соотношение предстоит коренным образом изменить. Московский городской комитет партии и Московский Совет депутатов трудящихся поставили перед учеными и всеми работниками декоративного садоводства большие задачи по дальнейшему развитию научных исследований, направленных на охрану и преобразование природы, улучшение естественной среды, окружающей человека, и более полное использование ее ресурсов.

У тружеников зеленого цеха столицы немало достижений, надо отдать должное их поискам, фантазии, прилежности. В самом деле, сколько изящных зеленых композиций создано на ограниченных

площадях у гостиницы «Россия», плавательного бассейна «Москва» и во многих других уголках города. Значит ли это, что нельзя желать большего? Конечно, нет, в столице высажено до 40 видов деревьев и кустарников. Но ассортимент этот можно еще значительно пополнить, например за счет увеличения пестролистных и краснолистных кленов, плакучих ив, рябины, березы, дуба, шаровидных и пирамидальных вязов, осины, вишни, сливы, боярышника, калины, жасмина и других деревьев.

Совсем мало внимания уделяется так называемому вертикальному озеленению. А ведь можно и нужно стены домов украшать диким и амурским виноградом, актинидией, китайским лимонником и многими другими выющимися растениями. Надо смелее внедрять новые виды растений. Еще совсем недавно каштан считался преимущественно «киевлянином», а сейчас он прижился и в Москве, здесь насчитываются уже свыше десяти тысяч этих прекрасных деревьев. И москвичи их любят не менее, чем киевляне. То же самое можно сказать и о белой акации, катальпе и других растениях.

Скоро наша столица станет Олимпийским городом. В преддверии этого знаменательного события немало внимания уделяется и зеленому убранству столицы. В Главном ботаническом саду создан крупнейший в стране интродукционный фонд древесно-кустарниковых растений, насчитывающий 1800 видов и форм, более 8 тысяч наименований цветочно-декоративных растений. Необходимо только ускорить плановое размножение и выращивание ценного посадочного материала. На наш взгляд, целесообразно также создать два промышленных питомника или расширить существующие, находящиеся в ведении Московского управления лесопаркового хозяйства.

На улицах и площадях Москвы множество газонов. К сожалению, не все они совершенны по густоте и разнообразию насаждений. На наш взгляд, при оформлении газонов не мешало бы использовать опыт различных городов нашей страны и других стран. В Москве нет дернового питомника, где бы готовились дерновые пласты для более быстрого и эффективного ремонта вытоптанных или поврежденных газонов или создания новых в районах новостроек. Отрадно отметить, что москвичи с каждым годом все бережнее относятся к зеленому убранству своего города, активно участвуют в благоустройстве садов и парков. В этом немалая заслуга партийных и советских органов, а также городского Общества охраны природы, проводящих большую организаторскую и воспитательную работу среди населения.

Охрана природы, озеленение городов и сел — дело всенародное. Государство выделяет на это немалые средства. Но и каждый из нас должен бережно относиться к природе. Помните: она ранима. Есть, например, районы, где даже колесный след тяжелой машины или трактора, размываемый дождями или талой водой, дает начало оврагам, «раздирает» поле, выкачивает из земли влагу, снижает плодородие почвы. Не погашенный беспечным туристом костер нередко губит десятки гектаров леса. Зеленые зоны вокруг городов, берега водоемов в местах массового отдыха безжалостно захламываются устроителями пикников. Такое прощать нельзя, надо искать виновников и строго их наказывать.

Любовь к природе следует воспитывать. Для этого есть разные пути. Заслуживает похвалы, скажем, начинание студентов Московского университета, создающих дружины по охране природы. Дружинники не дают спуска нарушителям правил охоты и рыболовства, ведут разъяснительную работу.

Не потребительская, а истинная трепетная любовь к природе лучше всего прививается с детства. Отрадно, что только в Российской Федерации около двух миллионов школьников входят в отряды зеленых патрулей. Почти восемьдесят тысяч ребят объединены в дружины «голубых патрулей». Они вылавливают мальков, оставшихся после спада вешних вод, выпускают их в реки. Два с половиной миллиона гектаров государственного лесного фонда опекают «школьные лесничества», на их счету более 60 тысяч гектаров молодых посадок.

В соответствии с нашими законодательными актами, постановлениями партии и правительства местные Советы, хозяйственные организации ведут планомерную работу по охране природы, рациональному использованию ее ресурсов. Активно включиться в это патриотическое дело должны все, кому дорога родная земля, дороги ее богатства. Если каждый из нас сделает для природы даже немного — сложенное воедино будет внушительным.

Белая береза на околице, тонкая рябина в палисаднике, вишня возле дома. Пусть радуют людей яркое цветение весенних садов и богатые плоды осени. Беречь красоту родной Отчизны, приумножать ее богатства — патриотический долг каждого!

**Г. РУКОСУЕВ,
В. КЛЮЧАРЕВ,
действительные члены
географического общества
АН СССР**

суд идет!

ПОПЕЧИТЕЛЬ ГРЕЕТ РУКИ

В городе Киеве на улице Шолома Алейхема жила в двухкомнатной квартире одинокая престарелая женщина, Мария Ивановна Павлова. За 75 ей уже перевалило. А в этом возрасте, известно, всякие болезни цепляются. Слегла старушка. В 1969 году у нее умер муж — селекционер, ученый — и с тех пор она совсем одна осталась: ни родственников, ни друзей, ни близких знакомых. Так уж случилось. Как-то зашла к ней Валентина Ефимовна Сикачина, дворник жилищно-эксплуатационной конторы, и поразились: неряшливо в квартире, антисанитарно. Из добрых побуждений решила подмести в комнатах. Среди разного хлама заметила на полу сберегательную книжку. Подняла, раскрыла — батюшки мои! — вклад на 16 тысяч рублей! И надо же, на полу валяется, словно ненужная бумажонка!

Валентина Ефимовна рассказала о старушке в жэке. Вот, мол, беспомощный человек без всякого присмотра, без людского участия живет.

Вскоре на стол начальника жэка Владимира Николаевича Победоносцева положили паспорт Павловой и ее сберкнижку, ту, что нашла Валентина Ефимовна. Принес их техник-смотритель жэка, Михаил Кириллович Кожурин. Ему их передала Сикачина. Возник вопрос: как быть? Павловой срочно нужна помощь: и врачей вызвать при необходимости, и лекарство купить, и питанием регулярно обеспечить. В общем, за больной Павловой нужен уход.

Сочувственно отнеслись работники жэка к судьбе старого больного человека. Как же иначе? Помощь больной могла потребоваться в любую минуту. Человека нельзя оставлять в беде. Начальник конторы Победоносцев тут же послал за председателем пенсионного совета при жэке Клавдией Михайловной Франк. Стала и общественность ломать голову: как бы поскорее окружить больную заботой и вниманием. И, естественно, все пришли к единому мнению: Павловой нужен попечитель. Почему к единому? Да потому, что в законе предусмотрена такая ситуация. Если человек (имеется в виду совершеннолетний и дееспособный) по состоянию своего здоровья не может самостоятельно осуществлять свои права и выполнять свои обязанности, то над ним устанавливается попечительство. В обязанности попечителя входит забота о подопечном, создание для него должных бытовых условий, обеспечение уходом, лечением, а также защита его личных прав и имущественных интересов.

Другого выхода, кроме установления попечительства, не было. Мария Ивановна Павлова возражала против помещения ее в дом престарелых.

Кого же назначить попечителем? Вопрос решался на женсовете при том же жэке.

— Я бы могла согласиться,— скромно подала голос инженер конторы Любовь Константиновна Столяр,— но хлопот не оберешься. А у меня своя семья...

Стали ее упрашивать. И после некоторого колебания, вполне, возможно, показного, она согласилась, несмотря на большую дополнительную нагрузку: ведь за больным престарелым человеком ухаживать не легко и не просто. Тем более что закон установил: обязанности по опеке и попечительству выполняются безвозмездно. Но как потом выяснилось, Столяр и не думала эту обязанность выполнять безвозмездно, потому и согласилась взять на себя бремя тяжести по уходу за больной.

Весной 1975 года ее оформили попечителем. Победоносцев вручил Столяр под расписку паспорт Павловой и сберкнижку на 16 тысяч рублей. Пошла она в сберкасса, предъявила книжку: хотелось узнать, правда ли Павлова обладает таким вкладом. И там ей сказали, что сберкнижка эта недействительна. Она была вкладчиком утеряна и ее аннулировали. Но тут же попечителя успокоили, сообщив, что у Павловой вместо старой сберкнижки есть две новые, тоже с большими вкладами. Успокоилась Столяр и энергично начала действовать...

Прежде всего решила поселиться в квартире Павловой. Всем семейством, состоящим из трех человек. Взяла в жэке справку «Ф» № 15 на прописку в квартире Павловой и, заручившись ходатайством общественности (совета пенсионеров и домового комитета), начала хлопотать. А пока суд да дело, въехала в двухкомнатную квартиру подопечной. И учитывая это обстоятельство, начальник жэка Победоносцев в августе 1975 года послал Столяр предписание полностью освободить служебную площадь, которую она занимала с семьей. Еще не было разрешения о прописке, а дела уже делались.

Одновременно Столяр загорелась желанием прибрать к рукам и вклады Павловой. Составила доверенность на свое имя о получении в сберкассе вклада подопечной в сумме 9 тысяч рублей. Пригласила нотариуса. На квартиру Павловой приехала нотариус 10-й государственной нотариальной конторы Киева Ирина Захаровна Новикова. Смотрит нотариус на Павлову и видит, что старушка-то больная, память у нее слабая, слышит она плохо. Ей надо писать записки и тогда она сможет что-то ответить. Вот так они и разговаривали. И еще не успели ни о чем договориться, а Павлова неожиданно произнесла:

— Устала я, хочу спать.

Эта фраза, слабая память, глухота Павловой насторожили нотариуса: в здравом ли уме старуха? А Столяр без смущения обещает: «Отблагодарю». И тут нотариус заколебалась. «Не беспокойтесь,— обхаживала ее Столяр.— Достану справку какую надо». На том и порешили.

У знакомой медсестры Столяр выпросила чистый бланк с пе-

чатку, якобы для получения в аптеке лекарства. Дома муж под ее диктовку написал: «Павлова М. И. в настоящее время находится в состоянии здоровья, не влияющем на ее умственные способности». А сама она расписалась за врача неразборчивой закорючкой.

В сентябре 1975 года Новикова вторично посетила квартиру Павловой. Тут ей в руки Столяр и подала готовенькую справку, то бишь липу. И по самому тексту, выдававшему неквалифицированного сочинителя, и по тому, что справка не была подписана главным врачом, виделась подделка документа. Однако нотариус Новикова не проявила принципиальности. Закрывает глаза на нелепости и недостатки в справке. Знала, что нарушает закон, однако заверила доверенность. Надо было в таких случаях запросить заключение врачей. Сама же сомневалась в том, что Павлова способна правильно оценивать свои поступки. Но... соблазнилась обещанной подачкой, позорной и противоправной.

Столяр не обманула. Получив в сберкассе деньги, отправилась к Новиковой на работу с пачкой десятирублевых. Повстречалась с ней, отозвала в сторонку. Новикова повела Столяр в уединенную комнату под № 3, подальше от глаз любопытных: береженого, как говорится, бог бережет. Кстати, заметим, не уберег в данном случае. Обе предстали перед судом. Но это уже случится потом, а пока они были довольны. Только произошла между ними небольшая заминка. Достав из сетки-авоськи пачку денег в сумме 1000 рублей, Столяр пожадничала:

— Может, 500 рублей хватит?

Новикова запротестовала:

— Нет, если уж падать, то с большого коня.

Так и пришлось Столяр отдать все 100 десятков, завернутых в газету. Пускай падает с «большого коня».

Припоминая впоследствии на допросе детали этой встречи, Столяр рассказала, как она пила в той комнате из чашки с голубой каемкой, что лежало на столе (красные помидоры и хлеб с маслом), в каком платье была Новикова. Все эти детали подтвердила и Новикова на очной ставке. Видно, не раз воскресали в памяти у каждой из них картины встречи и обстановка комнаты № 3, коль так глубоко запечатлелись в их сознании со всеми характерными подробностями. Страх преследовал, беспокоило чувство вины перед законом. Однако с повинной никто из них не явился.

В тот же приезд, в сентябре 1975 года, Новикова заверила и завещание, по которому после смерти Павловой в наследство Столяр по другой сберкнижке переходил вклад на 1880 рублей. Также без заключения врачей о состоянии здоровья Павловой.

Наконец, к удовольствию Столяр, 4 февраля 1976 года жилищная комиссия исполкома разрешила ей вместе с семьей прописаться в квартире Павловой. Курьезный случай! Павлова-то уже умерла. Да-да, 28 января 1976 года. Зачем же было прописывать Столяр у подопечной, коль ее уже не было в живых? Комиссия-то была обременена заботой о больной, хотела создать для нее благоприятные условия для жизни — попечитель теперь будет под рукой. А этот самый попечитель менее всего пекся о здоровье больной старушки. Прописка, по мнению Столяр, как бы узаконивала ее вселение в квартиру. Конечно, расчет Столяр строился на песке.

Раз нет ордера местного Совета, то нет и никаких жилищных прав на квартиру. Так оно впоследствии и вышло. Только Столяр успела закончить ремонт квартиры Павловой, завести на деньги подопечной дорогой мебельный гарнитур, как пришла повестка: «Надлежит явиться в прокуратуру». И началось следствие... А тогда она надеялась, что и без ордера исполкома, может, как-нибудь обойдется дело.

Следователь прокуратуры Днепровского района Киева Станислав Федорович Скиба уже располагал о попечителе Столяр некоторыми данными. В частности, к нему поступило заключение городского жилищного управления по жалобе на Столяр. И в нем ясно вырисовывались манипуляции попечителя.

На допросе Столяр сначала бойко защищалась: вселение в квартиру Павловой, мол, согласовано с исполкомом, а деньги дала ей сама подопечная. По своей доброй воле, без всякого над ней насилия, шантажа и обмана. Надо же было ее кормить, лечить, а на какие деньги? Не могла же она содержать старушку на свою зарплату? Павлова ей ни сестра, ни кума, ни подруга. А умерла она естественной смертью. Несмотря на хороший уход и лечение, все время была в тяжелом состоянии, дышала на ладан.

Следователь кропотливо выяснял обстоятельства. А неясных вопросов было очень много. В законе, например, говорится, что если текущих платежей (пособий, алиментов, пенсии) не хватает на содержание подопечного, то для покрытия всех расходов можно использовать другое его имущество, в том числе и вклады в сберегательной кассе. Расходование попечителем этих сумм возможно только с согласия подопечного. Формально такое согласие Павлова изъявляла. А по существу? Если она тяжело болела, дышала на ладан, могла ли правильно сознавать свои действия и руководить ими? Скорее всего не могла. Но допустим и обратное: могла. Психическое состояние было нормальным, а старческие болезни не мutilи ее разум. Выходит, у Павловой было более или менее благополучно со здоровьем. Тогда кажется подозрительной ее скорая смерть. Ведь с момента установления над ней попечительства не прошло и года, как она умерла. Была ли эта смерть естественной, как утверждает Столяр?..

Следователь вынес постановление об эксгумации трупа Павловой. После исследования судебно-медицинская экспертная комиссия пришла к выводу, что «за Павловой был надлежащий уход и медицинское наблюдение. Смерть от истощения и яда исключается». Павлова М. И., как заключила комиссия, умерла от острой коронарной недостаточности вследствие атеросклероза аорты и венечных артерий сердца.

Заключение экспертной комиссии подтвердило показания Столяр о естественной смерти Павловой. Одно из тяжких обвинений отпало. И это тоже важно для следователя. Главное — истина. Потому что в процессе следствия выясняются все обстоятельства происшествия: как уличающие подозреваемого в преступлении, так и оправдывающие его.

Следователь провел и посмертную судебно-психиатрическую экспертизу. Для исхода дела она имела большое значение. Но посмертное исследование всегда связано со значительными трудностями.

ми: самого человека уже нет, наблюдения над ним невозможны, и заключение дается лишь по документам и показаниям людей, общавшихся с больным незадолго до его смерти. Вот почему следователь пригласил в качестве экспертов очень квалифицированных специалистов: доктора медицинских наук и врачей-психиатров высшей и первой категории. Что же сказала экспертная комиссия? В период июня — сентября 1975 года Павлова М. И. обнаруживала признаки атеросклеротической деменции. По своему психическому состоянию она не могла понимать смысла и значения своих действий и разумно руководить ими.

Как раз в этот период и совершались операции, как говорится в законе, по отчуждению ее имущества. Теперь уже о «доброй воле» подопечной говорить не приходилось. Ей, Павловой, навязаны были эти сделки заинтересованным лицом, именно — попечителем. Была бы она в здравом уме, вряд ли бы с такой легкостью, какую проявила, подписала бы доверенность и завещание.

При расследовании преступления была опровергнута и другая версия Столяр. Исполком не выносил решения о предоставлении ей квартиры Павловой. Он только разрешил на период попечительства временно там жить. И это разрешение она получила обманным путем, скрыв дату смерти подопечной. Ремонт квартиры Павловой, покупка мебели для нового жилья свидетельствовали о том, что Столяр намеревалась постоянно там жить с семьей.

По материалам уголовного дела роль попечителя виделась совсем в ином свете. Закон предписывал Столяр охранять имущественные интересы подопечной от всяких посягательств, а вместо этого она сама грела руки на ее сбережениях.

Суд строго наказал корыстного попечителя и нотариуса Новикову.

С подбором попечителя общественность жэка явно поторопилась. Для этой цели Столяр во всяком случае была неподходящей кандидатурой. Попечитель должен обладать высокими моральными качествами: благородством, бескорыстием, отзывчивостью. Как раз ими-то и не отличалась Столяр. В деле есть показания бухгалтера того же жэка, соседки Столяр, Татьяны Ивановны Чеховской. Так вот она сказала на допросе, что семья у Столяр неблагополучная. В квартире у них часто бывают скандалы и даже драки. Муж ее злоупотребляет спиртными напитками, а сама она занималась спекуляцией. Далее она показала, что была возмущена назначением Столяр попечителем Павловой. И многие сотрудники жэка были этим недовольны.

Ее показания подтверждаются справкой, приобщенной к делу. Из нее, в частности, видно, что против Столяр возбуждалось в 1975 году уголовное преследование за спекуляцию, но было прекращено в связи с актом об амнистии.

Не тот человек стал попечителем Павловой. Подойди общественность и администрация жэка к выбору попечителя более серьезно — не возникло бы этого уголовного дела, как и не было бы самого преступления.

В. ТОНКИХ

ВЕЛЕНИЕ СОВЕСТИ

В селе Скарженовка, что в Тепликском районе нашей области, три года назад от руки грабителей, посягнувших на колхозное добро, погиб дружинник Федор Феофанович Шибинский. Народный суд строго наказал убийц. Мужественный дружинник Указом Президиума Верховного Совета СССР посмертно награжден орденом «Знак Почета». Его именем названа одна из улиц села.

Скарженовцы свято чтут светлую память безвременно погибшего земляка. Один из лучших механизаторов колхоза, он был хорошим товарищем, всегда готовым помочь другим. И если есть в смерти Шибинского трагическая случайность, то не случайны его мужество и самоотверженность. Они — проявление высокой нравственности человека, его гражданской зрелости. Скромный, добросовестный труженик, Федор Феофанович всегда занимал самые активные позиции в жизни. Он считал себя глубоко причастным ко всему, что делается в родном селе, в колхозе. Скарженовцы не раз избирали его членом ревизионной комиссии колхоза, депутатом сельского Совета, и он оправдывал их доверие. Много лет Шибинский участвовал в работе добровольной народной дружины. В ту роковую ночь он тоже был на дежурстве и, попав в обстоятельства, связанные с риском для жизни, прежде всего вспомнил о своем долге... Об этом долге в Основном Законе страны — Конституции СССР — записано так: «Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся».

Многим сегодня в нашей стране известно имя Леонида Анатольевича Основикова — председателя колхоза имени XXII съезда КПСС Верхнерогачикского района Херсонской области. Коммунист, участник Великой Отечественной войны, он погиб на мирном поле, спасая от огня посевы колхозной пшеницы, с честью выполнив свой гражданский долг.

Безусловно, эти случаи исключительные. Жизнь не так уж часто требует от нас героических поступков. Но степень нашей сознательности, наше отношение к своим гражданским обязанностям, в частности к сохранности социалистической собственности, испытываются повседневно и в будничных делах: в том, как бережем доверенные станки, инструмент, как собираем и храним урожай, как распоряжаемся государственными средствами, и в том, какой личный вклад вносим в приумножение всенародного достояния. Бережное отношение к социалистическому имуществу, хозяйская рачительность — одно из важнейших условий успешного выполнения задач, поставленных Коммунистической партией перед тружениками страны на десятую пятилетку.

«Как бы ни росло богатство нашего общества, строжайшая экономия и бережливость остаются важнейшим условием развития народного хозяйства, повышения благосостояния народа», — сказал Леонид Ильич Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду КПСС. Здесь же подчеркивалось о необходимости усилить борьбу с фактами обмана государства, искажения отчетности, приписок, хищений социалистической собственности, проявлениями местничества.

В многотрудной работе милиции, прокуратуре и судам огромную помощь оказывают сами трудящиеся. У нас, в Винницкой области, из числа наиболее активных дружинников созданы специальные группы по охране государственного и общественного имущества. Хорошо работает такая группа на Винницком мясокомбинате. Например, однажды поступил сигнал о том, что экспедиция колбасного цеха завывает вес тары и за счет этого недодает торгующим организациям колбасные изделия. Члены группы организовали тщательную проверку работы экспедиторов и выявили виновных. Они были наказаны, а хищение пресечено в самом начале.

Можно привести немало и других примеров того, как сами трудящиеся проявляют заботу о сохранности социалистического имущества, дают решительный отпор тем, кто протягивает к нему свои жадные руки. К сожалению, есть и такие. Эти люди чужды общих забот. Страсть к стяжательству нередко толкает их на путь преступлений. Но почему же в нашем в основном морально здоровом обществе до сих пор возможны такие негативные явления, где кроются корни зла, всегда и все ли мы честно выполняем свои гражданские обязанности по сохранности народного добра? Хочу поделиться некоторыми мыслями на этот счет, привести примеры из следственной практики.

Как-то в село Городковку Крыжопольского района нашей области завезли машину цемента и начали его продавать. Жители села Житницкий, Коровай, Онофрийчук и другие тут же выстроились в очередь. О том, откуда взялся дефицитный строительный материал у частных лиц, они не стали задумываться — не наше, мол, дело. К счастью, нашлись в Городковке люди, что не смогли равнодушно смотреть, как разбазаривается государственное имущество, и сообщили обо всем в милицию. Бойкой торговле был положен конец. Цемент возвращен владельцу, а «продавцы» и покупатели в соответствии с законом наказаны.

Что греха таить, не единичны случаи, когда отдельные граждане, скупая краденое, сами становятся пособниками воров, усложняют работу правоохранительных органов по их разоблачению. А ведь в законе прямо сказано, что каждый гражданин нашей страны обязан принять решительные меры для предупреждения хищения или порчи государственного имущества, сообщать об известных ему фактах преступлений против социалистической собственности в соответствующие органы.

А вот еще один, на мой взгляд, любопытный пример. Как-то в одном из хозяйств Казатинского района в самый разгар летней страды вышли из строя два комбайна — исчезли приводные ремни от соломоизмельчителей. В общем-то, стоимость этих ремней невелика, да в горячую пору уборки урожая их нелегко было достать. Уборочные машины простояли десять дней. Колхоз понес большой

урон. Органы милиции нашли похитителя, им оказался комбайнер В. Он продал ремни жителю села К.— за пол-литра водки! Последний позарился на дармовщину, хотя с трудом нашел применение этим ремням в своем хозяйстве. Одним привязал телку, а другой спрятал — «авось, пригодится». К. заведомо знал, что покупает краденое, но на суде он оправдывался: не подозревал, что из-за этих самых ремней будет такой большой вред хозяйству, а то бы сам непременно привел вора за руку куда следует.

Что ж, весьма своеобразное понятие о честности и о своих гражданских обязанностях. К сожалению, их придерживается не один К. Есть определенная категория людей, которые считают, что взять на производстве самую малость того, «возле чего ходишь», — кулек конфет, буханку хлеба, какую-либо деталь, ведро яблок и тому подобное — вовсе не преступление. Дескать, государство из-за этого не обеднеет. А между тем «несуны» причиняют весьма ощутимый вред обществу. Глядишь, «малые толики» складываются в центнеры и тонны, порой и «пустячок», как это видно из истории с ремнями, приводит к серьезным потерям. Еще более важна моральная сторона дела. Там, где «несуны» остаются безнаказанными, создаются условия для более крупных хищений. А этим могут воспользоваться опытные преступники. Да и сами мелкие воришки, осмелевая, все глубже запускают руку в государственный карман.

Заведующий фермой колхоза «Искра» Мурованокуриловецкого района Я. Кушнир и завхоз С. Швец начали с малого — оханки соломы, нескольких килограммов кормов, которые урывали от общественного скота для своих личных буренок и хавроний. А затем стали продавать колхозные корма на сторону по спекулятивным ценам. Финал этой истории вполне закономерен: два года лишения свободы каждому с конфискацией имущества. По-моему, этот пример убедительно доказывает, как важно вовремя предостеречь, остановить человека, позарившегося на общественное добро.

К «несунам» применяются меры общественного воздействия, но если их недостаточно, то за мелкие хищения наступает административная и даже уголовная ответственность. В соответствии с нормативными актами и Уголовным кодексом УССР лица, допустившие мелкие хищения, могут быть подвергнуты штрафу от десяти до ста рублей и наказаны лишением свободы сроком до шести месяцев или исправительными работами на тот же срок. Лица же ранее судимые за хищения несут более суровую ответственность.

Практика показывает, что успехов в борьбе с мелкими хищениями добиваются там, где административные меры умело сочетают с кропотливой воспитательной работой в коллективе. Много зависит от позиций самих руководителей предприятий и хозяйств, их принципиальности, непримиримости и последовательности в борьбе с теми, кто посягает на общественное добро, от умения привлечь к этой борьбе широкий актив и в целом от морального климата в коллективе. В одном из хозяйств Калиновского района руководители колхоза задержали с похищенной свеклой пять человек. Слегка пожурив, их отпустили. Случай хищения не получил общественного осуждения. Через некоторое время здесь была вновь задержана группа «несунов». Они откровенно признались, что свекла не очень им была нужна, да видели, как другие берут, решили сами не от-

ставать от них. Выходит, что брать колхозное тут стало чуть ли не нормой поведения.

А вот в колхозе «Россия» того же района расхитителям не дают поблажек. Правление работает в тесной связи с общественными организациями. Все неблаговидные поступки — хищения, недисциплинированность, халатное отношение к делу рассматриваются на товарищеском суде, который возглавляет Надежда Макаровна Козачук, бывшая учительница, ныне пенсионерка. Заседания товарищеского суда проводятся в присутствии большого числа колхозников, а решения суда становятся известны всем. И не случайно здесь мало охотников жертвовать своей репутацией ради кочана капусты, ведра яблок, охапки корма для скота.

Благодатная почва для хищения государственного имущества — плохо налаженный учет материальных ценностей, отсутствие должного контроля над их расходом. Это создает лазейки для хапуг и проходимцев. Злоупотреблениями и хищениями обычно заканчиваются и все попытки обойти существующий порядок, сделать «исключение» из правила. И здесь мне хотелось бы упомянуть неких «лихих» руководителей-хозяйственников, которые кичатся своей «изворотливостью», «находчивостью»: дескать, из-под земли можем все достать. А это самое «из-под земли» оказывается не чем иным как грубым нарушением закона. Например, бывшие руководители одного из колхозов Тростянецкого района нашли способ быстро и в нужном количестве обеспечивать свое хозяйство лесоматериалами. Поручили это дело «опытному специалисту» и в обход закона снабжали его наличными деньгами, причем в изрядных суммах. Увы, лесоматериал в колхоз поступал весьма малыми долями и низкого качества. Когда в «дело» вмешались следственные органы, выяснилось, что «заготовитель» и его наниматели положили в собственный карман семь тысяч колхозных денег! А такое преступление квалифицируется уже как крупное хищение. Виновные понесли наказание в соответствии с законом, похищенные деньги вернули колхозу. Но невосполним моральный урон, причиненный коллективу безнравственными, противозаконными поступками бывших руководителей данного колхоза.

Большой ущерб общественному достоянию наносят бесхозяйственность, разбазаривание государственных средств, халатное отношение к порученному делу, работа «спустя рукава». Сошлюсь на несколько примеров. Однажды на Могилев-Подольском консервном заводе по вине бракоделов было списано и уничтожено недоброкачественной продукции на тридцать тысяч рублей. Виновных привлекли к строгой ответственности, но причиненный ими ущерб возместить не удалось.

Как-то на ферме колхоза имени Ленина Погребищенского района произошло самозагорание витаминизированной травяной муки. Причина — не соблюдение правил противопожарной безопасности. Те, кто отвечал за хранение муки, прекрасно знали и о ее особых свойствах, и о том, что не все требования пожарных выполнены, однако понадеялись на «авось», и вот результат — три с половиной тысячи рублей убытков. А в колхозе имени XX съезда КПСС Тепликского района в результате небрежного применения ядохимикатов для уничтожения грызунов на посевах многолетних трав по-

гибло 99 овец. Виновный в происшедшем агроном по защите растений Юрченко Н. А. осужден народным судом.

В селе Черепашенцы Калиновского района чуть не сгорело поле пшеницы. Урожай был спасен благодаря самоотверженным усилиям колхозников, которые сообща бросились тушить пожар. А начался он из-за того, что какой-то прохожий бросил незатушенный окурок в колосья. Такая «неосмотрительность» непростительна и в особо серьезных случаях наказуема в уголовном порядке. Так, статья 90 Уголовного кодекса УССР гласит: «неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, повлекшее человеческие жертвы или иные тяжкие последствия, а также уничтожение или существенное повреждение лесных массивов в результате неосторожного обращения с огнем или источником повышенной опасности наказываются лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года».

Воспитывая высокосоциальное, добросовестное отношение к общественному достоянию, нельзя оставаться нам равнодушными к фактам стяжательства, мелким хищениям и тому подобному.

Припоминается мне один судебный процесс, на котором слушалось дело стяжателя, уличенного в хищении государственного имущества. На вопрос, из каких побуждений он все это делал, подсудимый ответил: для детей старался. На что старший сын заметил: «Эх, отец, лучше бы ты постарался оставить нам доброе имя».

Да, в своей преступной деятельности «ловкачи», жулики и воры — все, кто покушается на наше общественное достояние, — руководствуются давно отжившими понятиями о жизненных ценностях. Эти моральные уроды, антиподы нашего общества вызывают справедливое возмущение честных тружеников страны, и они все активнее включаются в борьбу с ними.

Наше общественное добро — это результат наших общих трудовых усилий и основа личного благополучия каждого из нас. «Беречь и укреплять общественную социалистическую собственность» — это требование закона стало нравственной нормой жизни советских людей, их личным убеждением, велением совести.

Г. ТЕРНАВСКИЙ,
прокурор Винницкой области,
кандидат юридических наук

В НАШЕ БЫСТРОЕ ВРЕМЯ

Писатель Владимир Чивилихин много лет страстно борется не только за разумное использование природных богатств, но и, главное, за их приумножение. «Приумножение?» — подумают недоверчиво читатели и вспомнят не один случай варварского отношения к природе: погубленный лес, отравленную отходами речку или «лисий хвост» над трубой предприятия. Да мало ли что, к сожалению, каждый из нас может вспомнить...

В. Чивилихин изъездил нашу страну, побывал во многих зарубежных государствах, написал десятки очерков, путевых дневников и заметок, статей — смелых, доказательных, не щадящих ради дела ничьих авторитетов, прежде чем читателю преподнести книгу, с полным правом названную «По городам и весям»*. «Сейчас,— подчеркивает писатель во всту-

пительном слове,— когда проблемы использования природы так обострились в мире, что ими вплотную занялись государственные деятели и дипломаты, экономисты и юристы, исследователи космоса и математики, когда народы постепенно осознают, что после сохранения мира на Земле важнейшей заботой человечества становится рациональное использование и приумножение природных богатств, дорог всякий поиск, мало-мальский ценный опыт, любое разумное предложение, интересные подробности борьбы, без которой нет движения вперед, поучительны и в итоге плодотворны даже ошибки и заблуждения на трудном, подчас мучительном пути к оптимизации отношений между людьми и природой...»

Это вот «сейчас» в наше быстрое время измеряется, очевидно, уже десятилетиями.

* Чивилихин В. А. По городам и весям. Путешествия в природу. «Современник», М., 1976.

В невозвратном прошлом это были периоды в миллионы (подумать только, миллионы!), тысячи и сотни лет. Изменения настолько динамичны, что наш разум не успевает осмысливать их. Уже сегодня мы вынуждены догонять сознанием свои дела, чтобы исправить ошибки или хотя бы приостановить темпы воздействия на окружающую среду.

Кончились те времена, когда человек, занимаясь хозяйственной деятельностью, мог позволить себе уверенность в том, что ес, природы, «не убудет». Но и сейчас всегда ли мы отдаем себе отчет в этом? Оказывается, нет, не всегда, не везде и не все. Иначе не стоило бы принимать законы об охране природы, заключать международные соглашения или, скажем, В. Чивилихину писать эту книгу.

Открывает ее очерк о людях, сумевших вырастить лесополосы вдоль железной дороги в Большеземельской тундре. Писатель рассказал о том, как они смогли вырастить деревья. Труд этих людей сродни подвигам первооткрывателей. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, какие громадные пространства заняты у нас тундрой. Написанный почти четверть века назад, очерк определил направление писательского поиска. Ведь одно дело брюзжать или «стращать»

неисчислимыми бедами и совсем иное — доказательно исследовать проблему, по крупицам собрать ценный опыт, осмыслить его и предложить людям.

За четверть века «путешествий в природу» В. Чивилихин встретил многих единомышленников, таких же страстных защитников природы. Однако немало еще и людей равнодушных. Тому пример — история с Кедрогоградом. Прекрасная идея создания опытного хозяйства не то чтобы загублена, но низведена до служения сугубо утилитарным целям — Кедрогоград стал рядовым леспромхозом.

В очерке «Земля-кормилица» Чивилихин пишет: «На восстановление слоя почвы всего в два с половиной сантиметра при хорошем и постоянном растительном покрове природа затрачивает до тысячи лет!» Вот как неимоверно медленно и трудно создается плодородный слой, который так легко разрушается... «Как же мы должны дорожить своей землей, как оберегать ее от разрушительных необратимых процессов!..»

Писатель исследует причины ветровой и водной эрозии, приводит, например, такие сведения специалистов: ветровая эрозия угрожает 92 миллионам гектаров наших пашен, но в то же время черные бури в Павлодарской области были побеждены за три года. А вот еще цифры: в целом по стране еже-

годно смывается около полумиллиарда тонн почвы. С пашен и пастбищ уносит 1,2 миллиона тонн азота, до 0,6 миллиона тонн фосфора и около 12 миллионов тонн калия. Причем азота мы теряем больше, чем дает вся туковая промышленность страны... На Украине около миллиона гектаров заовраженных земель. В Центрально-черноземной полосе России длина оврагов на каждом квадратном километре составляет в среднем 580 метров, а в Курской и Орловской областях — более семисот.

Но Чивилихин всегда верен себе. Он не ограничивается постановкой проблемы. Он возвращается к плану преобразования природы, принятому в 1948 году, рассказывает об энтузиастах Каневской гидролесомелиоративной станции, доказывает эффективность защитных полос на примере хозяйств в Крыму, Нижнеднепровье, Приазовье, Донбассе, Сальских степях, Северном Казахстане и на Алтае. Есть пути и средства борьбы с эрозией! — утверждает писатель и убедительно доказывает это. И в этом еще раз убеждаешься, когда читаешь очерк «Поющие пески» — о преобразовании пустыни в низовьях Днепра, так называемых Алешковских песков. Сейчас на барханах выращивают виноград, абрикосы, персики, яблоки, айву, череш-

ню, грецкий орех, грушу, сливу, вишню. «...Драгоценный опыт алешковских лесоводов мы должны взять на вооружение... — пишет В. Чивилихин, — потому что в других районах страны пески пока наступают на нас широким фронтом. Только на Украине их еще около полумиллиона гектаров. Доходит черед до Чирских, Терско-Кумских, Астраханских, Закавказских, Среднеазиатских песков. Они могут и должны быть остановлены!»

Автор не обошел и одну из самых злободневных проблем нашего времени — охрану чистоты воздуха. «Как вам дышится, горожане?» — спрашивает писатель и, что особенно ценно, вместе со специалистами ищет пути решения проблемы. Он горячо поддерживает идею создания общегосударственной межведомственной организации, которая бы координировала и направляла деятельность отраслевых институтов и конструкторских бюро, основные научно-исследовательские и проектные работы. Кроме того, необходимо, считает писатель, создавать предприятия по изготовлению оборудования для очистки газов, готовить соответствующих специалистов.

Писатель столкнулся с множеством нерешенных вопросов. Так, например, в нашей стране почти нет специалистов по

ландшафтной архитектуре, садово-парковому искусству, в номенклатурном списке профессий нашей страны отсутствуют специальности «ландшафтный архитектор» или «инженер зеленого строительства».

Всесторонне рассматривает автор опыт сохранения окружающей среды в других странах. Решение проблем, затрагивающих интересы всего человечества, совместными усилиями ученых и практических работников многих стран — один из наиболее перспективных путей международного сотрудничества, сохранения окружающей среды. Автор, в частности, подробно освещает проблему сохранения Балтийского моря. Из-за отсутствия природоохранительного сотрудничества прибалтийских стран, сообщает писатель, «в конце шестидесятых годов отравление Балтики достигло какой-то критической точки, и в ее придонных водах был впервые обнаружен сероводород... И вот печальный, если не трагический итог: омертвлено уже более сорока тысяч квадратных километров балтийского дна, и граница этой отравленной зоны постепенно расширяется и поднимается вверх...»

Писатель горячо поддерживает усилия и опыт ГДР по очистке сточных вод, рассказывает, с какой заинтересованностью отнеслись к этому делу в Швеции. В Финляндии приступили к уничтожению отходов целлюлозной промышленности, в Ленинграде строятся очистные сооружения мощностью семьсот пятьдесят тысяч кубометров в сутки... Однако В. Чивилихин считает все это только первыми подступами «к великой программе спасения Балтийского моря». Он призывает политиков, дипломатов, ученых, юристов, экономистов всех прибалтийских стран определить, «какие нужны соглашения ради спасения Балтики, какие национальные и региональные капиталовложения необходимы, какие службы по контролю за физическим, химическим, биологическим состоянием балтийской воды, какие запретительные охранные меры потребны...»

За многие годы журналистской и писательской работы В. А. Чивилихин стал одним из самых сведущих людей в области охраны окружающей среды. Итог этой поистине подвижнической работы, которой отдано столько душевных сил, — новая книга писателя.

А. ОЛЬШАНСКИЙ

СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Если художник, артист в своем творчестве полно, неповторимо и смело выражает суть эпохи, если он всеми глубинными помыслами связан с движением и развитием жизни народной и если при этом зрители поняли и оценили его искусство — можно с уверенностью утверждать, что он прожил счастливую жизнь. Это счастье, понятно, не имеет ничего общего с душевным спокойствием, бытовой устроенностью. Все великое и трагическое бытия народного проходит через сердце истинного артиста. Громкий успех, сопровождающий его выступления на сцене или в кино, более приносит радости близким и друзьям, чем ему самому. Успех обязывает все так же с полной отдачей работать над десятым, сотым, двухсотым спектаклем. И при этом не повторять себя изо дня в день. И, продолжая играть в спектакле, работать над новыми ролями, пропуская через собственную душу чужие драмы и трагедии. Или, преодолевая сердечный приступ, снова и

снова идти под зной «юпитеров», играть и переигрывать одну и ту же сцену в поисках предельной выразительности, пока режиссер не кончит снимать «дубли».

Николай Константинович Черкасов при всем своем незаурядном таланте перевоплощения никогда не ограничивался внешним рисунком роли. Радости и страдания его героев были его радостями и страданиями. Он не только на сцене или на экране прожил несколько жизней выдающихся людей разных эпох, таких как профессор Полежаев («Депутат Балтики»), Александр Невский, Иван Мичурин, Александр Попов, Владимир Стасов, Максим Горький, Иван Грозный. Он прожил их жизни своей мыслью, своими нервами, и каждая роль оставляла неизгладимый след в его жизни.

Ю. Герасимов и Ж. Скверчинская написали книгу* о счастливой и сложной жизни артиста, человека доброго, умного, внимательного к людям и к жизни, великого тру-

* Герасимов Ю., Скверчинская Ж. «Черкасов». ЖЗЛ. «Молодая гвардия», М., 1976.

женика, из тех, про кого говорят: сгорел на работе.

Сложен был путь от статиста Мариинского театра, на сцену которого пятнадцатилетний Коля Черкасов пришел в 1918 году, до народного артиста СССР, появления которого на сцене или на экране тысячи, миллионы людей ждали с радостным нетерпением. Авторы книги собрали богатый документальный материал, который позволил им проследить всю жизнь Николая Константиновича Черкасова от самого раннего детства. Читатели, на памяти которых незабываемые образы, созданные замечательным киноактером, узнают из этой книги много для себя интересного.

Роль профессора Полежаева в фильме «Депутат Балтики» принесла Черкасову первый выдающийся успех в кино. На сцене Ленинградского Академического театра драмы имени А. С. Пушкина Николай Константинович создал незабываемые образы Мичурина, Осипа в «Ревизоре», Маяковского, пушкинского Скупого рыцаря, ученого Дронова. За рассказом об этих творческих победах актера встает Черкасов-человек, Черкасов-личность, с его раздумьями, творческой взыскательностью, спорами в кругу друзей и единомышленников. Мы видим актера-трибуна, его партийное отношение к твор-

честву, его зоркий взгляд, его умение видеть и слышать время.

Биография народного артиста СССР Черкасова рассматривается авторами книги в тесной связи с историей нашей страны и с развитием традиций русского советского искусства.

Очень разные роли — наш современник Дронов, царь Иван Грозный, забавный Паганель и Дон Кихот. И всякий раз актер, исследуя человеческую жизнь, учит добру, выступает в защиту гуманизма, утверждает благородные демократические идеи. Недаром в одном из своих выступлений в Индии Черкасов говорил: «Я никогда не играл ролей, призывающих к грабежу, убийству или разврату. За всю жизнь мне ни разу не пришлось со сцены или экрана подстрекать зрителей к изменам и предательствам, к подлым, черным делам. Никогда ни в чьих интересах ни мне, ни моим товарищам не приходилось унижать историю и искусство, облакая в соблазнительные формы гнусные, человеконенавистнические идеи».

Эта книга, придя к читателям, еще раз докажет, какую важную роль может сыграть в духовном воспитании народа актер, художник, неразрывно связавший свою деятельность с борьбой за утверждение коммунистических идеалов. Актер Черкасов поистине был помощ-

ником партии, и общественная, гражданская его деятельность правомерно составляет важнейшую сторону его личности. Да, впрочем, следует ли отделять одно от другого, ведь сам Николай Константинович признавался как-то:

«Чем старше я становлюсь как актер, тем труднее мне становится отделить мою общественную деятельность от профессиональной работы. Я уже не могу представить себя «только актером», и прежде всего потому, что, репетируя, снимаясь, играя в спектаклях, я ни на одну минуту не перестаю ощущать себя человеком общественным, соединенным тысячью нитей с многообразной, бурной, созидательной жизнью своей страны».

Мысль о постоянном слиянии жизни Черкасова с историей страны пронизывает все страницы книги, все эпизоды его жизни. Первые уроки общественной деятельности юный статист Мариинского театра усваивал, когда в незабываемом девятьсот девятнадцатом выступал в нетопленном, согреваемом лишь дыханием зрителей зале театра, выступал рядом с Шаляпиным, а аплодировали им новые зрители — матросы, солдаты, охранявшие революционный Петроград. Не их ли увидел мысленным взором перед собой уже тридцатидвухлетний актер, когда про-

чел сценарий драматурга Рахманова об ученом, профессоре, который в свои семьдесят пять лет пришел в революцию. Молодой актер, широко популярный в те годы как комик и эксцентрик, взял на себя смелость понять, как много он в этой драматической роли может сказать зрителям, согражданам, современникам. И сказал себе твердо: «Хочу, могу и должен играть эту роль».

Неразделимость актерского и гражданского начала в личности Черкасова раскрывают нам и страницы книги, рассказывающие о выступлениях черкасовской агитбригады перед фронтовиками в годы Великой Отечественной войны, о его деятельности как члена советского Комитета защиты мира, о его огромной и разносторонней депутатской работе.

Весна 1938 года стала для Черкасова порой подготовки к большой государственной деятельности. Он был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. Авторы книги нашли интересные материалы, рассказывающие об этом периоде жизни своего героя, они убедительно показывают читателям, что высокая общественная деятельность Черкасова как депутата была естественным результатом его гражданственных связей с соотечественниками, высокого доверия. Замечательные слова

экипажа ледокола «Ермак» приводятся в книге: «Мы хорошо знаем нашего кандидата как одного из молодых представителей советской кинематографии. Он отдает весь свой талант искусству, народу, Родине, и можно быть уверенным, что он с честью сумеет нести высокое депутатское звание, еще лучше будет служить делу социализма. Пусть же создатель образа профессора Полежаева, депутата Балтики, будет нашим депутатом в Верховном Совете РСФСР».

Эти слова оказались, если можно так сказать, программой всей жизни народного артиста СССР Николая Константиновича Черкасова. Он стал одним из крупнейших в нашей стране государственных деятелей, на протяжении двух десятилетий избирался в Верховные Советы Российской Федерации и Союза, стал одним из активнейших участников движения за мир во всем мире. И не только фильмы, в которых он играл, свидетельствовали о славе и успехах советского искусства, несли в мир наши мысли, идеи, но и сам Черкасов в многочисленных поезд-

ках за рубеж, встречах, выступлениях там нес людям всей земли идеи сотрудничества, мира и дружбы.

В год своего шестидесятилетия, в 1963 году, Черкасов выступил на страницах газеты «Советская культура» со статьей, которую можно считать программной. Публицист, гражданин, коммунист Николай Черкасов, обращаясь к читателям, писал: «Сегодня, когда в мире идет напряженнейшая борьба двух идеологий, ожесточенная схватка за людские сердца, за судьбы человеческие, за молодость, за ее будущее, каждый из нас задумывается над тем, какое место он занимает в этой борьбе двух миров и двух идеологий, живет ли он вровень со своим героическим веком, соответствует ли то, что он делает, тому, что ждет от нас наше время, наш народ. Победа в искусстве — это всегда победа правды, победа активной наступательности, рожденной жизнью для жизни». Именно этими словами замечательного человека и гражданина хотелось бы закончить разговор о книге, ему посвященной.

А. МАРТЫНОВ

1917 1977

На берегах Иссык-Куля

На нашей вкладке мы помещаем снимки, сделанные недавно в районе озера Иссык-Куль, расположенного в горах Киргизии, одного из красивейших озер мира, с удивительно чистой, ярко-голубой водой, озера, которое никогда не замерзает, несмотря на сильные морозы, нередкие в этих горах. Здесь постоянно зимуют стаи лебедей и уток, здесь обитают рыбы, которых нет в других местах, а небольшая севанская форель, завезенная сюда, по размерам в десятки раз превышает своих севанских предков. Рассказывают об отдельных экземплярах, весом более тридцати килограммов.

Весь район озера объявлен заповедной зоной — чтобы сохранить это уникальное создание природы, его животный и растительный мир. На наших снимках — те, кто по долгу службы и по душевному призванию охраняет и бережет природу края, следит за соблюдением законов. Один из этих людей — Каскай Эралиев, председатель Ак-Суйского районного народного суда Иссык-Кульской области. Его уважают за знания, житейскую мудрость, за ту неторопливость и рассудительность, которые так уместны при его должности. Он работал председателем колхоза, ревизором — уже в той давней должности проявилось его стремление к справедливости. Каскай Эралиев закончил школу следователей в Ленинграде и до сих пор эту школу на Литейном проспекте, преподавателей, учителей вспоминает с благодарностью. А потом — юридический факультет во Фрунзе, и вот уже более десяти лет судейской работы. За эту работу он награжден орденом Трудового Красного Знамени. Но на груди Каская Эралиева немало и других наград, наград военного времени. Восемнадцатилетним юношей он ушел на фронт, стал артиллеристом, наводчиком. Война для него кончилась в 1944 году. Тяжелое ранение, госпиталь, демобилизация. День Победы для Каская Эралиева — один из самых радостных, самых торжественных праздников и сегодня, спустя более тридцати лет после окончания войны.

Каскай Эралиев не забывает и о другой оценке своей деятельности. Он с гордостью рассказывает о том, что не услышал еще ни одного обидного слова от тех людей, которых ему приходилось судить, — ни после вынесения приговора, ни после возвращения осужденных домой. На выездной ли сессии, в здании ли суда, на встрече с избирателями он всегда старается разъяснить суть закона, его требования, справедливость приговора.

Председатель Ак-Суйского районного народного суда Каскай Эралиевич Эралиев и заместитель начальника Иссык-Кульского областного отдела юстиции Валерий Иванович Тимофеев.

Более тридцати лет рыбачит на Иссык-Куле Василий Дмитриевич Гадюкин — кавалер орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», победитель социалистического соревнования в коллективе Иссык-Кульского рыбокомбината в нынешнем году, один из наиболее активных общественных рыбинспекторов.

**Председатель Курган-Тюбинского городского народного суда Тад-
жикской ССР Саид Мирзоевич Мирзоев и пенсионер Заман Кулдашев,
четверть века проработавший в Курган-Тюбинском лесхозе.**

В самые отдаленные уголки Курган-Тюбинского района выезжают местные юристы. И везде они желанные гости, всегда готовы ответить на многочисленные вопросы.

Судебный исполнитель Курган-Тюбинского городского народного суда Джура Шарипов и техник-садовод Карим Рахимов. Деловой разговор об охране садов.

Дружинники Курган-Тюбе... Беседу перед дежурством проводит инструктор горисполкома Мирзо Гадоев. Слева направо: Мирзо Гадоев, электрик объединенного железнодорожного хозяйства Р. З. Мухамедшин, мастер участка швейной фирмы «50 лет СССР» Л. А. Колтыгина и контролер ОТК той же фирмы Л. М. Васильева.

Фото В. ЗИМИНА.

Общественники

из Курган-Тюбе

Курган-Тюбе — небольшой городок на юге Таджикистана. Есть здесь и промышленные предприятия, и автоколонны, и строительство последние годы ведется широко, интенсивно, но на экономической карте республики он занимает не очень видное место. А вот если бы можно было представить себе карту «юридическую», то этот городок был бы на ней довольно заметен. Причина тому — хорошо налаженная работа различных общественных организаций по охране порядка, охране природных богатств края, четкая работа дружинников, народных контролеров.

Руководит всей этой работой Курган-Тюбинский народный суд, председатель которого — Саид Мирзоевич Мирзоев. Он работает здесь уже двадцать пять лет. Большой опыт позволяет ему не только грамотно руководить работой общественных организаций и самого суда. Саиду Мирзоевичу приходится разбирать сложные, запутанные дела по поручению Верховного суда республики, нередко его можно увидеть в самых отдаленных уголках района на встречах с колхозниками, в опорных пунктах, на инструктаже дружинников...

Снимки, помещенные в номере журнала, сделаны в Кызыл-Калинском лесничестве, расположенном на территории района и относящемся к Курган-Тюбинскому лесхозу, который занимает около ста тысяч гектаров. В задачи работников лесничества помимо посадки леса, садоводства, сбора фруктов, орехов входит также охрана лесных богатств и животного мира от браконьеров. Водятся здесь и винторогий козел, и козуля, утки, гуси, горные куропатки, журавли, разводят оленей...

На обложке вы видите Виктора Григорьевича Медведева, инженера лесных культур. Он работает здесь всего несколько лет, но даже старожилы не могут не удивляться его знанию местной природы, особенностей климата. Почему летом над Вахшской долиной не бывает дождей, какой способ полива гранатов наиболее уместен, сколько волков на территории лесничества, какой урожай фисташкового ореха ожидается в горах — с самыми разными вопросами обращаются работники лесничества к нему и на все получают толковые ответы.

Два квартала подряд лесхоз получал переходящее Красное знамя Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, и при присуждении столь высокой награды учитывались не только сотни тонн собранных фруктов, бахчевых, орехов, но и охрана животного, растительного мира, посадка новых садов, виноградников, общественная деятельность.

ВСЁ НА ПРОДАЖУ

О Ч Е Р К

В общем, всплыла эта некрасивая история после довольно необычного в наши дни события — как сказано в милицейском рапорте, ясным апрельским днем в сквере дома номер 24 по Трубниковскому переулку Москвы некий Вобник Эдуард Львович был задержан при попытке продать Шейну Григорию Владимировичу... деньги. Да-да, самые настоящие деньги, только не советские, а иностранные. Проще говоря, валюту пытался выгодно сбыть Эдуард Львович.

Расположившись в сквере на скамеечке, деловые люди немедленно вступили в деловые переговоры. В первые же минуты выяснилось, что Эдуард Львович готов вступить в сделку на общую сумму окопо полутора тысяч рублей. Но Шейн, с точки зрения Вобника, разумеется, оказался не на высоте, проявил себя несерьезным покупателем. То ли у него не оказалось такой суммы, то ли что-то неладное заподозрил, а может, попросту струсил вовремя, но, как бы там ни было, от сделки он уклонился.

А струсить было от чего. Дело в том, что Эдуард Львович от излишней самоуверенности или же поверив в надежность покупателя, здесь же на скамейке вывалил столько валюты, да еще в таком ассортименте, что один ее только вид и по колориту, и по полноте представительства смахивал на географическую карту Западной Европы и Северной Америки — двадцать тысяч итальянских лир, шведские кроны, доллары США и Канады, голландские гульдены, западногерманские и финские марки, франки Французской республики... Едва ли не все страны Западной Европы оказались достойно представленными в женской косметической сумочке Вобника. Право же, можно понять Шейна, у которого при виде такого разноцветья, от этого калейдоскопа королей, цифр, гербов, президентов зарябило в глазах. Ну доллары — ладно, куда ни шло, а весь этот «компот», как выражаются в кругах валютчиков, пустить в оборот было весьма сложно.

Конечно, миллионами здесь, как говорится, и не пахло, но валюты было не так уж и мало, а ее разнообразие заставило удивиться даже видавших виды оперативных работников. Сразу стало

ясно, что дело поставлено с размахом, что кто-то наладил очень широкие международные контакты и что этот частный случай, конечно же, не дает полной картины деятельности гражданина Вобника и его приятелей. А то, что он действует не один, что здесь орудует теплая компания,— это тоже было ясно. Согласитесь, трудно все-таки одному человеку в частном порядке завязать столь широкие экономические связи.

Несколько слов о том, как попался Эдуард Львович. Невысокого роста худощавый человек с шустрым ищущим взглядом, постоянно толкающийся среди покупателей большого комиссионного магазина у площади Восстания, давно привлекал к себе внимание. Он охотно вступал в разговоры, заглядывал в глаза, что-то спрашивал, предлагал, улыбался и грустил, сочувственно цокал языком и поощрительно похлопывал по плечам, в общем, жил в торговых залах магазина напряженной, полнокровной жизнью. Он легко и непринужденно передвигался от одной группы людей к другой, от любителей западногерманских магнитофонов к обожателям японских транзисторов, от прилавка к прилавку. Опытные люди сразу определили, что пришел он сюда не покупать, этот гражданин пришел работать.

В тот день суэта Эдуарда Львовича увенчалась успехом — родственная душа откликнулась на его призывные взгляды и завлекающие ужимки: Григорий Владимирович Шейн выразил готовность потолковать в укромном уголке. Сквер в Трубниковском переулке показался обоим вполне подходящим местом.

Когда сотрудники милиции подошли к высоким договаривающимся сторонам, Эдуард Львович быстро все понял и с ловкостью начинающего фокусника сделал весьма неуклюжую попытку избавиться от женской косметической сумочки — он забросил ее под скамейку. Мол, я — не я, сумка не моя, и вообще, кто вы такие, что вам надо и какое вы имеете право... и так далее. Но это столь невинное и вполне разумное в данной ситуации действие до самой глубины души возмутило Шейна: он очень опасался, что подошедшие товарищи могут, чего доброго, подумать, будто эта злополучная сумочка вместе с содержимым принадлежит ему, Григорий Владимирович сразу счел нужным внести ясность в этот вопрос и со всей категоричностью заявил, что сумка принадлежит Вобнику, что этот самый Вобник обманом и посулами завлек его сюда, а сам он никогда его не знал и знать не хочет.

Вот так все и началось.

Следствие вел Николай Петрович Куракин из Киевского районного управления внутренних дел. Естественно, перво-наперво у

него возник вопрос: откуда у снабженца механизированной передвижной колонны взялось столь необычное увлечение — торговать валютой, да и откуда у него эта валюта?

— А мне Серболэ дала,— не задумываясь, ответил Эдуард Львович и преданно посмотрел на следователя, ожидая новых вопросов.

— Что еще за Серболэ?

— Это фамилия такая у нее... Продай, говорит, валюту — и все тут. Пристала-пристала, ну а я не мог отказать. Сглупил, конечно, но разве знаешь, где прогадаешь...

— Скажите, а чем занимается эта... Серболэ?

— А она на телевидении работает. Каким-то администратором или распорядителем.

— И часто она вам такие поручения дает?

— Нет, что вы! Первый раз! И судя по всему — последний.

— Хорошо, а откуда у нее валюта, откуда у нее столько валюты, причем в таком невероятном разнообразии?

— Кто же ее знает... Понятия не имею.

— А почему она именно вам предложила продать валюту, почему она именно к вам подошла с такой просьбой?

— Даже затрудняюсь сказать... Доверяла, наверно, мне... У нас с ней и раньше были дела... Не то чтобы с валютой... Ну как вам сказать... я как-то шапку ей продал за сто двадцать...

— Что же это за шапка такая?

— Обыкновенная шапка-ушанка... мех, конечно, там хороший, даже не знаю, как он и называется. Была у меня такая шапка... А денег у Серболэ как раз не оказалось, и она отдала мне долларами. Кстати, теми самыми, которые у меня изъяли при задержании... А когда мы случайно как-то встретились, она и уговорила меня валюту продать. Я так жалею, что согласился.

Каждый ответ Эдуарда Львовича вызывал все новые и новые вопросы. Нежданно-негаданно вдруг выплыла какая-то Серболэ, появилась шапка за сто двадцать рублей, доллары... Сразу было видно, что Вобник говорит не все, не главное. Уж больно охотно он все это рассказывает, уж очень ему хочется убедить следователя в своей искренности...

Подозрения следователя оправдались — многое из того, что говорил Эдуард Львович о Серболэ, оказалось ложью. Лгал Вобник увлеченно, подхватывая вопросы, давая расширенные ответы, энергично, вдумчиво. Иногда даже сам не чурался следователю вопрос задать, переспросить, уточнить. Со стороны посмотреть — можно

подумать, что за столом сидят коллеги и обсуждают серьезные производственные проблемы.

Хотя Эдуард Львович на первом допросе так и не назвал своего ближайшего сообщника и вообще не сказал ни слова правды, тем не менее он сумел достаточно полно раскрыться сам, показал, что он может легко, не задумываясь, с изящной небрежностью оговорить кого угодно. Заранее зная, что его вранье разоблачится к утру, он к утру придумывает еще что-нибудь и опять деловито говорит очередную чушь.

• Но, показывая раскаяние, Вобник вынужден был называть и настоящие, истинные имена, адреса, профессии людей, которые имели отношение к его «увлечению».

Главаря он поначалу ни за что не хотел назвать, и потому следствие волей-неволей шло как бы от флангов к центру. Те, которых он назвал первыми, на суде выступали в качестве свидетелей. Одни из них испытали только испуг, поскольку официального обвинения им предъявлено не было, другие только благодаря следствию и суду, может быть, впервые взглянули на себя при ясном и четком свете дня, предпочитая до этого рассматривать себя лишь в зеркалах ночных ресторанов, впервые, может быть, услышали столь неприятные слова, что даже сочли себя оскорбленными. Поскольку люди они хотя и не первой молодости, но все же достаточно молодые и кто знает, как сложится их дальнейшая судьба, не стоит, наверно, называть их полностью, ограничимся именами. Так вот, в ходе следствия постепенно выплыли, словно бы возникли из небытия, и заняли достойное место в пухлом томе уголовного дела парикмахерша Лариса, секретарша Зина, Галя — девица с неопределенными обязанностями в каком-то учреждении, Наташа...

А где-то на третий день следствия Эдуард Львович назвал наконец имя Ирины Михайловны Диденко. Поначалу Николай Петрович Куракин отнесся к ней, как ко всем предыдущим знакомым Эдуарда Львовича, но вскоре стало ясно, что эта фигура была явно покрупнее. Скажем сразу — она-то и оказалась во всем деле самой крупной фигурой.

Итак, Ирина Михайловна Диденко, нештатный корреспондент телевидения, невысокая худощавая женщина, когда блондинка, когда брюнетка, с тяжелой челюстью и призывным взглядом. В паспорте дата ее рождения была помечена 1934 годом, но эта цифра почему-то не устраивала Ирину Михайловну, и она исправила четверку на девятку, исправила грубо, шариковой ручкой, видно, впопыхах, видно, срочно потребовалось предстать перед кем-то по-

моложе. Сорок два года или тридцать семь, четвертый десяток или начало пятого — все-таки разница. Надо сказать, что желания быть помоложе или, на худой конец, казаться помоложе возникали у Ирины Михайловны довольно часто. Об этом, возможно, не стоило бы говорить, если бы речь шла об обычном, понятном и, в общем-то, простительном женском самолюбии. Но здесь все было не так просто — казаться моложе Ирине Михайловне требовалось для дела. Для простого и древнего дела, древней которого и нет, наверно, на белом свете.

Что еще сказать об Ирине Михайловне, чтобы уж больше не возвращаться к этому... Закончила она когда-то университет, стала дипломированным специалистом по иностранному языку, потом долгое время подвизалась на телевидении. Больших успехов не сделала, звезд с неба не хватала. Жила она с матерью и дочкой. С мужем развелась несколько лет назад. О мотивах предпочитает не говорить, но догадки делать можно. О родителях тоже распространяться не склонна. И по возможности стремится вообще не упоминать о них. Например, отца своего, М. С. Цесельского, Ирина Михайловна старается не вспоминать, даже когда ей приходится заполнять документы, писать автобиографию. Во многих документах уголовного дела единственное, что она сообщала о своем отце, — это дату его смерти. Не имя, не фамилию, не отчество, а только дату смерти. Видно, не очень гордилась своим отцом Ирина Михайловна.

Но это неважно, дело, в конце концов, в том, что несколько лет назад Ириной Михайловной овладела жажда быстрого и не очень трудного обогащения. Работа на телевидении перестала удовлетворять ее, поскольку такого обогащения не сулила.

Окинув мысленно приятелей и знакомых, Ирина Михайловна остановила взор на Эдуарде Львовиче Вобнике. Надо сказать, что Эдуард Львович был человек привязчивый и любвеобильный. Его паспорт представляет собой явление если и не уникальное, то достаточно редкое — обращают на себя внимание многочисленные штампы о регистрации и расторжении браков. К тому времени, когда у него появился ребенок от первой жены, он уже собирался жить со второй, а в кооперативную квартиру, приобретенную со второй женой, собирался вселиться с третьей, а на «Жигулях», оплаченных с третьей женой, он собирался... Но был задержан в Трубниковском переулке.

Кстати, помимо женской косметической сумочки с валютой у Эдуарда Львовича была изъята квитанция, которая свидетельствовала, что в этот же день он внес деньги за автомашину ВАЗ-2103. Там же, в сумочке нашелся и подробный бюллетень курса ино-

странной валюты, заботливо составленный Ириной Михайловной, с аккуратным перечислением стоимости доллара, франка, марки, гульдена и так далее. Указала Ирина Михайловна и конечную, итоговую сумму — сколько должен вернуть ей Эдуард Львович. А на оборотной стороне бумажки были уже расчеты самого Эдуарда Львовича — он прикидывал, сколько на этой операции будет иметь сам. Вряд ли он предполагал тогда, что вместо рублей получит нечто иное.

Но мы отвлеклись.

Итак, прикинув свои возможности, способности, связи, перспективы, Ирина Михайловна решила, что для начала спекуляция подойдет ей больше всего. Но если уж спекулировать, то по-крупному — товарами действительно ценными, дорогими. К примеру, та же Серболэ рассказала следователю, что видела в шкафу у Ирины Михайловны дубленки, одну из них хозяйка предложила ей — за восемьсот рублей. А за ту же злополучную шапку из высокородного меха Серболэ задолжала энергичной паре сто двадцать рублей. Шла оживленная торговля и зонтиками, сигаретами, косметическими наборами...

Такая вот началась деятельность.

Во многих показаниях можно прочесть и о дубленках, и о ящике с шапками, и о нераспакованных еще коробках с магнитофонами, транзисторами, магнитолами, и о блоках сигарет, зонтиках. Суетно, ох, суетно стало жить Ирине Михайловне и Эдуарду Львовичу. Ведь весь товар мало раздобыть, его надо было выкупить, притащить домой, найти покупателя, не просто покупателя, а такого, чтоб готов был выложить шальную деньгу за безделушку, за красивую, обклеенную наишикарнейшими этикетками штуковину, да при этом чтоб язык он имел не слишком длинный, да не упустить еще более выгодного покупателя, ежели таковой подвернется, да не промахнуться с получением денег...

А еще надо позаботиться, побегать, в глаза позаглядывать да других ловкачей обойти и раздобыть новый товар, не просто, а ходовой — за валюту, за красивые глаза, за щедрые посулы, за что угодно, хоть за собственную душу! Раз пошла такая распродажа, о душе ли думать! Только перечислить все «производственные операции», и то голова кругом идет, а повернуть все это, да не один раз, да не с одним человеком столкнуться, сотни раз по сторонам оглянуться, конспирацию соблюсти...

Суетно.

Тяжелая работа, которая предполагала теснейшие контакты с самыми отпетыми жуликами, полнейшую неразборчивость в сред-

ствах, изрядное бесстыдство. Исключений в средствах не делалось. Не было такого, что, мол, все что угодно, но только не это. За товар расплачивались всем — деньгами, достоинством, честью... Впрочем, эти слова здесь неуместны. Не тот случай.

Ну хорошо, все это так, все установлено следствием, доказано документально, подтверждено многими показаниями, вещественными доказательствами. Но пора ответить и на главный вопрос — где брали компаньоны валюту, как раздобывали товар?

На этот вопрос ответила следователю та же Серболэ:

— Ирина спит с иностранцами, и они расплачиваются с ней валютой!

Такие дела.

Таков ответ на вопрос о необычном содержимом женской сумочки Эдуарда Львовича, наполненной валютой едва ли не всех стран Европы, Канады, США. А что касается распределения обязанностей, то оно вполне соответствовало наклонностям компаньонов.

Помолчим минутку, осмыслим услышанное. Еще раз посмотрим на женщину за барьером на скамье подсудимых, женщину с надменно вскинутым тяжелым подбородком, по лицу которой иногда пробегают не то ухмылка, не то гримаса недовольства, посмотрим на женщину в поношенном свитерке, скромной тусклой юбчонке — продуманная форма для зала суда. И на соседа ее посмотрим, на Эдуарда Львовича, тоже в простеньком свитере, деловитого, озабоченного, готового быстро ответить на любой вопрос судей, прокурора, адвокатов, готового еще и еще раз заверить всех присутствующих много раз повторенными фразами в полнейшем своем раскаянии, в том, что простоват был, не обдумал, а теперь, когда обдумал,— то ни за что в жизни, никогда, ни за какие деньги...

Свидетелем на суде был гражданин одной из стран Африки. Джозеф, приехавший в Москву учиться, был робок, простодушен и наивен. Когда в вестибюле ресторана к нему подошла эффектная дама и заговорила на ломаном английском языке фразами из школьного разговорника, он был польщен и охотно записал номер ее телефона.

— Как же вы общались с ней? — спросил судья африканца.

— Она поздоровалась со мной по-английски,— чуть слышно, как напроказивший школьник, ответил Джозеф,— и заговорила... Но она очень плохо знала этот язык, и я предложил ей разговаривать по-русски,— добавил Джозеф на чистом русском языке.

Потом они встретились еще раз, и тогда уже Ирине Михайловне удалось затащить молодого студента к себе. Узнав, что тот вскоре едет домой на каникулы, попросила привезти ей подарков.

О, этот Джозеф! Он привез подарки почти семейные — юбку и комнатные тапочки. Очень тогда осерчала Ирина Михайловна. Но тут она увидела, как на черной худощавой руке сверкнули японские часы на металлическом браслете. Тут же сменив гнев на милость, Ирина Михайловна, глядя на часы замороженным взглядом, принялась расхваливать тапочки. Нет, Джозеф не отдал часы. На этот раз не отдал. Но вскоре Ирина Михайловна все-таки добралась до них. А потом она попросила Джозефа купить ей в «Березке» сразу пять косметических наборов и даже денег дала на эти наборы, поскольку Джозеф не принадлежал к числу состоятельных граждан своей страны. Отправляясь в магазин, он решил, что Ирина Михайловна пошутила, и купил только два набора. И опять сердилась непонятная дама, а он, чтобы смягчить ее сердце, смотался в «Березку» за магнитофоном. А придя к ней домой через некоторое время, наивно удивлялся — куда же делась его покупка и почему вместо того магнитофона стоит другой и даже вроде не один...

Но Джозеф был своего рода исключением, и держали его при себе в основном для мелких поручений, как человека, который вхож в валютные торговые точки. Иногда, правда, Ирина Михайловна затевала разговоры по душам и, глядя в черные глаза африканца, волнуясь, поскольку открывала заветное, говорила:

— Ах, Джозеф, нашел бы ты мне мужа, уехала бы я с ним куда угодно!

— А я? — спрашивал Джозеф. — Чем я тебе не муж?

— Всем ты хорош, Джозеф, — вздыхала Ирина Михайловна, — да только бедноват ты, Джозеф.

Да, Джозеф был исключением. В основном же контакты с иностранцами были деловыми, краткими, одноразовыми, если можно так сказать. Технология общения была простая до примитива — приличный ресторан, милое знакомство за столиком, выпивка, пьянка и бешеный гон машины нездешних очертаний на запасную квартиру Ирины Михайловны. Да, жила она с матерью и дочкой на одной квартире, а вторую держала для особых случаев, скажем так. Была эта вторая квартира обставлена сугубо по-спартански — голые обшарпанные стены, пара продавленных замусоленных лежаков да красный торшер у окна.

И вот, поставив на этом месте точку, хочется остановиться, спросить себя — а можем ли мы вот так вслух, прилюдно обсуждать личную жизнь Ирины Михайловны? Ну, торговля, спекуляция, перепродажа — ладно. Тут все ясно. Это подрыв престижа, экономики государства, это, совершенно естественно, запрещено законом, эти действия названы преступлениями. Но ведь закон не запрещает

посещать рестораны и знакомиться с иностранцами какого угодно возраста и цвета кожи. Правда, особенности личной жизни Ирины Михайловны позволяли ей обзаводиться валютой многих стран, но все же это — ее личная жизнь, и судить ее мы можем только по закону, то есть непосредственно за валютные операции...

Но ее личная жизнь отразилась на судьбе других людей — разрушилась семья самой Ирины Михайловны, она разошлась с мужем, который в свое время удочерил ее дочь, мать ее больна, и теперь, когда Ирина Михайловна вынуждена на несколько лет поменять местожительство, судьба девочки вызывает серьезную озабоченность. Осваивая новую «специальность», Ирина Михайловна прекрасно знала, чем рискует, знала, чем жертвует. Но коль пошла такая распродажа, коль самое себя распродаешь не задумываясь, то стоят ли больших раздумий мать, дочь, муж...

Интересный случай рассказывает одна из свидетельниц. Придя как-то с Ириной Михайловной к ней домой, они застали ее дочь за довольно странной игрой. Во что, в какие игры играют девочки десяти-тринадцати лет со своими подругами? Выбор большой и вполне соответствует детской фантазии — в школу, в принцесс, дети устраивают концерты, целые пошивочные мастерские, разыгрывают сцены из сказок, кинофильмов или уж смотрят эти кинофильмы. Дочь Ирины Михайловны играла с подругой в... пьянку. Она ловко, небрежно держала фужер, залихватски чокалась, одним духом опрокидывала содержимое. Пили, правда, сидро.

— Куда ты смотришь, Ира?! — ужаснулась гостья.

Ирина Михайловна глянула недобро, усмехнулась.

— Ничего, пусть привыкает.

И есть еще одно обстоятельство, которое дает право, которое обязывает говорить о личной жизни Ирины Михайловны открытым текстом. Дело в том, что наступил момент, когда новые заработки перестали устраивать ее и она всерьез стала подумывать о расширении бизнеса. Потребовались помощники, точнее говоря — помощницы. Потребовались непритязательные глуповатые девочки, которые пленились бы шиком ночных ресторанов, даровой закуской и утонченными манерами заезжих кавалеров. А Ирина Михайловна, со своей стороны, готова была взять на себя самую щекотливую часть работы — вести деловые переговоры, расчеты за услуги. Девочки — они такие, они стесняются, им неудобно, у них язык не повернется назвать сумму. Да и в курсе валют они не разбираются. А Ирина Михайловна разбирается, и язык у нее повернется, и квартира есть у Ирины Михайловны. Свободная, удобная, без свидетелей, соседей и домочадцев.

Случай не заставил себя ждать. Через каких-то знакомых, ползнакомых, приятелей узнала Ирина Михайловна, что есть где-то парикмахерша Лариса, которая может клюнуть. И Лариса клюнула. Сначала ее пригласили на дом, чтобы сделать прическу,— у Ирины Михайловны приятный вечер намечался. Причесывание затянулось, и Ирина Михайловна в заключение пригласила Ларису с собой в ресторан. Та пошла.

К их столику подсели мужчины, женщина, они говорили на каком-то языке, для Ларисы непонятном, и от этого казалось, что речь идет о чем-то невероятно значительном, таинственном и прекрасном.

В пронизательности Ирине Михайловне не откажешь. Ее расчет полностью оправдался. После очередной прически на дому она опять пригласила Ларису в ресторан, и та опять пошла. Ей льстило внимание столь блестящей дамы, и она очень хотела понравиться ей, оправдать ее доверие, тем более что блестящая дама представилась главным редактором телевидения. Центрального телевидения, между прочим. Во как! Не больше и не меньше. Правда, у Ларисы были муж, ребенок и ее задержка в ресторане была, так сказать, чревата семейными осложнениями, но уж больно велик оказался для нее соблазн...

А когда пьяные ухажеры подсели к ним за столик и Ирина Михайловна вступила с ними в оживленную беседу, Лариса была счастлива. И когда ей предложили закончить вечер на квартире у Ирины Михайловны, она, не колеблясь, согласилась. Ведь это так здорово — на заграничной машине, по ночной Москве, рядом с шикарными мужчинами, говорящими по-заграничному, в обществе блестящей дамы...

— Хватит болтать, иди раздевайся! — сказала Ирина Михайловна, когда они приехали к ней домой.

— Как?! — опешила Лариса.

— Ты что, тридцать рублей не хочешь заработать?! Иди!

Эти слова, этот разговор — не выдумка, они целиком взяты из следственного протокола, прозвучали они и в зале суда. Да, Ирина Михайловна обладала удивительной способностью протянуть пряник и тут же ударить кнутом.

Не будем описывать утреннее состояние Ларисы, бог с ней. Надо только сказать, что когда она заглянула на прощание в комнату к Ирине Михайловне, то, надо же такому случиться, застала как раз момент расчета — в руках у блестящей дамы, впрочем, она была не так блестяща, как вечером, так вот в руках у нее была пачка ярко-синих непривычных денег.

— На! — сказала Ирина Михайловна, сунув в руку Ларисе три знакомых, красненьких десятки.— Это тебе на такси, домой добратся. Ждут, небось.

Таким было начало.

А потом — несколько «просветительских» бесед, уговоров, разъяснений, немного шантажа и угроз разоблачения — много ли надо для недалекой толстушки...

Что касается платы. Себе Ирина Михайловна оставляла вдвое больше, нежели отдавала «на такси». Была еще одна статья дохода — если, к примеру, девушка Лариса или девушка Зина хотели воспользоваться квартирой Ирины Михайловны самостоятельно, то это им стоило десять рублей. При этом неважно было, сколько они там пробудут,— десятку гони. Как-то девушка Зина хотела недельку пожить в укромном лежбище — Ирина Михайловна, глазом не моргнув, заломила все шестьдесят рублей. Не можешь? Давай натурой. Давай сигареты, косметику, зонтик, перчатки — все найдет своего покупателя, все принесет какой-никакой, а доходец. Продавать — так продавать, торговать — так торговать. О самолюбии потом подумаем.

Ну хорошо, источник валюты есть. Худо-бедно, по крохам, кто сколько может, кто сколько подаст — идет валюта. Правда, слишком уж разнообразна, слишком пестра, но тут уж выбирать не приходится. И на том спасибо. Начинаются поиски нужных, деловых, оборотистых людей, с которыми можно было бы вступить в постоянные деловые отношения.

Нашелся такой. Косякиным кличут. В «Березке» трудится. К товару доступ имеет. Поживиться не прочь. Сам к «деловым» людям стремится. В валюте надобность испытывает, поскольку за проданный в магазине товар валютой отчитывается. Начинается разработка целого сценария встречи, продумывается операция по купле-продаже. Через третьих лиц назначили свидание. Встретились. Саша назвался Пашей, Лора — Дорой, Ира — Мирой. Потом, через несколько минут, когда торг вступил в решающую стадию, все перезабыли свои клички, перезабыли как кого называть, не до того было. Радость удачной сделки окупила все мимолетные конфузы и неловкости — сотню долларов одним махом сбыли, да еще на будущее столковались. Через некоторое время Косякин отвалил уже шестьсот рублей за марки, франки, доллары. Но попался вскоре Косякин на спекуляции и злоупотреблении служебным положением. Очень убивался. Я же, говорит, большой спец по пошиву женских юбок, три штуки за вечер строгаю! И на кой мне валюта понадобилась?!

Ирина Михайловна, надо отдать ей должное, не стояла на месте,

она заботилась о том, чтобы ее «подружки» осваивали, в полном соответствии с духом времени, и смежные специальности. Иногда она приходила в ресторан и для сугубо деловых встреч, заранее договорившись с заезжими толстосумами и местными ловкачами о покупке валюты. В таких случаях, к примеру, Лариса должна была стоять на стреме и зорко смотреть по сторонам, чтобы в случае опасности, появления нежелательного человека быстро предупредить Ирину Михайловну. То есть, можно сказать, что она вполне сознательно, планомерно готовила людей определенного профиля, определенных жизненных взглядов, устремлений, короче говоря, готовила продажных людей по образу и подобию своему, людей, способных когда угодно и с кем угодно вступить... в любую выгодную сделку, продать все, что потребуется покупателю.

Иногда Ирина Михайловна заводила вроде бы невзначай разговоры о деньгах, о накоплениях, похвалялась собственными закромами, приплетая сюда и смысл жизни, и заботу о детях, давая, таким образом, «девушкам» какую-то внутреннюю опору для того образа жизни, к которому она их настойчиво толкала. Говоря о собственных накоплениях, Ирина Михайловна не лукавила — при обыске в ее квартире нашли более десяти тысяч рублей, несколько сберегательных книжек, у Эдуарда Львовича, помимо оплаченной квитанции за машину, нашли еще нераспакованные магнитофоны — не успел сбыть, уж слишком неожиданно все кончилось.

Кончилось все действительно неожиданно. Уж как беспокоилась Ирина Михайловна, когда посланный на продажу валюты Эдуард Львович не вернулся в условленное место в условленный час, как металась, как металась! Несколько дней дома не ночевала, боязно было. У всех жен Эдуарда Львовича побывала, каких только знала, домой к нему смоталась, по ресторанам, по привычным значным местам пошастала — не пропивает ли злодей вырученные деньги, не затеял ли собственное «дело».

А «злодей» в это время давал показания, которые подшивались в его личное уголовное дело, объединенное вскорости с делом самой Ирины Михайловны. Не найдя нигде Эдуарда Львовича, помчалась бедолага к девушке Ларисе. Позвони, мол, разлюбезная подруга, ко мне домой и спроси... Что хочешь спроси, про меня, например, спроси, про себя. Вот до чего страх обуял — к себе домой позвонить боялась. Позвонила Лариса. Отчего не позвонить?

— Я занята. У меня люди. Я не могу с вами разговаривать! — раздраженно ответила в трубку мамаша Ирины Михайловны.

— Все понятно, — упавшим голосом сказала Ирина Михайловна. — Это обыск.

Она была права. В этот самый момент понятия уже пересчитывали пачки денег, которые мамаша, предупрежденная на такой случай, не успела выбросить с балкона. Помаявшись, помыкавшись по городу, Ирина Михайловна сама пришла в милицию и, привычно вскинув тяжелый подбородок, поинтересовалась — как понимать обыск и все остальное. Пришлось объяснить. И задержать тоже пришлось.

И вот суд.

Суд получился интересным. Не потому, что выяснились какие-то новые обстоятельства, все перевернувшие с ног на голову, нет, следствие было проведено добротное, грамотно, все необходимые доказательства приобщены к делу, поэтому никаких неожиданностей не было. Суд был интересным с другой точки зрения — на нем как-то особенно четко проявились все взаимоотношения между соучастниками, их характеры. Привычно, даже как-то уныло, не особенно стараясь убедить кого-то, отрицала свою вину Ирина Михайловна, деловито, вдумчиво, с явной заинтересованностью отвечал на вопросы Эдуард Львович, говорил, что вину признает, что больше не будет. И вот так же деловито, чуть ли не с искренней болью в глазах он вдруг поведал суду, что всю валюту для продажи дала ему девушка Лариса, а вовсе не Ирина Михайловна. Походя он оговорил еще одного человека, сделал последнюю безуспешную попытку подправить выводы суда, затянуть заседание, а там, глядишь, что-то переменится...

— Скажите, Эдуард Львович,— обратился к нему Леонид Сергеевич Соболев, председатель Киевского районного народного суда, который вел заседание,— вот вначале вы говорили, что Серболз дала вам валюту, потом утверждали, что сидящая рядом с вами гражданка снабдила вас валютой, теперь вот, оказывается, Лариса... Кто же все-таки?

— Лариса,— сказал Эдуард Львович и даже голову от усердия склонил набок.

— А чем вы объясните, что женская сумочка, изъятая у вас, принадлежит Ирине Михайловне, и она этого не отрицает? Да и подробная инструкция об обменном курсе валют тоже написана ее рукой, и этого она не отрицает. Как все это понимать?

— Это она давно написала... Года полтора назад,— отвечает Эдуард Львович Вобник.— По какому поводу, уже не помню.

— Хорошо,— добродушно соглашается судья,— а вот следствием установлено, что газета, на обрывке которой написан курс валют, вышла не полтора года назад, а всего за несколько дней до вашего задержания. Чем вы это объясните?

— Мне трудно ответить на этот вопрос,— честно признается Вобник.

Дала показания и мать Эдуарда Львовича — Л. М. Кацман. Что сказать, мать есть мать. Не обошлось без слез, она подробно рассказала, как тяжело досталось ей воспитание сына, как нередко приходилось испытывать всевозможные трудности, рассказала, что как сын Эдуард Львович был хорошим человеком. А что касается денег, которые он внес за машину, то это в основном ее деньги, она собирала их многие годы.

— Простите,— спросил ее судья,— а пенсия у вас большая?

— Пятьдесят семь рублей.

— Может быть, у вас была большая зарплата, когда вы работали?

— Какая зарплата, что вы...

— Как же вам удалось собрать столько денег? Ведь речь идет не просто о помощи сыну, не просто о каких-то там деньгах, речь идет о тысячах!

— Не один год собирала,— ответила Л. М. Кацман, вытирая глаза.

И ни у прокурора, ни у судьи и адвокатов не нашлось больше вопросов к матери Эдуарда Львовича.

Гражданин африканской страны тоже предстал на суде в качестве свидетеля. И тихим, еле слышным голосом подтвердил все свои предыдущие показания. На женщину за барьером он так ни разу и не взглянул и, закончив показания, повернулся неловко, чтобы, не дай бог, не встретиться с ней глазами, а скамью подсудимых обошел как-то по кривой, с опаской и настороженностью, кося ослепительными белками глаз.

Одна из жен Эдуарда Львовича, кажется последняя, тоже давала показания. В основном они касались денег. Она, как и Л. М. Кацман, сказала, что деньги за машину Эдуард Львович внес не свои, а ее, матери, родственников. Об этом же говорила и мать, говорила твердо, убежденно, истово — решался вопрос о конфискации имущества Эдуарда Львовича, и выяснить, кому же все-таки принадлежали деньги, которыми оперировал Вобник, было очень важно.

А потом к свидетельскому месту поочередно подходили Лариса, Галя, Наташа, Зина... И что больше всего обращало на себя внимание в первый момент, это их какая-то... непривлекательность, что ли, не в обиду будь сказано. Наслушавшись об их деяниях, об их ресторанном образе жизни, все невольно ожидали увидеть неких див, звезд шикарных ресторанов... Ничего подобного. Все они очень старательно подчеркивали свое достоинство, натренированно вскидывали подбородки, услышав очередной вопрос судьи, иногда пе-

респрашивали, словно бы даже не веря, что подобный вопрос могут задать в официальной обстановке, переспрашивали, как бы призывая всех присутствующих в свидетели — смотрите, мол, это же надо! Спрашивать о таких вещах! Кошмар!

В зале они все сели порознь, чуть презирая друг друга и не скрывая этого. Да, мол, мы из одной компании, но она, вон та — такая... в общем, вы знаете, какая она, сами видите. Вот с таким выражением они сидели. Это понятно. В своем обычном дневном окружении они общались с людьми действительно достойными, с людьми, которым не надо было разыгрывать достоинство, а собираясь вместе, хорошо зная друг друга, каждая из них невольно относилась к другим с пренебрежением.

— Скажите, с кем вы больше всего дружили? — спросил судья Зину.

— Дружили?! — переспросила она и дернула плечом, как бы отгораживаясь от тех, сидящих на скамьях за ее спиной. — Ни с кем не дружила.

— Ну хорошо, как вы сами можете охарактеризовать ваши взаимоотношения?

— Да никак... Встречались иногда, проводили время... И все.

Так никто и не признался в дружеских чувствах к кому-нибудь, больше того, активно все доказывали, что никаких отношений вообще между ними не было, быть не могло, и вопросы судьи они воспринимали чуть ли не как стремление уличить их... в дружбе. Встречались? Да. Но не больше.

Так, наверно, оно и было на самом деле.

И еще одно — все они старательно напоминали суду о грешках друг друга: кто-то пытался продать сапоги втридорога, кто-то спекульнул штанами с экзотической нашлепкой на интересном месте, кто-то уже судился, получив, правда, условное наказание...

Было достаточно много моментов в ходе судебного заседания, когда выяснялся вопрос — кто инициатор того или иного мероприятия, кто организатор, заводила, кому принадлежит идея. Видно было, с каким напряжением, вниманием смотрит Ирина Михайловна из-за деревянного барьерчика на бывших своих «подружек» — может быть, хоть одна возьмет на себя что-нибудь, хоть на самую малость попытается облегчить ее участь. Ведь им вроде бы ничто не грозило, они не на скамье подсудимых, после суда по домам разойдутся, а не в Бутырку отправятся. Пусть их показания унижительны, неприятны, но все это кончится в зале, здесь, сейчас.

Но нет, никто на себя ничего не взял. Более того, все старательно, добросовестно, с каким-то чувством возмездия давали пока-

зания, которые изобличали Ирину Михайловну как организатора бизнеса, как человека падшего и растлевающего других — безжалостно, настойчиво, поскольку это приносило доход. Видно, поняли «помощницы», как Ирина Михайловна исковеркала их судьбы, какой тяжелый груз собственных раскаяний и раздумий им придется теперь нести.

Не знаю, может быть, кое-кому потеря достоинства, полная распродажа самого себя и не кажется большой бедой, если за все это можно получить деньги. Может быть. Но решиться на это может далеко не каждый даже из тех, кто время от времени садится передохнуть от трудов «праведных» на скамью подсудимых. Для этого нужен своеобразный характер, некая предрасположенность к торгашеству и полное духовное бесстыдство.

Ну хорошо, а что впереди? Все время хочется спросить — что впереди, где мыслился конец? Оказывается, была перспектива, далекая желанная мечта — выезд за границу. Если повезет — с богатым кавалером, если нет — то и так. Но в любом случае ехать замышлялось не с пустыми руками. А кроме того, выехать за границу — значит надежно спрятать концы в воду, скрыться от любознательных следователей, от вездесущего уголовного розыска, от неприятных и «бестактных» вопросов судьбы, оказаться там, где все возможно, все законно — спекуляция, эксплуатация ближнего, обогащение за чужой счет. Во всяком случае, именно к этой вседозволенности, всеядности стремились наши герои, чувствуя себя чужими здесь, на земле, где родились, среди людей, которые живут рядом, и надеясь где-то там, на стороне, найти понимание и одобрение.

НЕ ПРОСТО ЖУЛИКИ...

ХРОНИКА ОДНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Встречаясь с Бебелем на Кобринских улицах, капитан Ващук всегда уважительно с ним здоровался. А как же иначе, если службу свою начинал, можно сказать, на его глазах: получив лейтенантские звездочки, представлялся Ивану Вакуловичу как новый участковый инспектор. И уже тогда знал, что Бебель, бывший руководитель «Межколхозстроя», — человек заслуженный. Раньше был председателем райпотребсоюза, а до того — директором МТС...

Но то было раньше. Теперь Иван Вакулович — директор овощесушильного завода. И хотя Ващук по-прежнему здоровается с ним, уважения к Бебелю у него явно поубавилось. Почему? Да потому, что стала приоткрываться совсем неожиданная сторона директорской деятельности.

Стало известно, например, Ващуку, как Бебель, видимо чего-то опасаясь, занялся своеобразной чисткой своего предприятия. Старшего мастера Раису Валиеву, которая говорила о беспорядках на заводе, взял да и уволил. Ей бы жаловаться, но посчитала, что с такой фигурой, как Бебель, ей не сладить, и махнула на все рукой.

Успокоился было директор, а тут новый критик объявился. Ветеран войны, офицер запаса Сергей Михайлович Полоцкий заведовал сырьевым складом. Однажды возьми и скажи Бебелю, что вокруг него жулики, как мухи над сахаром, вьются. Ивану Вакуловичу стало не по себе: этого просто так не уволишь. Но чтобы не показать испуга, сказал властно:

— Уходи, Полоцкий. По-хорошему уходи. А нет — уберу!

— Не имеете права, — с достоинством ответил завскладом.

— Увидишь! — зло выдохнул директор.

И, как ни странно, Полоцкий «увидел». Сначала акт комиссии, проводившей в его отсутствие инвентаризацию склада. Из акта следовало, что заведующий расхитил различных ценностей на 3541 рубль. Потом получил Полоцкий повестку от следователя и узнал, что против него возбуждено уголовное дело.

Несколько месяцев спустя Ващук спросит у арестованного Бебеля:

— На что рассчитывали, затеяв эту грязную историю?

— Не подумал о последствиях, — ответит Иван Вакулович. — Со страху все...

А пока, прекращая дело Полоцкого, следователь располагал разрозненными и подчас противоречивыми сведениями о деятельности некоторых заготовителей овощесушильного завода. Директор оставался в тени.

«А может быть, он к махинациям непричастен? — спрашивал себя Ващук. — Может быть, хотя...» Но вот что «хотя» — этого он и сам не знал. А надо было искать.

И дни напряженного поиска летели один за другим. Трудно приходилось Ващуку — ведь работать надо было очень осторожно, не возбуждая беспокойства Бебеля и тех, кто с ним. Если что — они многое успеют сделать, попытаются замести следы.

Итак, на первых порах объект следствия — документы. Самые разные: закупочные ведомости и цеховые производственные журналы, бухгалтерские книги и путевые листы. Работа, конечно, не веселая: бумаги! Но Ващук знал — надо только уметь их прочитать. А это он умел. Правда, не все сразу понял: кое-что пришлось отложить, чтобы позже прочитать вместе с авторами. Но, как бы там ни было, Ващук уже знал о некоторых махинациях заготовителей...

Закупочная ведомость, заполненная заготовителем, — это универсальный документ, который удостоверяет, что и в каком количестве закуплено, у кого и по какой цене. Здесь же адрес человека, продавшего овощи или фрукты, и, конечно, его подпись. Рассматривает Ващук ведомости заготовителей Николая Меха, Степана Кирилюка, Ивана Маркова, Владимира Шестакова и других.

В разных районах Брестской, Минской и Гродненской областей у разных людей приобретались яблоки, а закупочная цена одинаковая: по 15 копеек за килограмм. Но Ващук знает: той осенью яблок было, как говорится, навалом. На базаре они шли по 8—10 копеек, а в деревнях — и того дешевле. Почему же тогда везде стоит одна цена — 15 копеек? Подобрал ведомости Меха. Из них видно, что у колхозников Барановичского района закуплено шестнадцать тонн яблок. Едет на место и... выясняет: ведомости — сплошная фикция. Указанные Мехом люди либо не существуют вообще, либо никогда яблок ему не продавали. Но зато Ващук узнал другое: как раз в это время заготовитель приобрел за наличный расчет в совхозе «Искра» восемь тонн яблок по 8 копеек за килограмм и еще столько же, но уже по 10 копеек (очевидно, другой сорт). «Выручку» подсчитать было нетрудно: почти 1150 рублей!

Примерно так же действовали Шестаков — в Гродненской области, Марков — в Минской. И хотя проверена была лишь часть ведомостей (на большее не было ни времени, ни людей), стало ясно: заготовители работали, как говорят, по-крупному. Счет шел не на сотни — на тысячи рублей. У следователя уже были основания обратиться к прокурору Владимиру Ивановичу Екименкову за санкцией на арест жуликов. И такую санкцию Ващук получил...

Идет следствие. Ващуку нужно не только собрать сведения о преступниках, нужно еще тактически грамотно распорядиться своими силами и возможностями. Первая возможность: арест преступников. Ващук мысленно ставит себя на место заготовителей, что

очень непросто. Надо хорошо знать образ жизни этих людей, уметь размышлять, оценивать обстановку точно так, как они.

Взять хотя бы Маркова. Образ жизни? Вроде бы ничем особым не примечательный. Дом — полная чаша. Общительный. И еще есть в нем, своеобразная правда, широта натуры: может затащить в ресторан компанию знакомых и, не моргнув, оплатить сотенный счет. Причем такое случалось почти после каждого его возвращения из командировки.

«А почему бы и нет? — рассуждает Ващук. — Съездил удачно: две-три тысячи в кармане. Повод есть...»

Словом, выходит, что хищник этот самый Марков. Хищник хитрый и, конечно же, не трусливый. Он, безусловно, понимает: разоблачат — наказание будет суровым. Значит, самая верная линия поведения после ареста — все отрицать.

Далее — Шестаков. Он из той же породы.

А вот Мех — другое дело. Масштабы, судя по всему, у него поменьше, живет тихо, скромно, пьянок-гулянок не любит. Выходит? Выходит, с него и надо начинать. Начал. Но сразу же понял: ошибся в расчетах.

— Никого я не обманывал, — заявил на первом же допросе Мех. — А если что и было, считайте, по недомыслию или случайно...

Второй допрос, третий. Мех твердо стоит на своем. Никаких показаний не дают и арестованные к тому времени Шестаков, Марков, Хмелевский.

И снова Мех в кабинете следователя. Ващук ни о чем не спрашивает. Говорит только:

— Вот, Николай Иванович, документы. Они свидетельствуют, что по заготовкам прошлого сезона вы положили в карман почти четыре тысячи «левых» рублей. Было!

Мех смотрит на закупочные ведомости, где все подписи сделаны им самим, читает показания людей, у которых якобы закуплены яблоки, и упрямо произносит:

— Не было!..

— Тогда объясните, пожалуйста, откуда деньги, найденные у вас при обыске, — продолжает допрос капитан.

— Откуда? — Мех втянул голову в плечи: ожидал и боялся этого вопроса.

В самом деле, когда, получив санкцию прокурора, сотрудники милиции обыскали дом Меха, они обнаружили в тайнике двенадцать тысяч четыреста пятьдесят рублей и четыре сберегательные книжки на пятнадцать тысяч рублей. Что тут скажешь? Но говорить-то надо.

И Мех говорит: — Я же объяснял, это мои трудовые сбережения...

— Допустим, — соглашается следователь. — Но вот противоречие: из справок, которые мы запросили, видно, что за всю свою трудовую жизнь вы получили заработной платы меньше, чем у вас обнаружено. На что же существовала семья, в которой, кроме вас, еще четверо, а работник один — вы?

— Копили... Жена и мать подрабатывали, — тихо говорит Мех. — Да кроме того, вам известно: книжки принадлежат моим родственникам — Якимчуку и Шарпило...

— Нет, не принадлежат,— жестко отвечает Ващук.— Вот их показания. Читайте.

Прочитал заготовитель и опустил голову.

— Вот что, Николай Иванович. Для суда не так уж и важно ваше признание... Документы, свидетели, крупная сумма денег — все это полностью изобличает вас как преступника. Бессмысленное заpiresательство лишь усугубляет ответственность. Понимаете?

— Понимаю,— устало машет рукой Мех.— Одного только понять не могу: чего вы, гражданин следователь, в меня вцепились? Я же мелкая рыбешка. Но раз дело так оборачивается, скажу, кто крупная. Шестаков да Марков. Это же разбойники с большой дороги! Вот за них бы и брались...

— Это уже сделано...

Удивлен Мех. Не верит. Слышал не однажды, что у «братьев разбойников» такие заступники есть, которые любую беду от них отведут. Выходит, зря хвалились.

Ващук снимает телефонную трубку:

— Прошу доставить арестованного Маркова.

После очной ставки с Марковым, а затем с Шестаковым Мех подтвердил все то, в чем уличали его документы. И не более. То же сделали остальные. А это, честно говоря, было каплей в море. Кроме того, заготовители явно не могли «работать» только на свой страх и риск. Кто-то их прикрывал, кто-то был заинтересован в махинациях. Но кто? Скорее всего, директор завода. Но ни один из них не назвал Бебеля. Повторяли как заученное: «Сами погнались за наживой, сами и отвечать будем...»

Начальник Кобринского райотдела Головки — медлительный в разговоре и движениях полковник и приехавший из республиканского министерства старший следователь майор Хромов внимательно выслушали доклад Ващука.

— Зря переживаете,— успокаивал полковник.— Пока ошибки никакой нет.

— Как же нет, Владимир Степанович? опередили они нас в чем-то. Все словно сговорились: молчат, пока я им документ не представлю. Тогда — чайная ложечка признания.

— Ну что же,— сказал Головки.— Подумаем вместе, как получить больше. Вот и Хромов нам поможет. Соберем оперативников, обсудим ваши предложения...

Обсудили. И помогли: дали людей. Следователи быстро проверили все закупки заготовителей в Брестской и соседних областях. Почти в каждой ведомости — обман, жульничество. Всплыло и другое. На завод привозили сотни тонн яблок, по ведомостям — из дальних мест. В путевых же листах шоферов автоколонны, обслуживавшей завод,— тысячекилометровые пробеги. Приписки? Спросили шоферов.

— Не было приписок — на Украину катали.

— Тогда почему не указаны места поездок?

Незачем: все это отмечено в командировочных удостоверениях. Хватились удостоверений, а их нет: папки сданы в макулатуру. Почему? Ответ один — заметали следы.

Вот ведь как получалось. Здесь, под боком, свои яблоки: деревья буквально ломились от плодов. Колхозы, совхозы, не говоря уж о садоводах-колхозниках, просили: берите по любой цене, только берите!.. А кобринские заготовители гнали тяжелые грузовики в Донецкую, Николаевскую, Винницкую, Кировоградскую области, в Молдавию. Покупали там яблоки по 15—20 копеек за килограмм. Абсурд! Или явное жульничество?

Тогда в Кобринском райотделе началась подлинная командировочная страда. Когда же она закончилась, Головки, Хромову и Ващуку стало не по себе: уж больно много оказалось фактов и документов. А все это надо осмыслить и уложить в лаконичные строки обвинительного заключения за те немногие дни, что остались до крайнего срока следствия, предусмотренного законом!..

Опять работа — документы, экспертизы, допросы, очные ставки — только успевай! Вот несколько цифр. Почерковеды, например, провели экспертизу десяти тысяч подписей — тех, которые, как предполагалось, принадлежали «мертвым душам», — и подтвердили, что сделаны они, как правило, самими заготовителями. Изобличали жуликов и многочисленные бухгалтерские экспертизы, и показания шестисот с лишним свидетелей.

Картина становилась полной. Заготовитель Мех совсем не преувеличивал, называя Маркова и Шестакова разбойниками с большой дороги.

...Золотая осень. Урожай яблок отменный. Заготовителей встречают с распростертыми объятиями: мол, выручайте. И они «выручают».

— Сотни километров везти мне ваши яблоки, отходы будут, — говорит Шестаков председателю очередного украинского колхоза. — Возьму, если дадите скидку...

Дают скидку. Да не положенную по норме, а ту, что назначит заготовитель. Шестаков платит колхозу за четыре тонны, а берет восемь. Марков оформляет документы на девять тонн, вывозит же двадцать! Но и это не все. При содействии бригадира колхоза «Украина» Онуфрийчука (Ямпольский район Винницкой области), конечно же не безвозмездном, Марков даже похищает двадцать шесть тонн яблок. Есть такой же «помощник» и у Шестакова — Процьк, бригадир колхоза той же области. Все ворованное, разумеется, они вносят в закупочные ведомости... «Вступив в преступную связь с руководителями сельпо Млыновского района Ровенской области Додиком и Власюком, — записано в обвинительном заключении, — Шестаков сдал им закупленные у колхозников яблоки с превышением их действительной стоимости. Из операции преступники извлекли для себя наживу в сумме 2038 рублей».

И сколько было таких эпизодов у Маркова и Шестакова, у Хмельевского и Меха, у Кирилюка и других! Одно только перечисление занимает в приговоре семьдесят машинописных страниц...

Следствие приближалось к концу. Теперь арестованные уже не юлили: слишком очевидными были факты. Наконец Николай Мех на очередном допросе сказал:

— Вот вы, гражданин следователь, как заправский бухгалтер, подсчитали все наши «левые» доходы. А ведь были и расходы. Причем немалые!..

Действительно, расходы были. И главный расход — взятки. Самые крупные — директору завода Бебелю, поменьше — начальнику отдела эксплуатации кобринской автоколонны Минчину...

Теперь Ващук мог даже графически изобразить систему жульнических операций на овощесушильном заводе. Внизу — заготовители. Не все, конечно, самые близкие — девять человек. От них стрелки в двух направлениях: пунктиром — к Минчину, жирной линией — к Бебелю, на котором они и «замыкались», хапуги. Обвинительное заключение наконец составлено, утверждено прокурором. Вскоре состоялся суд.

«...Подсудимому Бебелю, — сказано в приговоре, — вменено в вину, что он с подсудимыми Марковым, Шестаковым, Мехом и другими является участником хищения государственных средств на общую сумму 64 428 рублей... В виде взяток Бебель получил от заготовителей из похищенных ими сумм 2890 рублей. На его угощение ими же израсходовано 1040 рублей».

Минчин распоряжался грузовыми машинами. Заготовители понимали, что от него зависит многое. И, как установил суд, они передали Минчину «в виде взяток 2325 рублей».

Начальника отдела эксплуатации на преступный путь толкнул Бебель: ему нужен был такой подручный. Для чего? Ващук и его товарищи еще раньше задались таким вопросом. Потом и другим: для чего, собственно, Бебель, пожилой уже человек, руководитель, вообще пошел на преступление? Ведь зарабатывал хорошо, ни в чем вроде не нуждался. А причина была одна: стяжательская натура Ивана Вакуловича. Захотелось под старость нахапать побольше, чтоб на любую прихоть хватило, чтобы дочерям, даже внукам, если появятся, осталось... Вот и поставил он на службу утоления своей жажды целый овощесушильный завод. Пусть украл Бебель меньше, чем иной заготовитель, но зато он морально опустошал людей, делая их преступниками.

...Прослышал рабочий человек Иван Пилипчук, что заготовители на овощесушильном заводе неплохо зарабатывают. Решил тоже туда податься. Оформился, собрался в дорогу на заготовки, а ему под отчет всего 300 рублей дали.

— Что на них купишь? — пожаловался он знакомому заготовителю Хмелевскому.

— Плохо твоя голова соображает. Как считаешь, директору жить надо? — ответил тот, посмеиваясь. — Факт, надо. Так ты ему помощи, деньгами поделись. Расход твой и окупится...

Очень смущался Пилипчук, когда совал Бебелю полусотенную бумажку. А директор — ничего: благосклонно принял и распорядился выдать новичку еще полторы тысячи. Окрыленный заготовитель направился в автоколонну к Минчину:

— Мне бы машину, Валентин Леонидович, на заготовки вот еду...

— Сожалею, — развел руками Минчин, — но помочь не могу: в ближайшие неделю-две свободных машин не будет...

Вспомнил Пилипчук разговор с «наставником». И нашлась десятитонная «Колхида», как только Пилипчук вручил начальнику отдела эксплуатации двадцать рублей «на прожитие»...

А дальше все пошло как по маслу. И даже лучше. Как-то в ноябре привез Пилипчук яблоки. Брал по двенадцать копеек, в ведомости, как водится, поставил пятнадцать.

— Просчет у тебя,— поучал директор.— Сейчас они вполне могут идти на пятак дорожке.

Прислушался к совету. Исправил в ведомости. Сразу четыреста рублей набежало. Из них сто Бебелю за заботу...

И вот так должен был поступать каждый из «доверенных» заготовителей. Иначе — ни денег, ни автомашины, ни благосклонности при оформлении привезенного (когда — закупленного, а когда и просто украденного).

«Но люди-то вокруг не слепые?» — может спросить читатель. К сожалению, многие, очень многие из них рассуждали: «Моя хата с краю», — и молчали. А кое-кто даже думал: «А чем я хуже?» Посетила такая мысль инспектора по заготовкам Ивана Хейло. Примерившись, он установил таксу: с каждой тысячи, выданной заготовителю, десятка — ему. И никто не возразил, все давали!.. «Чем я хуже?» — рассудила старший мастер Капитолина Балахнина. И вместе с Шестаковым и Хмелевским составила фиктивные ведомости на закупленные фрукты. Положила в карман около тысячи рублей...

Почти везде, где появлялись посланцы Бебеля, оставляли они грязный след в душах людей, делали их соучастниками своих махинаций. Больше того, «делая план» заводу, Бебель и иже с ним наносили убытки близлежащим хозяйствам, у которых специально не покупали яблок.

Во время судебного процесса капитан Ващук разговаривал с председателем одного из колхозов Гродненской области А. Демидовым.

— Как можно было допускать такое! — возмущался председатель.— Каждую осень мы буквально задыхаемся от яблок. А заготовители у нас их не брали. Выходит, не выгодно им было...

Да, не выгодно. На закупке вблизи от завода много ли зарабатываешь? Другое дело — дальние места: свою цену в ведомости проставить можно, надбавку к весу получить, да еще и украсть. А то, что такие «вояжи» снижали заводскую прибыль и заработки рабочих — разве Бебеля это волновало? Конечно, нет. Ведь только при подобной преступной организации заготовок он мог иметь постоянный и солидный личный «доход». И Минчин. И каждый из махинаторов-заготовителей. Вот для этого и был создан директором завода отлаженный механизм жульничества и воровства. И еще — растления человеческих душ. Именно на последнее и обращал внимание судей государственный обвинитель Э. Гаро.

— Сидящие на скамье подсудимых — не просто жулики,— говорил он,— это люди, причинившие обществу своими действиями, своим, если хотите, образом жизни огромный моральный ущерб, возместить который будет куда труднее, чем материальный. А возместить надо. И чем скорее, тем лучше...

Моральный ущерб — понятие очень емкое, очень сложное. И в данном случае речь идет не только и даже не столько о вовлеченных в преступление, а о тех, кто что-то знал, о чем-то догадывался и, видя безнаказанность расхитителей, мог усомниться в справедливости. А сколько было таких! Молодых колхозников и рабочих сов-

хозов, юношей и девушек, жителей Кобрина. Вполне возможно, что кто-то из них в душе позавидовал «широкой» жизни удальцов-заготовителей. Зачем работать на заводе или в поле, не лучше ли, как те, разъезжать по районам и областям, а потом, как говорится, счета деньгам не знать? Речь идет, наконец, и о тех, кто по положению своему, по долгу службы обязан был вмешаться, но не вмешался. Правда, потом это им дорого обошлось.

После судебного процесса во всех колхозах и совхозах, где промышляли заготовители, на предприятиях и в учреждениях Кобринского района прошли собрания. На них люди не только осуждали расхитителей. Состоялся нелюбезный разговор о личной ответственности каждого человека за сохранность народного добра. И хочется верить, что теперь хапугам (если такие объявятся) будут закрыты лазейки для махинаций. Тем более что местные органы прокуратуры и внутренних дел взяли под особый контроль исполнение законов об охране социалистической собственности, государственной и финансовой дисциплины.

...Давно закончилось «Кобринское дело». Брестский областной суд приговорил бывшего директора к восьми годам лишения свободы. Получили свое и его соучастники. И у Василя Ващука, теперь, наверное, другие заботы. Но кто знает, быть может, иногда он и задумывается о том, что снова придет весна, опять зацветут сады в Белоруссии и на Украине. Будут ли готовы те, кому положено, принять новый урожай?

Добавим от себя: крепко об этом надо думать! Во-первых, для того, чтобы тысячи тонн наливных яблок — результаты нелегкого крестьянского труда — приносили людям радость. А во-вторых — чтобы не объявился где-нибудь новый «бебель» со своими, как говорил тот, кобринский, удальцами. Об этом надо думать заранее. Еще до того, как зацветут бело-розовым цветом красавицы яблони..

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

**НОВОЕ
в законодательстве**

Для сохранения валютных ценностей

Указы Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года «О сделках с валютными ценностями на территории СССР» и «Об ответственности за незаконные операции с иностранной валютой и платежными документами» направлены на укрепление социалистической экономики.

Советское валютное законодательство регулирует исключительно важную сферу экономических отношений, связанных с накоплением и оборотом золота, других драгоценных металлов, драгоценных камней, иностранной валюты (банкнот, казначейских билетов, монет), а также платежных документов и фондовых ценностей в иностранной валюте. Валютные резервы и совокупная товарная масса, сосредоточенные в руках Советского государства, обеспечивают устойчивость советских денег как в обращении внутри страны, так и на внешнем рынке. Особое значение приобретает здесь золото — основа денежной системы. В наши дни золотое содержание советского рубля составляет 0,987412 грамма этого драгоценного металла. Кроме того, экономическое значение

накопленных золотых ресурсов определяется тем, что с их помощью Советское государство получает возможность регулировать платежные балансы со странами капиталистического мира. В интересах дальнейшего развития народного хозяйства и повышения благосостояния трудящихся резервы иностранной валюты и золото рационально используются Советским государством для приобретения на мировом капиталистическом рынке отдельных видов более дешевого сырья, машин, оборудования, товаров широкого потребления.

Как известно, В. И. Ленин придавал бережливому отношению к золоту, наиболее экономически выгодному его использованию на международном торгово-финансовом рынке особое значение. Он писал: «...Беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле». Указание В. И. Ленина об особо бережливом отношении к золоту сохраняет свою силу и сейчас.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года «О сделках с валютными ценностями на территории СССР» еще раз напоми-

нает о режиме валютной монополии, сущность которой состоит в том, что только Советскому государству в лице его компетентных органов принадлежит исключительное право совершать сделки с валютными ценностями и сосредоточивать в своих руках все валютные резервы. Указ устанавливает, что все операции по покупке у организаций и граждан на территории СССР, а также по продаже им валютных ценностей — исключительное право Госбанка СССР. Другие организации, например Внешторгбанк СССР, могут совершать такие операции по специальному поручению Госбанка СССР.

Это правило не распространяется на операции по скупке драгоценных металлов и драгоценных камней (например, у отдельных граждан — старателей) предприятиями золотоплатиновой и алмазной промышленности, на операции Министерства финансов СССР с драгоценными металлами и драгоценными камнями и на внешнеторговые сделки, а также на сделки купли-продажи, обмена и дарения единичных монет. В последнем случае Указ допускает заключение между отдельными гражданами (например, нумизматами) гражданско-правовых сделок в целях коллекционирования единичных экземпляров монет, являющихся валютной ценностью, но при строгом соблюдении порядка, устанавливаемого Министерством культуры СССР по согласованию с Министерством финансов СССР. Новый Указ дал исчерпывающий перечень предметов, относящихся к валютным ценностям, на которые распространяется режим государственной валютной

монополии. К ним относятся: иностранная валюта (банкноты, казначейские билеты, монеты);

платежные документы (чеки, векселя, аккредитивы и другие) и фондовые ценности (акции, облигации и другие) в иностранной валюте;

банковские платежные документы в рублях (чеки и другие), приобретенные за иностранную валюту с правом обращения их в такую валюту; драгоценные металлы — золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий) в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий из этих металлов и лома таких изделий;

природные драгоценные камни в сыром и обработанном виде (алмазы, бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры), а также жемчуг, за исключением ювелирных и других бытовых изделий из этих камней и лома таких изделий. Здесь может возникнуть вопрос: а ведь в специальной литературе к драгоценным камням относятся также александрит, хризоберилл, благородная шпинель, эвклаз, топаз и берилл. Распространяется ли на них государственная валютная монополия? Нет, не распространяется. Все эти камни, не представляющие валютной ценности, могут быть предметом любых сделок, предусмотренных советским гражданским законодательством.

Запрещая любые сделки с валютными ценностями между гражданами, Указ допускает исключение лишь в отношении дарения валютных ценностей ближайшим родственникам и

близким: супругу, детям, родителям, внукам, деду, бабушке, родным братьям и сестрам,— а также завещания валютных ценностей и приобретения их по праву наследования. При этом дарение валютных ценностей на сумму свыше пятидесяти рублей подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Дарение таких ценностей иным, кроме перечисленных выше, лицам, например опекуну, двоюродному брату, племяннику, допускается только с разрешения Министерства финансов СССР.

Указ регламентирует порядок производства и приема платежей в иностранной валюте и иными валютными ценностями на территории СССР, устанавливая, в частности, что они могут использоваться при оплате товаров и услуг в специализированных магазинах и других организациях, которым предоставлено право принимать платежи в иностранной валюте и иными валютными ценностями.

Сделки с валютными ценностями, не соответствующие требованиям Указа, признаются недействительными, а скупка, продажа и обмен валютных ценностей либо использование их в качестве средства платежа, совершенные в нарушение правил обращения валютных ценностей, влекут за собой административную или уголовную ответственность в зависимости от характера правонарушения и степени его общественной опасности.

Административная ответственность предусмотрена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года «Об ответственности за незаконные операции с ино-

странной валютой и платежными документами». Статья 1 устанавливает, что незаконные скупка, продажа, обмен или использование в качестве средства платежа в небольших размерах иностранной валюты, платежных документов в иностранной валюте или банковских платежных документов в рублях, приобретаемых за иностранную валюту с правом обращения их в такую валюту, влекут за собой штраф в размере до пятидесяти рублей с конфискацией валюты и платежных документов. Указ в статье 2 устанавливает административную ответственность в виде штрафа в размере до пятидесяти рублей с конфискацией предмета правонарушения только за незаконную продажу платежных документов в рублях, приобретаемых за иностранную валюту, но без права обращения их в такую валюту, если деяние виновного не имеет признаков спекуляции. Поэтому скупка и перепродажа таких предметов с целью наживы в зависимости от обстоятельств дела рассматриваются либо как административный проступок, либо как преступление, ответственность за которое предусмотрена уголовными кодексами союзных республик. Мелкая спекуляция, например, может быть наказана арестом на срок от 3 до 15 суток или штрафом до пятидесяти рублей с конфискацией платежных документов. Материалы о мелкой спекуляции рассматриваются народным судьей единолично в течение трех суток после поступления их в суд из органов милиции.

В случаях незаконных операций с иностранной валютой и платежными документами

Указ от 30 ноября 1976 года предусматривает иной порядок рассмотрения материалов. Материалы о нарушениях, предусмотренных статьей 1 Указа, рассматриваются, и решения по ним принимаются в течение суток начальником органа внутренних дел или его заместителем, которые с учетом личности нарушителя и характера проступка могут вместо привлечения виновного к административной ответственности направить материалы в общественную организацию, коллектив трудящихся или товарищеский суд для применения мер общественного воздействия. О мерах, принятых к нарушителю, администрация и общественная организация обязаны в десятидневный срок сообщить органу внутренних дел.

Материалы о нарушениях, предусмотренных статьей 2 Указа, рассматриваются административными комиссиями при исполнительных комитетах районных, городских Советов депутатов трудящихся.

В постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 года «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 г. «Об ответственности за незаконные операции с иностранной валютой и платежными документами» разъясняется, что небольшим размером иностранной валюты или банковских платежных документов в рублях, приобретаемых за иностранную валюту с правом обращения их в такую валюту, следует считать стоимость предмета незаконной сделки, не превышающую двадцати пяти рублей. Стоимость иностранной валюты и платежных

документов в иностранной валюте определяется при этом по официальному курсу Госбанка СССР. Валютный курс представляет собой определенное соотношение между советским рублем и различными иностранными валютами, при котором цена денежных единиц других государств выражается в советском рубле. В Советском Союзе при установлении курса применяется метод, при котором цена единицы или определенного количества единиц (1, 100, 1000) иностранной валюты выражается в советских копейках и рублях, например 100 марок ФРГ по курсу на февраль 1977 года были равны 30,86 рубля. Курсы валют публикуются в курсовом бюллетене, издаваемом Госбанком СССР. Поскольку официальный курс может меняться в связи с уменьшением или увеличением отношения между валютами в зависимости от их золотого содержания, установленного законом, размер незаконной валютной сделки должен определяться по курсу Госбанка СССР, действовавшему в момент совершения правонарушения, а не в момент рассмотрения материалов о нем.

Вместе с тем за наиболее опасные посягательства на государственную валютную монополию советское уголовное законодательство устанавливает строгую ответственность, рассматривая их как государственное преступление. Уголовные кодексы союзных республик предусматривают ответственность за нарушение правил о валютных операциях, а также за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами. Это преступление по закону наказывается лишением сво-

боды на срок от трех до восьми лет с обязательной конфискацией валютных ценностей и ценных бумаг и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки. Одновременно суд может применить конфискацию и другого имущества.

За спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами в виде промысла или в крупных размерах, а равно за нарушение правил о валютных операциях лицом, ранее осуж-

денным за эти же преступления, предусмотрена смертная казнь или лишение свободы на срок до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки.

Столь суровые меры наказания свидетельствуют об исключительной важности валютных интересов Советского государства, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств.

Ю. ЛЯПУНОВ,
доктор юридических наук

наши консультации

Признание гражданина безвестно отсутствующим или объявление умершим

Бывает, что человек долгое время отсутствует там, где он постоянно проживал, и место его пребывания неизвестно. Это затрудняет либо делает невозможной защиту прав и законных интересов других лиц, в частности получение ими некоторых льгот. От длительной неопределенности в правоотношениях личного и имущественного характера страдают интересы как граждан, так и государства. Поэтому закон предусмотрел возможность устранения такой неопределенности. Гражданин может быть признан безвестно отсутствующим или объявлен умершим в судебном порядке.

Человека могут признать безвестно отсутствующим, если в течение года в месте его постоянного жительства нет сведений о месте его пребывания. Началом безвестного отсутствия гражданина считается день получения последних сведений о нем, если же этот день установить невозможно — первое число месяца, следующего, за тем, в котором были получены последние сведения об отсутствующем, а при невозможности установить этот месяц — первое января следующего года.

Человек может быть объявлен умершим, если в месте его постоянного жительства нет сведений о месте его пребывания в течение трех лет, а если

он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая,— в течение шести месяцев. Военнослужащего или другого гражданина, пропавшего без вести в связи с военными действиями, можно объявить умершим не ранее, чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий.

Днем смерти человека, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим. В случае объявления умершим гражданина, пропавшего без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, суд может признать днем смерти день его предполагаемой гибели.

Заявление о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении умершим подается в районный, городской народный суд по месту жительства заявителя.

В заявлении должно быть указано, для чего конкретно необходимо решение суда о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении умершим. Например, Н. Тимофеева обратилась в суд с просьбой признать безвестно отсутствующим ее супруга, о котором ей ничего неизвестно в течение пяти лет (розыск положительных результатов не дал). Она указала, что это необходимо ей для вступления в новый брак. А. Кириллова подала в суд заявление, в котором просила объявить умершим мужа, пропавшего без вести во время Великой Отечественной

войны. Такое решение нужно было ей для того, чтобы вступить в право наследования. Могут быть и другие правовые цели: необходимость решить вопрос о назначении пенсии по случаю потери кормильца, списать задолженность, числящуюся за безвестно отсутствующим, и тому подобное.

С заявлением о признании безвестно отсутствующим или объявлении умершим могут обращаться не только граждане, но и государственные учреждения, предприятия, кооперативные и общественные организации, а также прокурор.

В заявлении необходимо изложить и обстоятельства, подтверждающие безвестное отсутствие гражданина либо угрожавшие пропавшему без вести смертью или дающие основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая.

При подаче заявления уплачивается государственная пошлина в размере 30 копеек.

Приняв заявление, судья подготавливает материалы к разбирательству: выясняет, кто может дать сведения о безвестно отсутствующем, определяет круг лиц и организаций, заинтересованных в разрешении дела (наследники, органы социального обеспечения, финансовые органы и так далее) и привлекает их к участию в процессе.

Учитывая важность такого рода дел, закон предусмотрел обязательное участие прокурора в их рассмотрении.

Если рассматривается дело об объявлении умершим гражданина по истечении шести месяцев со дня, когда он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или даю-

щих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая,— заявитель должен доказать, что такие обстоятельства действительно были. Это, например, наводнение, землетрясение, обвал, автомобильная катастрофа, крушение поезда. Необходимо также установить, что гражданин находился там, где произошло стихийное бедствие или несчастный случай, и есть основания предполагать его гибель в связи с этими обстоятельствами.

Доказательствами по делам о признании безвестно отсутствующим или объявлении умершим могут служить письма, ответы адресных бюро, материалы розыска, проводимого милицией, сведения различных учреждений и организаций (домов престарелых, больниц, домоуправлений), акты о несчастных случаях, дорожных происшествиях, данные метеосводок и другие письменные материалы. Суд заслушивает также объяснения заявителей и заинтересованных лиц, свидетельские показания.

Решение суда, которым гражданин признается безвестно отсутствующим или объявляется умершим, имеет важные правовые последствия. Так, супруг безвестно отсутствующего лица вправе в одностороннем порядке расторгнуть брак в органах загса; брак с лицом, объявленным умершим, считается прекращенным; дети родителей, признанных безвестно отсутствующими, могут быть усыновлены без согласия родителей; наследники лица, объявленно-

го умершим, вправе получить наследство; иждивенцам граждан, признанных безвестно отсутствующими или объявленными умершими, может быть назначена пенсия по случаю потери кормильца и так далее.

Над имуществом лица, признанного безвестно отсутствующим, на основании решения суда устанавливается опека. Из этого имущества выдается содержание гражданам, которых безвестно отсутствующий по закону обязан содержать, и погашается задолженность по другим его обязательствам.

В случае явки или обнаружения местопребывания гражданина, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим, суд отменяет ранее вынесенное решение. Это также влечет определенные последствия. В случае отмены решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим отменяется опека над его имуществом. Независимо от времени явки гражданина, объявленного ранее умершим, он может потребовать от любого лица возврата сохранившегося имущества, которое безвозмездно перешло к этому лицу после объявления гражданина умершим. Если лицо, приобретая имущество гражданина, объявленного умершим, знало о том, что этот гражданин жив, то оно также обязано возвратить имущество, оставшееся у него, явившемуся гражданину.

В органе загса аннулируется запись о смерти явившегося гражданина, ранее объявленного умершим.

Ю. ПОПОВА,
старший преподаватель
Кубанского государственного
университета

**Читатель
на приеме
у юриста**

Е. Белова из Мордовской АССР спрашивает, предоставляется ли семьям, члены которых служат в Советской Армии, льгота по сельскохозяйственному налогу.

В соответствии со статьей 14 Закона о сельскохозяйственном налоге от уплаты этого налога освобождаются хозяйства колхозников и хозяйства не членов колхоза, член семьи которых, числящийся в составе хозяйства, находится на действительной службе в Советской Армии, Военно-Морском Флоте или в пограничных и внутренних войсках, если в семье не осталось других трудоспособных, кроме жены

или матери военнослужащего, имеющей детей в возрасте до 8 лет. От уплаты налога освобождаются также семьи военнослужащих, в которых остались только нетрудоспособные.

К числу нетрудоспособных при предоставлении этой льготы относятся: инвалиды I и II группы; иные лица, не могущие по состоянию здоровья принимать участие в полевых и других работах; мужчины, достигшие 60 лет, и женщины — 55 лет; дети до 16 лет, достигшие этого возраста в текущем календарном году, а также учащиеся учебных заведений со сроком обучения не менее года, которым к началу текущего года исполнилось 16 лет.

Данная льгота предоставляется независимо от того, находятся ли члены семьи — военнослужащие на срочной или сверхсрочной службе, являются ли они прапорщиками, мичманами или офицерами. Льгота распространяется и на хозяйства, в состав которых входят лица, проходящие службу в военно-строительных отрядах, офицеры и сержанты органов Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. Лицам рядового и начальствующего состава органов Министерства внутренних дел СССР указанная льгота не предоставляется.

Если семье военнослужащего положена льгота по сельскохозяйственному налогу, то она предоставляется местными финансовыми органами по предъявлении удостоверения на право получения льгот, выдаваемого военнослужащим командирами воинских частей, начальниками военных учреждений, заведений и организаций. Семьи лиц, вновь призванных на военную службу (если такое удостоверение еще не получено), предъявляют соответствующую справку военного комиссариата или исполкома местного Совета депутатов трудящихся.

Удостоверения на право получения военнослужащими и их семьями льгот, предусмотренных законодательством, выдаются: военнослужащим срочной и сверхсрочной службы, прапорщикам и мичманам — один раз на весь срок прохождения службы, в течение месяца со дня зачисления их в списки личного состава части (учреж-

дения, заведения); курсантам (слушателям) военно-учебных заведений — один раз на весь период обучения в военно-учебном заведении; офицерам — по их запросу, сроком на три года. В случае досрочного увольнения в запас военнослужащего, получившего удостоверение на право получения льгот, командование части (учреждения, заведения) высылает об этом извещение районному (городскому) военному комиссариату по месту жительства военнослужащего или его семьи.

В. ВАНДЫШЕВ,
полковник юстиции

М. Новожилов
из Пензенской области
просит разъяснить,
имеет ли право член
жилищно-строительного
кооператива обменять
квартиру, занимаемую
им в доме ЖСК.

Обмен жилых помещений определен гражданскими кодексами союзных республик и инструкциями министерств жилищно-коммунального хозяйства союзных республик.

В жилищно-строительной кооперации член кооператива имеет право производить с разрешения исполкома местного Совета депутатов трудящихся обмен занимаемого им жилого

помещения на другую жилую площадь при условии приема в члены кооператива лица, обменивающего жилую площадь. Обмен жилого помещения, являющегося личной собственностью, на кооперативную квартиру не разрешается.

При обмене кооперативной жилой площади на другую площадь в доме кооператива равные суммы паенакоплений взаимно передаются. Разница в паенакоплениях должна быть внесена вновь принятым в соответствующий кооператив, а выбывающим получена от кооператива. При обмене жилой площади лица, принимаемые в члены кооператива, должны отвечать требованиям, изложенным в Уставе ЖСК, кроме требований о постоянном проживании в данной местности.

Член кооператива вправе не только пользоваться со своей семьей предоставленной ему жилой площадью или обменять ее, но и сдать ее полностью или частично внаем с согласия правления кооператива. Размер платы за жилое помещение, сдаваемое внаем в доме ЖСК, не может превышать взимаемой с самого члена кооператива суммы, необходимой для покрытия эксплуатационных расходов, которые пропорционально падают на сдаваемое жилое помещение.

С. РОЗАНЦЕВ

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

Купив несколько килограммов сахарного песка, О. И. Волкова, проживающая в поселке Тары-Вары Татарской АССР, заварила двадцать литров браги. Флягу с брагой спрятала дома подальше от посторонних глаз.

Однако продукт незаконного изготовления был обнаружен работником милиции и представителем общественности. На вопрос, что за жидкость она хранила во фляге, Волкова вначале ответила, что это изготовленная для поминок брага. А в суде, куда были переданы материалы дела, она стала утверждать, что это был квас. Но уйти от наказания ей не удалось.

Октябрьский районный народный суд Татарской АССР, выяснив все обстоятельства, признал Волкову виновной в незаконном изготовлении и хранении без цели сбыта крепкого спиртного напитка домашней выработки, каким считается брага. Наказание за это преступление предусмотрено частью первой статьи 158 УК РСФСР в виде лишения свободы на срок до одного года, или исправительных работ на тот же срок, или штрафа до трехсот рублей. При определении наказания суд учел, что преступление это Волкова совершила впервые, ранее не судима, имеет детей, и приговорил ее к штрафу в размере пятидесяти рублей.

Проживающий в г. Казани Р. Талипов в нетрезвом виде пошел в городской тир. Он купил две пульки и, зарядив пневматическое ружье, прицелился было в мишень, но затем передумал. Обыкновенная мишень с зайчиком или с кукушкой ему показалась не заслуживающей внимания. Повернув ствол в другую сторону, он выстрелил в проходившую мимо женщину и попал ей в бедро. Потерпевшая и ее спутница сделали Талипову замечание. Но вместо того, чтобы остановиться, Талипов перезарядил ружье и вторично выстрелил женщине в ногу, после чего обругал ее нецензурными словами. По заключению судебно-медицинской экспертизы, потерпевшей были причинены легкие телесные повреждения. Однако следователь, а затем и народный суд Московского района г. Казани, куда было направлено дело, нашли, что Р. Талипов совершил хулиганство. Признав Талипова виновным в преступлении, предусмотренном частью третьей статьи 206 УК РСФСР, народный суд приговорил Талипова к трем годам лишения свободы. Как выяснилось, он был ранее судим за хулиганство и, не отбыв наказания в виде исправительных работ, совершил новое преступление. Суд к назначенной ему мере наказания присоединил и неотбытую часть, заменив исправительные работы лишением свободы из расчета один день лишения свободы — три дня исправительных работ.

**В. НОВИКОВ,
А. ТРОФИМОВ**

НЕПРИКОСНОВЕННОЕ БОГАТСТВО

Сохранение и умножение духовного богатства народа всегда было предметом особого внимания и заботы Коммунистической партии и Советского государства. Новое свидетельство этого неослабного внимания — принятый на пятой сессии Верховного Совета СССР закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Памятники истории и культуры народов СССР, — говорится в законе, — составляют неотъемлемую часть мирового культурного наследия. В них запечатлена политическая, государственная, производственная жизнь и культура прошлых поколений. Памятники истории и культуры используются как важное средство культурно-воспитательной работы, служат целям науки, просвещения, патриотического, интернационального и эстетического воспитания трудящихся.

Советский народ — не только достойный преемник духовных богатств, выработанных человечеством, но и создатель качественно новой социалистической многонациональной культуры. Мы по праву гордимся выдающимися произведениями нашей литературы, кинематографа, театра, других видов искусства, получившими всенародное признание. Оценивая их огромную роль и значение в жизни нашего общества, Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде партии сказал: «Талантливое произведение литературы или искусства — это национальное достояние. Мы хорошо знаем, что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его тревожениях и свершениях».

Формирование гармоничной, всесторонне развитой личности является неотъемлемой частью строительства новой жизни, общена-

родным, политическим делом. XXV съезд КПСС поставил задачу «обеспечить дальнейшее повышение роли социалистической культуры и искусства в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании советских людей, формировании их духовных запросов... Улучшать работу музеев, охрану и пропаганду памятников истории и культуры».

Как видим, охрана и пропаганда памятников истории и культуры рассматривается как одно из условий дальнейшего культурного строительства. Это обстоятельство приобретает особый смысл, если попытаться рассмотреть его в историческом плане. Любая культура и искусство возникают и развиваются не на голом месте. Пример тому — история советского многонационального искусства. Какое же значение имело в этом процессе культурное наследие прошлого?

С первых же дней существования Советской власти проблема культурного наследия стала одной из острейших в идеологической борьбе Коммунистической партии с разного рода нигилистами и вульгаризаторами марксизма. Что можно взять из прошлого, а от чего отказаться? От правильного решения этого вопроса во многом зависел успех построения нового общества.

Призывы разрушить «старую» культуру были в те годы весьма распространенными. Они исходили как от представителей различных модернистских группировок, так и от тех, кто выдавал себя за «полпредов подлинно пролетарского искусства», — пролеткультовцев.

Отметим, что еще в дореволюционной России в начале века возникает ряд группировок (футуристы, кубисты, беспредметники и так далее), объединяющих космополитически настроенные элементы. Именно они, используя всякую возможность публичного выступления и прессу, которая к 1910 году в значительной мере была в руках зарубежных банкирских домов, возглашали миру о небывалых открытиях, сделанных ими в искусстве, о том, что только их творчество можно считать прогрессивным, что старую культуру пора выбросить за борт истории.

В первые годы после Октябрьской революции, открывшей трудящимся небывалые возможности для приобщения к культуре и искусству, лидеры левацких группировок добились господствующего положения в культурной жизни молодой Советской страны. Некоторые из них: Д. Штеренберг, Н. Альтман, Н. Пунин, К. Малевич и другие заняли ответственные посты в отделе изобразительных искусств Наркомпроса; в их руках оказались специальные органы печати, художественные учебные заведения.

В своей программе создания нового искусства они пропагандировали откровенный формализм, отрыв искусства от жизни. Художники-реалисты объявлялись «подражателями», «старьевщиками», а реализм — синонимом бездарности. И особенно активно велась провокационная, подстрекательская работа, направленная на разрушение культурного наследия прошлого. «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы — как не мечтать об этом новому художнику, пролетарскому художнику, новому человеку», — провозглашал левацкий идеолог Н. Пунин, формулировавший кредо ниспровергателей.

Преследовалось и шельмовалось русское национальное искусство, обвиняемое в провинциализме, полном отсутствии самостоятель-

ности, самобытности, в подражательстве западным образцам (А. Эфрос. «Революционное искусство Запада», «Прожектор», 1926, № 11). Насмешки и клевета раздавались не только в отношении русского искусства, но и всего русского народа, представителей его культуры (Э. Голлербах, «В мастерской Б. М. Кустодиева». «Прожектор», 1926, № 7).

И эта разнузданная кампания не была только лишь несерьезной мальчишеской болтовней, как это пытаются представить некоторые современные искусствоведы, и в частности Г. Недошивин в работе «Теоретические проблемы современного изобразительного искусства». Она сопровождалась конкретными действиями, причинившими огромный ущерб советской культуре.

Серьезный урон был нанесен подготовке новых творческих кадров. В Свободных художественных мастерских, организованных вместо ликвидированной Академии художеств, лихорадочно осуществлялся принцип «За борт с парохода современности!» Летели из окон образцы античной и русской скульптуры, уничтожались, резались на части полотна мастеров живописи. Само слово «Академия» употреблялось только в ругательном смысле. Известный художник А. Рылов так описал принципы набора учащихся и организации преподавания: «В широко распахнутые двери Свободных мастерских вошло много такого народа, который раньше и не думал об искусстве, а под званием студента высшего учебного заведения укрывался от трудовой и воинской повинности и пользовался другими льготами...

В мастерской Татлина вместо мольбертов, палитр, кистей находились наковальня, верстак, слесарный станок и соответствующие инструменты. Там строили композиции из различных материалов: дерева, железа, слюды, мочалы, соединяя их между собой, не задумываясь над смыслом... В мастерской профессора Альтмана преподавалась плоскостная живопись без светотени, с различной фактурой: в краску прибавляли песок, крупу или сглаживали поверхность. Писали натюрморты с нарочито кривыми кувшинами, тарелками и горшками. В мастерской футуриста Пуни на холст наклеивали кусочки газеты, веревочки, деревянные палочки и прочее, не знаю, с какой целью».

Естественно, что подобная «преподавательская деятельность» не только развращала молодежь, она отрицательно воздействовала на весь процесс развития советского искусства.

В соответствии с теориями о непригодности «старой» культуры, чуждой якобы духу пролетариата, активно внедрял модернизм в художественную жизнь и Пролеткульт. Его идеологи утверждали, что культура каждого класса обособлена, замкнута и недоступна для понимания другими классами. Деятели Пролеткульта пытались создать особую пролетарскую культуру, свободную от классовых примесей, от влияний прошлой культуры.

В борьбе с модернистами-ниспровергателями всех мастей решающее значение имела разработанная В. И. Лениным теория культурной революции, положения которой стали руководящей основой деятельности Коммунистической партии по созданию подлинно народной советской многонациональной культуры.

Раскрывая значение духовных богатств человечества в становлении и развитии социалистического общества, его новой культуры и

искусства, Ленин указывал: «Нужно взять всю культуру, которую капиталисты оставили, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не сможем...» При этом Ленин четко разграничивал две национальные культуры внутри каждой культуры — культуру народную, демократическую и культуру эксплуататорских классов. На конкретных примерах разъяснял он принципы партийного, классового подхода к освоению культурного наследия.

Следуя ленинским идеям, партия повела решительную борьбу с ниспровергателями. В целях сохранения памятников истории и культуры, использования их в деле строительства нового общества был издан ряд декретов, послуживших основой для формирования государственной системы охраны культурного наследия. В центре и на местах создавались органы охраны памятников, началась работа по выявлению, учету и реставрации памятников искусства и старины, принимались меры против их хищения, вывоза за границу. Проводилась национализация старых музеев и создавались новые.

Среди мероприятий партии и правительства в области строительства новой культуры особое место занял ленинский план монументальной пропаганды, важнейшей частью которого было возведение памятников выдающимся революционерам, деятелям науки и культуры. Одновременно велась серьезная работа по разоблачению и ликвидации левацких группировок, объединению всех мыслящих, передовых, патриотически настроенных деятелей культуры для строительства нового общества, новой культуры. Итоги этой деятельности нашли отражение в известном постановлении Центрального Комитета партии от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций».

Меры, принятые партией по оздоровлению художественной жизни, способствовали бурному прогрессу советской культуры и искусства. Всенародное признание получило творчество таких художников, как Греков, Корин, Ряжский, Иогансон, Пименов, Коненков, Верейский, Дейнека, Мухина, и других, ставших классиками советского искусства. Выставки 30-х годов «XV лет РККА», «XX лет РККА», «XX лет ВЛКСМ», «Индустрия социализма» открыли новые таланты. Демократизм, глубокая правда жизни, простота и ясность средств выражения — эти качества, отличающие великие произведения крупнейших мастеров прошлых поколений, приобрели новое звучание в советском искусстве.

В те и последующие годы Советское государство продолжало уделять самое серьезное внимание охране памятников истории и культуры. Признание их выдающегося значения в развитии советской культуры, духовном воспитании человека нового социалистического общества нашло особенно яркое выражение в небывалом размахе восстановительных работ послевоенного времени. Приходилось фактически заново возрождать не только отдельные памятники, но и целые исторические и культурные центры, пострадавшие от нашествия фашистских варваров. Наряду с этим сооружались новые памятники на местах сражений гражданской и Великой Отечественной войн, создавались новые музеи-заповедники, совершенствовалось союзное и республиканское законодательство по вопросам охраны памятников истории и культуры.

Ныне на государственном учете состоит около 150 тысяч памятников истории, археологии, архитектуры. Мы по праву гордимся не только такими бесценными творениями прошлых поколений, как Московский Кремль, Зимний дворец, архитектурные ансамбли городов «Золотого кольца», Самарканда, Еревана, Вильнюса и многие другие, но и памятниками, созданными руками наших современников, увековечивших бессмертный подвиг народа в Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской и Великой Отечественной войнах, строительстве социализма и коммунизма. Несметны сокровища наших музеев, содержащих около 49 миллионов единиц хранения. Почти в два раза за последнее десятилетие увеличился приток посетителей в музеи. Все больше туристов съезжается в места, связанные с историческим и революционным прошлым нашей Родины, жизнью и деятельностью великого Ленина.

И не случайно миллионы советских людей проявили столь горячую заинтересованность при обсуждении проекта Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры». В государственные органы, редакции газет и журналов поступили тысячи откликов, пожеланий и предложений от граждан и организаций. Комиссиями по народному образованию, науке и культуре Палат Верховного Совета СССР было рассмотрено более 1600 предложений, позволивших внести в проект Закона существенные дополнения.

В преамбуле Закона устанавливается, что в СССР памятники истории и культуры являются достоянием народа. В них воплощены труд и талант замечательных мастеров, материальная и духовная жизнь прошлых поколений, многовековая история нашей Родины, борьба народных масс за свободу и независимость, революционное движение, становление и развитие Советского многонационального социалистического государства. Охрана памятников провозглашается важной задачей всех государственных органов и общественных организаций, а бережное отношение к ним — патриотическим долгом каждого гражданина СССР.

В Законе определены также задачи советского законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры, намечена его структура. В частности, в статье 3 говорится, что законодательство СССР и союзных республик в данной области состоит из настоящего Закона и издаваемых в соответствии с ним иных актов законодательства СССР, законов и других актов законодательства союзных республик. Эти нормы имеют чрезвычайно важное значение, ибо действовавшее «Положение об охране памятников культуры», утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года, не определяло уровня правового регулирования данного вопроса. Таким образом, новый Закон дает толчок дальнейшему развитию законодательства в области охраны и использования памятников: изданию соответствующих законов в тех республиках, где они не были приняты, и приведению в соответствие с новым Законом уже действующих правовых актов. Кроме того, многие положения Закона получают развитие в дополнительных актах — постановлениях, положениях, инструкциях.

В Законе впервые дается определение понятия «памятник». Памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни

народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

Все памятники на территории СССР охраняются государством. Государственной охране подлежат также и вновь выявляемые объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, впредь до решения вопроса о принятии их на учет как памятников истории и культуры. Важность и целесообразность такой законодательной нормы несомненны. Нередко из сообщений прессы мы узнаем, что при строительных или иных работах обнаружены ценные клады, редкие изделия, сооружения. Например, в Москве при строительстве гостиницы «Россия» был выявлен уникальный памятник архитектуры XVI века «Посольский двор», вошедший теперь в ансамбль улицы Разина и ставший музеем русской архитектуры под открытым небом. Между прочим, район Китай-города, где открыт этот памятник, еще не исследован до конца, и здесь можно ожидать много новых интересных находок. Вот почему в Закон включена норма, предписывающая всем предприятиям и организациям в случае обнаружения при ведении работ археологических и других объектов, имеющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, сообщать о том государственному органу охраны памятников и приостанавливать дальнейшие работы (статья 24).

Закон содержит классификацию памятников по видам. В ранее действовавшем «Положении об охране памятников культуры» было предусмотрено разделение памятников на четыре вида — архитектуры, искусства, археологии и исторические. Теперь к ним добавлен пятый — документальные памятники, то есть акты органов государственной власти, другие письменные и графические документы, древние и иные рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания.

Кроме того, существенные изменения произошли в определении круга объектов, которые могут быть отнесены к тому или иному виду памятников. Например, раздел «памятники архитектуры», включавший перечень отдельных архитектурных сооружений, превратился в раздел «памятники градостроительства и архитектуры». К ним относятся теперь не только отдельные сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества и связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, природные ландшафты, но и архитектурные ансамбли и комплексы, целые исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов.

В этих нормах отражается новый подход к охране памятников, характерный для современного периода развития нашего общества.

Если раньше памятник архитектуры рассматривался сам по себе как отдельный объект, то сегодня, в условиях бурного развития градостроительства, процесса благоустройства городов, все большее значение приобретает комплексный подход, имеющий целью обеспечить взаимосвязь памятников с окружающей средой, новой застройкой в целях сохранения их эстетических и иных достоинств.

Несколько лет назад в Москве, по мнению специалистов, были неоправданно снесены имеющие историческую ценность строения на левой стороне улицы Волхонки и на площади Боровицких ворот, когда разрабатывался проект транспортного полукольца Кузнецкий мост — улица Грицевца. Сейчас обсуждается вопрос о судьбе правой стороны улицы, где расположены памятники архитектуры XVII—XIX веков, составляющие градостроительную основу данного района. Почему важно сохранить эту застройку? Волхонка примыкает к заповедной зоне Кропоткинской улицы, составляет с нею единый исторический центр, в котором органично расположены такие всемирно известные памятники, как Дом Пашкова и Музей изобразительных искусств им. Пушкина. Современная застройка не должна разрушить этот целостный архитектурный ансамбль. Другой пример — судьба улицы Димитрова. Когда расширялась транспортная магистраль, были снесены ценные памятники — литературный музей, церковь Иоакима и Анны (XVII в.), дом Коноваловых (построенный по проекту великого русского зодчего В. И. Баженова) и другие. Работы здесь пока приостановлены. И думается, это правильно, так как усилия по расширению улицы Димитрова, кроме всего прочего, могут быть сведены на нет низкой пропускной способностью Малого Каменного моста.

Нельзя бездумно подходить к перепланировке улиц, городских исторических центров, которые не только создают единственно возможную среду для восприятия конкретного памятника, но и сами могут быть своеобразными памятниками градостроительства.

Эти новые тенденции получили отражение и в статье 22 Закона, гласящей, что проекты планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, имеющих памятники истории, археологии, градостроительства и архитектуры, монументального искусства, подлежат согласованию с соответствующими органами охраны памятников. В целях обеспечения охраны названных памятников устанавливаются также охранные зоны, зоны регулирования застройки и зоны охраняемого природного ландшафта в порядке, определяемом законодательством СССР и союзных республик. В пределах указанных зон запрещаются земляные, строительные и другие работы, а также хозяйственная деятельность без разрешения соответствующих органов охраны памятников. Здесь следует отметить, что разработка охранных зон проводилась еще до принятия Закона, в соответствии с Положением от 14 октября 1948 года. Однако сделано далеко не все. Достаточно сказать, что ряд важнейших памятников, в частности и такой, как Московский Кремль, еще не имеет своей охранной зоны.

Памятники истории и культуры, согласно закону, могут находиться в собственности государства, колхозов, кооперативных и общественных организаций, а также в личной собственности граждан. Продажа, дарение или иное отчуждение памятников допускается лишь с обязательным предварительным уведомлением государственных органов охраны памятников; при продаже памятника государство имеет преимущественное право покупки. Статья 16 Закона устанавливает, что памятники истории и культуры, используемые не в соответствии с их характером и назначением, подвергающиеся угрозе уничтожения или порчи, могут быть изъяты у предприятия,

организации, учреждения в порядке, определяемом законодательством СССР. Если же гражданин не обеспечивает сохранности принадлежащего ему памятника, последний может быть изъят в судебном порядке с соответствующим возмещением. Такая возможность предусмотрена, например, статьей 142 Гражданского кодекса РСФСР и соответствующими статьями гражданских кодексов других союзных республик.

Независимо от того, в чьей собственности находятся памятники, они подлежат государственному учету, порядок которого определяется Советом Министров СССР. В целях организации их учета и охраны недвижимые памятники в зависимости от общественной значимости подразделяются на три категории — союзного, республиканского и местного значения. В соответствии со статьей 23 Закона, снос, перемещение, изменение недвижимых памятников запрещаются. Исключение из этого правила допускается лишь с особого в каждом случае разрешения Совета Министров СССР — в отношении памятников общесоюзного значения, Совета Министров союзной республики — в отношении памятников республиканского и местного значения. При этом организация или учреждение, получившие соответствующее разрешение, обязаны обеспечить соблюдение условий, предусмотренных законодательством, а государственный орган охраны памятников — научное изучение и фиксацию памятника.

В Законе установлены единые нормы, регулирующие порядок и условия использования памятников всеми ведомствами, организациями, учреждениями и гражданами. Статья 13 определяет, что памятники истории и культуры используются в целях развития науки, образования, культуры, патриотического, идейно-нравственного, интернационального и эстетического воспитания. Использование их в хозяйственных и других целях допускается, если это не наносит ущерба их сохранности и историко-художественной ценности.

К сожалению, еще нередки случаи, когда отдельные строения, имеющие историческую или культурную ценность, используются столь бесхозяйственно, что их существование ставится под угрозу. Закон устанавливает ответственность предприятий, организаций, учреждений, в собственности или пользовании которых находятся памятники истории и культуры, за их сохранность, а также обязывает соблюдать правила охраны, использования, учета и реставрации памятников. Предприятия и граждане обязаны также обеспечивать сохранность памятников, находящихся на землях, предоставленных им в пользование.

Реставрация, консервация и ремонт памятников осуществляются за счет средств их пользователей или собственников, а также за счет средств государственных органов охраны памятников. Эти работы должны производиться только с ведома государственных органов охраны памятников и под их контролем.

Важная гарантия обеспечения сохранности памятников содержится в статье 24 Закона, предусматривающей, что строительные, мелиоративные, дорожные и иные работы, могущие представлять угрозу для существования памятников истории и культуры, должны производиться только по согласованию с государственными органами охраны памятников и после осуществления мероприятий, обеспечивающих безопасность охраняемых объектов. В необходимых

случаях государственные органы охраны памятников могут приостановить ведение таких работ (статья 25).

Лица, виновные в нарушении законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры, несут уголовную, административную или иную ответственность. Например, уголовная ответственность предусмотрена за умышленное уничтожение, разрушение или порчу памятников культуры либо природных объектов, взятых под охрану государством.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 февраля 1977 года установлена административная ответственность за нарушение правил охраны и использования памятников истории и культуры. Лица, виновные в нарушении этих правил, могут быть предупреждены или оштрафованы. На должностных лиц штраф налагается в размере до 100 рублей, на граждан — до 50. Данные меры взыскания налагаются административными комиссиями при исполкомах районных, городских Советов депутатов трудящихся.

В случае бесхозяйственного обращения с памятником он, как выше отмечалось, может быть изъят у предприятия или гражданина. Организации или отдельные лица, виновные в причинении вреда памятнику или его охранной зоне, обязаны восстановить их в прежнем состоянии, а в случае невозможности этого — возместить убытки.

Государственный контроль за охраной и использованием памятников истории и культуры возложен на Советы депутатов трудящихся, их исполнительные и распорядительные органы и специально уполномоченные на то государственные органы. Именно Советы, обладающие всей полнотой власти на местах, могут организовать действенный контроль за соблюдением законодательства об охране и использовании памятников, оказать помощь в решении ряда актуальных проблем. Например, бывают случаи, когда один и тот же памятник последовательно передается в пользование разным организациям или одновременно используется несколькими предприятиями различной подчиненности. В такой ситуации не каждый пользователь склонен считать себя ответственным за общее состояние памятника, но каждый стремится получить максимум выгод от его использования. Местный Совет должен воздействовать на такие организации или предприятия и потребовать от них исполнения предписаний закона.

Немало у нас есть еще так называемых временно не используемых объектов, в частности архитектурных сооружений. И зачастую бывает трудно найти для них арендатора, ибо это связано с реставрационными работами, расходы на которые бывают не под силу одному предприятию, а еще чаще — из-за сложности определения характера использования памятника. Так, в городе Кашире Московской области бывшая церковь Введения, отреставрированная в 1972 году и пустовавшая затем три года, была, наконец, отдана под склад треста столовых. Вряд ли это лучший вариант, тем более что в здании предполагалось разместить краеведческий музей. Видимо, местным органам власти следовало бы проявить больше заинтересованности в организации музея.

Наконец, иногда уникальные памятники находятся в некотором отдалении от крупных культурных центров, и доступ к ним затруд-

няется из-за отсутствия хороших дорог. Здесь местные Советы, способствуя объединению усилий государственных организаций и колхозов в строительстве новых дорог, могли бы позаботиться и о приведении в порядок подъездных путей к памятникам. Такой опыт в ряде областей страны уже есть.

Однако нельзя умолчать и о фактах иного отношения к делу охраны памятников. В Клинском районе Московской области размещается усадьба Демьяново, принадлежавшая в XIX веке В. И. Танееву — философу и социологу, другу К. Маркса, родственнику известного композитора. В свое время В. И. Ленин подписал охранную грамоту на эту усадьбу. Между тем принятая на баланс местным совхозом, усадьба использовалась частью под жилье, частью... под цеха переработки фруктов. В 1966 году состоялось решение Мособлисполкома о передаче ряда памятников, в том числе и Демьянова, на баланс органам охраны памятников Мособлисполкома. Однако усадьба не была передана, и только в 1976 году она была освобождена от цехов и жильцов. И тем не менее Клинский исполком и совхоз всячески уклонялись от передачи усадьбы, хотя был найден новый арендатор — объединение «Росмонументискусство», взявшееся отреставрировать памятник. В результате в пустующих помещениях начался пожар — сгорел флигель, где жил академик Тимирязев. Причины пожара не рассматривались. А в конце февраля этого года сгорел и главный корпус усадьбы. Неоднократно разорению подвергались семейные надгробия Танеевых и Чайковских, находящиеся вблизи.

Важную роль в осуществлении мероприятий по охране и использованию, выявлению, учету, реставрации памятников истории и культуры, распространению знаний о них Закон отводит общественным организациям — профсоюзам, организациям молодежи, научным обществам, творческим союзам и другим, а также отдельным гражданам. Особенно важную работу проводят общества охраны памятников, созданные в союзных республиках и объединяющие миллионы граждан. Они способствуют привлечению широких слоев населения к непосредственному участию в охране памятников, осуществляют контроль за их использованием, ведут учебно-воспитательную работу.

В Законе содержится ряд и других важных положений. В частности, существенное значение имеют те нормы, в которых закреплено позитивное отношение Советского государства к международному культурному обмену, способствующему укреплению дела мира.

Дальнейшему укреплению социалистической законности в области охраны памятников истории и культуры и их активному использованию в интересах коммунистического воспитания должна способствовать широкая пропаганда и самих памятников, и законодательства об их охране.

Как пример партийного, делового подхода к столь важному делу, нельзя не отметить инициативу Министерства высшего и среднего специального образования СССР, рекомендовавшего всем высшим учебным заведениям страны рассматривать пропаганду законодательства об охране памятников истории и культуры как составную часть учебного и идейно-воспитательного процесса. Ду-

мается, что свой вклад в пропагандистскую и воспитательную работу могут внести и другие ведомства и общественные организации. В частности, Управлению по иностранному туризму при Совете Министров СССР, Центральному Совету по туризму и экскурсиям ВЦСПС и иным заинтересованным туристским организациям целесообразно было бы разработать новые туристские маршруты. Профсоюзным Советам по туризму и экскурсиям следует также более активно использовать переданные им памятники для развития сети туристских баз. Разумеется, сначала нужно приостановить их эксплуатацию на износ и привести в соответствующий порядок. Особенно актуален этот вопрос в отношении таких памятников, как ансамбль Соловецкого монастыря в Архангельской области, комплекс Нилова Пустынь и усадьба «Раек» в Калининской.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» не только ставит перед нами серьезные задачи, но и открывает новые возможности в строительстве социалистической культуры, коммунистическом воспитании трудящихся. Строжайшее соблюдение всех его предписаний — патриотический долг и обязанность каждого советского человека.

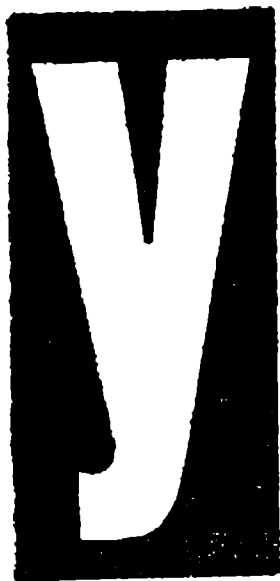

ГАНС ШНАЙДЕР

Р О М А Н

НОЧЬ БЕЗ АЛИБИ

дар по лбу возвращает меня к действительности. На лицо что-то сыплется. Темно и тихо, слышно только какое-то царапанье. Смотрю в сторону окна. Его прямоугольник лишь в одном углу матово мерцает отдаленным светом фонарей. От окна доносится скрежет. Глаза, привыкнув к темноте, уже различают контуры. На фоне окна силуэт человека, трясущего прутья решетки. Мюллер! Вот теперь я слышу его тяжелое дыхание.

Что он задумал: выломав решетку, поставить меня перед свершившимся фактом или же хочет удрать один? Надо решаться! Или пусть его смывается, а я утром разыграю, что сам поражен слывшимся. Нет, не поверят, скажут — помогал. Новые искушения и новая ложь, которая обернется против меня. Значит, уходить с ним. Но ведь я не хочу бежать. Почему все словно сговорились против меня? Надо его задержать.

— Мюллер, ты спятил? — громким шепотом спрашиваю я.

— Тсс! Один прут выломал. Еще на полчаса. Подожди меня, быстрее пойдет.

— Слезай, говорю!

Вскакиваю и пытаюсь схватить его за ноги. Уцепившись обеими руками за решетку, он лягает меня.

— Кончай!

— Отпусти, или я проломлю тебе башку прутом, идиот! — шипит он.

Наконец мне удастся схватить его за ногу. Рывок — и Мюллер плюхается на койку. Не дав опомниться, наваливаюсь на него и выворачиваю руки за спину.

— Поздно спохватился, Вайнхольд. Не будь дураком. Утром все увидят, и нам обоим крышка... Ну помоги, еще часок — и мы на воле.

— Не перестанешь добром, заставлю. Не хочу из-за тебя наживать еще неприятности, своих хватает.

Его мышцы вдруг расслабились.

— Это твое последнее слово? — тихо спрашивает он.

— Самое последнее!

— А выломанный прут?

— Твое дело.

— Ага.

Молчание. Я чуть ослабляю хватку. Он тут же выскользывает из-под меня, бросается к двери, барабанит по ней и истошным голосом вопит:

— На помощь!

В коридоре раздаются быстрые шаги. Вспыхивает лампочка. Мюллер рвет на себе рубашку, опять барабанит в дверь и орет как резаный. Я растерялся, стою истуканом между койками и смотрю на дверь. Она распаивается. Двое вооруженных охранников стоят наготове в коридоре, третий, надзиратель, влетает в камеру и отталкивает Мюллера. Тот, искусно притворяясь, все вопит и вопит и тычет в мою сторону.

— Что случилось? — спрашивает надзиратель и подозрительно оглядывает камеру.

Я пожимаю плечами. Но он уже увидел выломанный прут и поврежденную решетку.

— Он хотел бежать,— бормочет Мюллер задыхаясь.— Я его стал оттаскивать, а он меня чуть не убил. Уведите меня отсюда, я боюсь! Я ошарашен. Мюллер ехидно ухмыляется.

— Отведите меня к следователю немедленно. Хочу дать важные показания.

— Сейчас, в два ночи? — удивляется надзиратель.

— Забирайте свои вещи, Мюллер, и выходите! — командует из коридора офицер тюремной охраны.

Мюллера уводят. Я прислоняюсь к стене.

— Н-да, Вайнхольд, опять не повезло,— говорит надзиратель.

— Все вранье. Это он хотел бежать,— выдавливаю я.

— Конечно, конечно, он пытался бежать, а вы, как порядочный человек, удержали его.

— Именно так и было.

— Да, да, именно так, а не иначе. Только вот что: нам тоже стало известно, что вы категорически отрицаете все, в чем вас обвиняют. Берите-ка свои вещи. У нас тут много камер.

Вюнше, как обычно, с непроницаемым видом сидит за столом. Даже глядеть на него неохота. Неужели он не бывает хоть чуточку взволнованным? Ну пусть наорет на меня, грохнет кулаком по столу — все лучше, чем это молчание.

Он ждет, пока я сяду, потом пристально смотрит на меня, словно хочет установить, изменился ли я за ночь.

— Разумеется, то, что утверждает Мюллер о вашей попытке побега, неверно? — начинает он допрос.

— Все вранье!

— Вайнхольд, Вайнхольд. То вы упрямитесь, как осел, то слепо верите людям, которым школьник не доверил бы и пфеннига.

— Взрослые доверяли этому Мюллеру кое-что побольше, чем пфенниги.

— Вот именно, взрослые, а не дети. Они не столь недопустимо легковверны. К сожалению, мы недостаточно информируем людей о том, что и у нас есть еще мерзавцы. Но вы доверили ему очень многое. Он на вас показал как свидетель: вы якобы признались ему в преступлениях, в совершении которых вас обвиняют. Показания он уже подписал. Я жду прокурора Гартвига. Хотим послушать вас вместе. Возможно, вы дадите нам какие-то объяснения, которые вызовут у нас капельку доверия. А пока посидите там.

Меня отводят в соседнюю комнату, ноги еле двигаются, словно после долгого марша с полной выкладкой. Мешком валюсь на стул.

Прокурор Гартвиг был обвинителем на моем процессе. Он отнесся ко мне, несмотря на все, с большим доверием... а я так подвел его. Даже вспоминать стыдно.

В тот день, после первых месяцев заключения, я и не подозревал, что меня ожидало, когда младший лейтенант Шефер повел меня по коридорам и лестницам, то вверх, то вниз; даже не пришло в голову спросить его о причине необычно далекой прогулки по территории исправительного заведения.

Перед одной из дверей Шефер остановился. На табличке я прочитал: «Приемная начальника исправительного учреждения». Пожилая женщина, печатавшая на машинке, лишь мельком взглянула на меня, но учтиво ответила на мое «здравствуйте».

За столом, который, вероятно, служил для совещаний, рядом с прокурором Гартвигом сидел человек в темном костюме и оценивающе разглядывал меня.

— Вы уже знакомы с прокурором Гартвигом? — нарушил он гнетущую тишину и указал мне на ряд стульев по другую сторону стола.

— Да, я знаком с прокурором... по процессу, на котором меня признали виновным!

Я обождал, пока усядется Шефер, потом сел сам. И все время смотрел на прокурора, готовый в любую секунду защищаться. Из уст Гартвига я впервые услышал на процессе слова «пятнадцать лет заключения». Мне казалось, это конец. Но жизнь продолжалась: приговор, побег, снова арест — в Берлине... затем отбытие наказания, месяц за месяцем, полгода. И вот я снова сижу, как тогда на процессе, и жду, пока он заговорит...

Сначала Гартвиг слегка откашлялся. Потом раздражающе зашелестела бумага — он листал какое-то «дело». Мое? Прокурор небрежно отложил папку и посмотрел мне в глаза. Я выдержал его взгляд.

— Кстати, вы знаете некоего Герберта Циглера?

— Да.

— А некую Соню Яшке?

— Жену Вернера Яшке? Их двор наискосок от мадеровского.

— До того, как мы о них узнали, они по своей инициативе явились дать свидетельские показания. Это те самые люди, которые вышли из леса. Оба ходили туда, ну, скажем, прогуляться. Они стояли на опушке и успели спрятаться, когда вы с Мадером шли мимо. Было очень темно. А примерно в пяти шагах за вами крадся еще один человек! Оба его заметили.

До меня не сразу дошло значение сказанного, сообщение Гартвига застало меня врасплох. Наконец мой рассудок переварил это. Я вскочил и чуть не навалился грудью на стол, заглядывая Гартвигу в лицо:

— Но почему...

— Почему? Н-да. Они состояли в связи, которую скрывали от своих благоверных.

— Мадера убил другой! Кто? — я все еще стоял, наклонившись над столом, не в силах оторвать взгляда от прокурора.

— Кто, мы не знаем. Может быть, не вы совершили преступление, я говорю: может быть, если поверить вашим показаниям, учесть сомнения медицинской экспертизы и принять во внимание новые факты.

— Тогда... тогда... вы поверите, что я... не убивал Мадера?

Гартвиг чуть улыбнулся.

— Вера не играет тут никакой роли. Выпало несколько решающих звеньев из цепи улик. А разорванная цепь ничего не стоит. Это значит — доказательств не хватает. Факты вызывают серьезные сомнения и указывают на иные версии. В уголовно-процессуальном

праве существует принцип: в случае сомнения решать в пользу обвиняемого. Таково реальное положение дел.

— Я не понял.

— Это значит: по указанию прокурора республики возбуждено ходатайство о новом расследовании по вашему делу.

Прокурор Гартвиг, майор и младший лейтенант смотрели на меня спокойно и, пожалуй, даже благосклонно, будто ничего не случилось. Для меня же рушились тюремные стены, ломались решетки, выдергивались дверные засовы. Будет новое расследование! Появились факты, оправдывающие меня. И добыли их уголовная полиция и прокуратура, к которым я до сих пор испытывал недоверие...

Я не мог унять дрожь в руках. Мне захотелось сказать что-то, пролепетать, может быть, слова благодарности, но я не мог челюсти разжать. Закружилась голова. Было тяжело дышать, как после долгого напряженного бега.

— Суд принял ваше дело для пересмотра. Я дал санкцию приостановить действие приговора до слушания нового дела. Завтра вас освободят.

Еду домой. Все прошло, все позади! Я снова живу!

— Значит, завтра вы поедете в Рабенхайн,— сказал Гартвиг.— Пожалуйста, будьте внимательны и как только заметите что-нибудь подозрительное, немедленно сообщайте нам. Если настоящий убийца находится в районе деревни, ваше неожиданное появление вынудит его действовать. Так что смотрите в оба! Я кое-чего ожидаю в связи с этим. Каким будет мое заключение по окончании следствия, зависит теперь от вас и, возможно, в решающей степени от вашего поведения в первые же дни. Если хотите знать точнее, о вашем освобождении мы не известили ни Рабенхайн, ни ваших родственников. Это наш тактический ход. Не испортите нам игру.

Таково было его напутствие.

IV

И вот в кабинете Вюнше я снова оказываюсь лицом к лицу с этим прокурором. В голову лезут слова, что он мне говорил накануне освобождения, и я от стыда опускаю глаза, сознавая, что спасовал, не оправдал его доверия.

— Я представлял себе иной исход, более благоприятный,— начинает Гартвиг.— Возможно, я слишком понадеялся на вас. Но теперь это неважно. Судя по всему, дело близится к развязке. А вы предпочитаете отмалчиваться.

— Я неправильно себя вел и раскаиваюсь в этом.

— Каяться — одно, а то, что вы не справились с задачей,— другое.— Голос прокурора звучит сурово, как тогда, на суде, а не дружелюбно, как на предыдущей встрече.— Один вопрос, прежде чем перейдем к делу: почему этой ночью вы не использовали возможности убежать вместе с Мюллером?

— Я не убивал Мадера. А ночью... Я согласен, что поступил незаконно, когда залез в комнату родителей, украл ключи и обшарил шкафчик. Я сознавал, что делаю. И все равно сделал. Но чтобы калечить или убивать Фрица или старика, мне и в голову не приходило. Ведь брат и отец все-таки.

— Однако двое свидетелей подтверждают обратное. И это не косвенные улики, а прямые доказательства. Вдобавок Мюллер показал, что вы ему признались.

— Я не виноват.— Я почувствовал, что страшно устал.— Если еще кто и может помочь мне, то только вы и старший лейтенант Вюнше. Мой побег и все, что потом случилось, кое-чему научили меня все-таки. Когда вы освободили меня из заключения, я вернулся в деревню, полный надежды. Вскоре возникло первое подозрение, и я решил сам найти убийцу. Меня словно лихорадка охватила, устоять я никак не мог. В армии со мной тоже так бывало: сорвусь, а потом не знаю куда деваться... Пожалуйста, поверьте мне и помогите. Один я не справлюсь.

— Рассказывайте.— Голос Гартвига звучит уже мягче.— У вас еще есть шанс. Расскажите обо всем с того момента, как вы приехали домой. Меня интересуют не только факты, связанные с преступлением, но и ход ваших мыслей. Говорите правду, только правду!

Старший лейтенант Вюнше усаживается за машинку и кладет рядом стопку бумаги. Я с неудовольствием наблюдаю за его приготовлениями. Чистая бумага почему-то наводит на меня ужас.

— Вам не нравится мое предложение? — спокойно спрашивает прокурор.

— Нет, нет, я готов,— поспешно заверяю я.— Только вот... мне хочется рассказать многое, и не все для протокола.

— Говорите не стесняясь, без разбора, я уж потом рассортирую,— предлагает Вюнше.

Уже смеркалось, когда поезд остановился у безлюдной платформы Фихтенхаген. На снежном покрове виднелись редкие отпечатки следов. Плавно, почти торжественно опускались снежинки. Небольшое станционное здание словно пригнулось под снежной шапкой.

От станции до Рабенхайна около часа ходьбы. Обычно здесь курсирует автобус, но я не был уверен, что сегодня, в сочельник, он еще ходит; кого-либо спрашивать не хотелось, и я решил пойти пешком. Подышать забытым лесным воздухом, ощутить простор полей, по которому так соскучился.

Несколько минут ходу, и я — в лесной тишине. Снег, задерживаемый ветвями могучих сосен, почти не падал на землю. Лишь изредка от порыва ветра сыпалась мелкая сверкающая пыль. Я шагал не спеша, вдыхая полной грудью свежий морозный воздух. Мысли о событиях недавнего времени улетучивались с каждым шагом, и я надеялся, что еще не скоро вернусь к ним.

Наш двор был одним из самых больших в селе. Тихо кряхтели ворота, чуть поскрипывали петли. Из хлева пробивалась полоска света. Беспечно топтались лошади, отец покрикивал на них. Ничего не изменилось за прошедшие полгода.

И вот я в комнате. Мать стояла ко мне спиной и, чуть наклонившись, разбирала серебряный дождь. Грубыми натруженными пальцами ей было неловко брать тонкие нити, поэтому она небольшими пучками бросала их на ветви.

— Уже подоил? — удивленно спросила она, не оборачиваясь.

— Здравствуй, мама.

Она застыла на миг, потом резко повернулась. Серебряные нити выпали из рук. В ее глазах мелькнул ужас. Робкими шагами она двинулась ко мне.

— Ты? — прошептала она, не веря, и растерянно улыбнулась. — Но ты не сбежал опять, Вальтер?

Она не сводила с меня умоляющего взгляда, полного робкой надежды. Я мотнул головой и почувствовал, что мне сдавило горло.

— Нет, мама, меня освободили. Прокурор выпустил, все законно!

И тут я совсем растерялся. Мать обняла меня и тихо заплакала, потом поднялась на цыпочки и смущенно поцеловала меня в лоб. Подобных нежностей в нашей семье никогда не водилось.

— Я верила, сынок, что это не ты сделал. Какая радость-то на рождество. Теперь могу людям в глаза смотреть. Услышал господь мои молитвы. Такая радость-то, да еще в сочельник!

Внезапно кто-то схватил меня за плечо и круто повернул. Не успел опомниться, как две руки стиснули мои запястья. На лице я ощутил горячее дыхание. Фриц. Он растерянно смотрел на меня. Его обычно тусклые глаза даже оживились от испуга.

— Пойдем отсюда скорее, пока старик тебя не увидел! — зашептал он настойчиво и потянул меня к кладовой, откуда был отдельный выход. — Ну, ты даешь, — пробурчал он с упреком, удивленно разглядывая меня. — Черт возьми, куда тебя девать? В доме опасно. Налетят с обыском — сразу найдут. Пошли в сарай! Принесу все, что надо: теплые вещи, одеяло, еду. Только прошу: молчи и не топай, как лошадь.

— Большое спасибо, Фриц, ты молодец, но я не сбежал. Меня освободили по всем правилам: с документами, печатями, проездным билетом до Фихтенхагена, со всем, что полагается.

— А... кто же убил Мадера?

— Понятия не имею. Никто не может ответить на это, по крайней мере сейчас.

— Но ведь доказательств вроде хватило! — раздраженно перебил он меня. — А теперь, значит, не хватает, и клетку распахнули, вылетаешь?

Казалось, он разочарован.

— Ты не учитываешь вот чего: у нас в деревне всякий считает, что старого Мадера отправил на тот свет ты, только ты настолько хитер, что тебя не уличишь. Все будут обходить тебя за версту. Оно, правда, лучше, чем сидеть за решеткой...

— Но ты-то мне веришь...

Фриц, не дослушав, отмахнулся.

— Ты меня знаешь. Я человек прямой. Так вот, чтобы не было недомолвок. Я считаю, что это сделал ты. Уверенность лучше, чем сомнение, оно, как ржа, разъедает.

Фриц подтолкнул меня к двери, ведущей в хлев, и, отодвинув засов, ногой распахнул ее.

Отец ничуть не удивился. Он взглянул на нас, поморгал и, когда я протянул ему руку, не очень-то охотно пожал ее. Потом кивнул мне и проворчал:

— А, приехал. Небось соскучился по работе, а ее у нас невпро-ворот. Только...— Он невозмутимо повернулся к коровам.

Втроем мы вернулись в дом, молча вымыли руки и уселись за стол, покрытый белой скатертью. Отец не терпел такой «роскоши»; он чувствовал себя увереннее, когда тарелка стояла на клеенке, с которой легко можно было вытереть пролитый суп. Но мать, не слушая возражений, ради праздника постелила белую скатерть.

Ели молча. Каждый был занят своими мыслями, и я сомневался, что эти мысли связаны были с праздником.

Мать поднялась и погладила меня жесткой ладонью по голове. Пляшущие огоньки светились в ее глазах...

«Хоть она счастлива»,— подумал я.

Она убрала со стола. Мы с братом продолжали сидеть, а отец направился к своему шкафчику, ключ от которого никому не дове-рял. Как всегда к рождеству, он, разумеется, купил бутылку бол-гарской сливянки, крепкой, но приятной на вкус.

Мы чокнулись.

— За твою свободу, Вальтер,— сказал Фриц и одним глотком осушил рюмку.

Я последовал его примеру. Отец, немного подумав, выпил сли-вянку маленькими глотками. Затем не спеша раскурил сигару и как бы вскользь спросил меня:

— Где же ты собираешься устраиваться?

Я растерялся. Поглядел на него, на брата. Что хотел этим ска-зать отец? Брат пожал плечами. Мать отложила в сторону вилку. Наконец я понял: мне нельзя оставаться дома. Это отец решил бес-поворотнo. В смятении я перевел взгляд на мать. В ее глазах блес-тели слезы. Она покорно опустила голову. Фриц молча налил вто-рую рюмку и выпил.

— Давай решай,— потребовал отец.

— Так сразу, сейчас? — мать выпрямилась, готовая опять всту-пить в бой за меня, даже если придется для этого пожертвовать покоем предрождественского вечера.

— Верно, завтра тоже будет день,— раздраженно пробурчал брат.

Отец покачал головой. Случись такое полгода назад, я бы вско-чил, наорал на него и хлопнул дверью. Но за последние месяцы я научился обуздывать себя. Я не спеша допил вторую рюмку и сказал:

— Буду учиться, как тогда решили.

Отец язвительно рассмеялся и встал:

— Сам, наверно, понимаешь: вряд ли допустят на учебу такого, как ты, которого лишь потому не держат в тюрьме, что не хватило доказательств.

Он остановился передо мной.

— Ты тоже думаешь, что Мадера убил я?

— А кто же еще?

Я вскочил. Он отступил на шаг, но пошатнулся и уткнулся мне в грудь. Одной рукой я чуть приподнял его голову и посмотрел в глаза.

— Слушай, ты, праведник,— сказал я почти шепотом.— Как-ни-

будь я напомню тебе, что не всегда ты дружил с законом. Доказательства найдутся.

— Хватит вам! — закипятился Фриц.— Оставь его в покое, отец. Я тоже посоветовал ему куда-нибудь перебраться. Но выгонять его не позволю, об этом и не думай. Мне ты обещал автомашину. Дай ему столько же, на устройство. А когда уж дойдет до наследства, поделим поровну, вот мое слово.

— Спятил, парень, вконец спятил. Для чего же я тогда надрылся — чтобы свои деньги на ветер швырнуть? Хочешь все разбазарить?

— Не разбазарить, а поделить. Каждому сыну поровну.

— И это говоришь ты, Фриц? Ты?

— Да, только так, отец,— упорствовал брат с неожиданной дерзостью.

— Это не только твое добро и твои деньги, Эдвин,— вмешалась мать.

Мы с Фрицем дружно вытаращили на нее глаза. Мать сплела руки, лицо ее подергивалось от волнения. Отец разинул рот и качал головой.

— Тебя еще не хватало! — пробормотал он, побагровев.

Я тепло взглянул на мать, чтобы подбодрить ее, и поднялся к себе наверх. В моей комнате все оставалось по-прежнему. Зимние вещи в шкафу пахли нафталином. Ключ от наружных дверей лежал в ящике стола. Я не спеша переоделся, размышляя о том, что будет дальше со мною, и в подавленном настроении спустился по лестнице.

В сенях меня дожидалась мать.

— Как успокоишься, возвращайся,— шепнула она.— Я поговорю с ним.

Я провел ладонью по ее жидким волосам.

— Хорошо, мама, ради тебя вернусь.

Только ради нее? Нет, я вернусь и останусь тут, в родном доме, до тех пор, пока смогу открыто смотреть в глаза любому человеку, не опасаясь, что он считает меня преступником.

Поначалу я пошел такой дорожкой, чтобы не идти мимо Улиного дома. Неужели я стал трусливым? Прежде я смело принимал самые неожиданные решения, неопределенности терпеть не мог, ночь не спал, если днем оставил что-то нерешенным. Неужели я изменился? Нет! Этого не может быть. Мне надо прийти в себя, внести во все ясность, а для этого я должен найти убийцу. Но почему, собственно, это должен сделать я? Розыск ведет полиция под руководством прокурора. Мне лишь требуется смотреть в оба и сообщать, если обнаружу что-либо подозрительное.

Значит, не торопиться и выжидать...

«Нет! — подумал я.— Буду действовать. Найду убийцу, схвачу его за шиворот и приведу в полицию — пусть удивятся. Я их обскачу, покажу, какой я молодец!»

Я невольно прибавил шагу. Куда спешить? Будто за убийцей гонюсь — вот он, хватай и тащи. Не так это просто. Надо сначала головой поработать. Но сколько я уже над этим бился и ничего толкового не придумал. Кому мешал Мадер? Конечно, у него были

враги, он часто спорил с крестьянами. И всегда спор шел о полевых работах в кооперативе. А как было не нажать врагов, если он всегда отстаивал свою точку зрения! Хорошо, что отец ничего не знал о тех обвинениях, которые высказал Мадер. А то бы я еще подумал, не отец ли...

По обочинам дороги потянулись небольшие, в рост человека, елочки — чем дальше, тем гуще. А впереди, на фоне ночного неба, могучей стеной поднимался хвойный лес. По левую сторону от дороги находилось деревенское кладбище. Там покоился Фридрих Мадер. Может, сходить туда, отыскать его могилу под глубоким снегом? Или прийти днем и положить венок? Удобно ли? И как на это посмотрят односельчане: одни, наверно, сочтут такой поступок постыдным лицемерием, другие — бессовестным цинизмом, а третьи увидят в этом свидетельство моей невиновности. Мнение деревни — этот маятник, не подвластный никаким законам, начнет бешено колебаться и, в конце концов, меня же ударит. Начхал я на их мнение. Ни каяться, ни лицемерить им в угоду не стану. Даже если все будут против меня.

Да, покойному надо отдать долг, и не завтра или когда-нибудь, а сегодня, сейчас...

Я стоял у могилы, смотрел на холмик и ни о чем не думал. Мороз покусывал руки, но я не прятал их в карманы теплого пальто. Из деревни время от времени доносился собачий лай; больше ничто не нарушало разлившейся вокруг тишины, не гнетущей и не тревожной, но созерцательной и благотворной...

Неожиданно я почувствовал, что за мной наблюдают. Сзади скрипнул снег. Я мгновенно обернулся. Человек, стоявший передо мной, сдавленно вскрикнул. Это была Ула. Узнав меня, она оцепенела.

— Что тебе здесь надо? — спросила она резко.

Я опустил голову, как всегда, если речь заходила о смерти Мадера. Когда я поднял глаза, Ула по-прежнему сверлила меня твердым пытливым взглядом. Нет, я решил не уклоняться от ответа. Я шагнул ближе к могильному холмику. И она считает меня виновным, мелькнула мысль. А что еще ожидать от нее после того письма?

— Неужели человек может так лицемерить... — сказала Ула, устремив на меня взгляд, полный муки.

— Прости, Ула. Меня сегодня освободили.

Она вздрогнула и шагнула ближе.

— Значит... ты невиновен? — Я заметил слезы в ее глазах. — Я цеплялась за твое «нет», — продолжала она, — даже когда зачитали приговор. А потом вернулся Фриц после свидания с тобой...

— Он наврал!

— Наврал? — Ула слабо улыбнулась и опустила голову. Она, вероятно, вспомнила о своем письме. — Я даже не поздоровалась с тобой, — пробормотала она и, теребя кожаную перчатку, подошла ближе.

Вот теперь надо сказать ей все!

— Моя невиновность, Ула... еще не доказана. Понимаешь: меня освободили за недостатком улик! Сегодня утром я сам еще этого не понимал, только дома понял, именно дома. Будет еще один суд,

будут оправдывать меня, поскольку вина не доказана, а это хуже чумы!

Я опустил голову. Если уж отец с братом без колебаний считают, что убийца я, то как может Ула, дочь жертвы, думать иначе?

Она дергала меня за рукав в ожидании, пока я подниму голову. Ее лицо, ее огромные глаза, показавшиеся мне такими черными, были совсем близко.

— Ты, верно, как и все, думаешь, что это я сделал? — прошептал я.

Ула, отпустив мой рукав, задумчиво смотрела на меня. Лицо ее оставалось неподвижным. Она закрыла глаза и ладонями сжала виски.

— Господи, добро и зло я различаю, но в этом деле ничего не могу понять,— беспомощно пролепетала она.— Я ничуть не сомневалась в тебе, когда все только и твердили, что твоя вина доказана. Я любила тебя. Это давало мне силы верить тебе... до того ужасного дня, когда Фриц возвратился и рассказал мне...

— Ну, а ты?

Она отвернулась к могиле. Я чувствовал, что Ула не знает, что сказать мне; и я молчал, не желая оказывать на нее давление.

— Не обмани моего доверия. Иначе не знаю, что я с собой сделаю. Если ты невиновен и на меня не в обиде, то пойдём... ко мне.— Она посмотрела мне в глаза долгим, испытующим взглядом и, повернувшись, затопала по снегу мелкими шажками.

Никогда еще я не любил Улу так, как в эту минуту. Она верила мне! Жизнь опять приобрела для меня смысл. Я еще сильнее ощутил свой долг найти убийцу, избавить Улу от ужасной неопределенности; от этого зависело все ее будущее.

Молча мы двинулись к деревне. Вокруг была тишина, заснеженные поля, лес, луга, сады и дома в снеговых шапках, а над нами — ясное звездное небо, чистое, как моя совесть.

Ула вставила ключ в замок калитки, но он не отпирался. Я надавил на ручку, калитка отворилась.

— Еще ни разу не забыла ее запереть,— сказала Ула с удивлением и как-то неуверенно вошла во двор. Она даже испуганно огляделась по сторонам, прислушиваясь. Подойдя к двери дома, взялась за ручку, и дверь сразу приоткрылась.— Но ведь я ее заперла и калитку тоже! — Ула разволновалась.— Еще когда запирала калитку, ключ упал, и я долго шарила в снегу, пока нашла. Поэтому я точно помню, что заперла.

Отстранив Улу, я заглянул в сени, прислушался, но ничего не услышал. Глаза, привыкшие к снежной белизне, ничего не видели во тьме.

Прислонившись к дверному косяку, я на секунду зажмурился, чтобы глаза привыкли к темноте.

— Включи свет.

Ула пошарила на стене. Выключатель щелкнул раз, другой, третий...

— Не работает,— шепнула она и проскользнула мимо меня в сени прежде, чем я успел ее удержать.

Распахнувшаяся дверь скрипнула петлями.

— Ула, погоди...

Отделившись от косяка, я шагнул в сени и споткнулся о порог. В ту же секунду на мою голову обрушился сильнейший удар. Ни обернуться, ни пригнуть голову, ни закрыться, ни крикнуть я не успел. Второй удар, правда слабее первого, высек острую боль в затылке. Язык мне не повиновался, пальцы уцепились за выступ на стене и бессильно разжались. Не издав ни звука, я рухнул.

Очнулся от Улиного крика. Я лежал возле двери и мучительно соображал, что со мной случилось. Значит, так: дверь была открыта, потом удары по голове...

В сенях слышалась какая-то возня. Опять крик.

Ула зовет на помощь?

Я с трудом поднялся и, пошатываясь, вошел в сени. Только бы не оплошать сейчас! Руки коснулись стены и наткнулись на человека. Пальцы ощутили плотное сукно. На Уле была шуба, значит, это кто-то еще. Размахиваюсь, бью правой, левой, но в следующую секунду сильный толчок отбросил меня к двери. Голова ударилась о косяк.

— Свет,— простонал я.

И вот под пальцами снова это плотное сукно. Неизвестный рвался в дверь. Где же Ула?

Противник костлявыми руками выбивал сознание из моего черепа. Я заслонялся, наносил ответные удары, но в узком проеме дверей все это было бесполезно. Надо повалить его и сдавить глотку.

Мне удалось сбить его с ног. Невероятным усилием я приподнялся, чтобы навалиться на него всей тяжестью. Затылок ударился обо что-то каменное, в глазах вспыхнули яркие искры, и наступил мрак.

...Мигает свечка. За ней смутно виднеется Улино лицо. Страшно болит голова. И тошнит — сил нет.

Ула обняла меня за плечи, помогла подняться. Едва ощутив под ногами каменные плиты, я повернулся, собираясь броситься в погоню.

— Поздно,— сказала Ула, удержав меня, и поправила волосы.— Ты лежал несколько минут без сознания. Пойдем быстрее в комнату!

Силы медленно возвращались ко мне. В голове начало проясняться. Ула проверила щиток с предохранителем. Зажегся свет. Оказалось, что пробки были вывернуты. Да, кто-то продумал операцию!..

Бережно убрав с моего лба слипшуюся от крови прядь волос, Ула обнаружила кровоточившую рану. Быстрыми, уверенными движениями она извлекла из домашней аптечки йод, бинт, марлю и наложила повязку. Затем, невзирая на мои протесты, обмотала мне голову холщовым полотенцем, которое достала из комода. К чему все это, когда дорога каждая минута!

— Осторожно, не сотри следов в доме,— предупредил я ее.— Надо вызвать полицию.

— Одного я тебя не пущу.

— Ноги же держат меня. Кому-то надо остаться тут. Ничего не трогай!

Пошатываясь, я вышел за калитку и рысцой побежал по улице.

В доме участкового еще горел свет. Лейтенант Грюцнер уже собирался спать. Вид окровавленного полотенца на моей голове нарушил его праздничный покой. Не отдышавшись, я доложил ему о случившемся. С болтающимися подтяжками лейтенант поспешил к телефону. Пока он разговаривал, жена застегнула ему рубашку.

— Да, встретим вас на улице! — крикнул он под конец и бросил трубку на рычаг.

За нами захлопнулись двери.

— Каким образом вы вдруг появились здесь? — Лейтенант размахивал руками, переходя заледеневшую улицу.

— Освобожден законно.

Грюцнеру это, видимо, показалось нормальным, во всяком случае, он не выразил удивления. Да и времени на вопросы не оставалось. Мы уже топали по мадеровскому двору и через минуту, запыхавшись, вошли в комнату.

Вскоре у ворот, взметнув снежный вихрь, затормозила полицейская машина. Из нее выскочили двое в штатском. За ними спокойно вылез третий, немолодой обервахмистр народной полиции, он вел за поводок черную овчарку. Приехавшие представились. Старший лейтенант Вюнше — первым; второго звали Хартман. Грюцнер доложил. Задав несколько вопросов, сотрудники уголовного розыска приступили к работе.

Они осмотрели шкафы, ящики, даже приподняли радиоприемник. Хартман искал отпечатки пальцев и кое-где обнаружил их, но они могли принадлежать и Уле. Из вещей ничего не было украдено. Неизвестный лишь перерыл содержимое письменного стола в соседней комнате и маленького шкафчика на стене. В шкафчике Фридрих Мадер прежде хранил документы, справки и прочие бумаги. Если неизвестный что-либо искал там, значит, он знал, что ищет, и, следовательно, был знаком с Мадером. Моя фантазия заработала. Кто бы это мог быть? В памяти замелькали всевозможные фамилии. Я перебирал их без всякой системы. Кроме того, мне не давало сосредоточиться присутствие многих людей. Бесполезное занятие...

В сенях нашли оторванную пуговицу с клочком материала. Пуговица была не от моего пальто. Скудный улов. Криминалисты не скрывали своего разочарования.

Лейтенант Грюцнер и проводник с собакой тем временем осмотрели двор. Вокруг дома они обнаружили на снегу четкие следы рифленых подошв. Хартман довольно улыбался. В сенях нашли суковатую сосновую дубинку, а возле самой входной двери — шерстяную варежку ручной вязки, коричневую с белым узором. Ула видела ее впервые. Утром она подметала снег у порога, днем к ней никто не приходил; значит, варежка могла принадлежать только взломщику.

Проводник собаки понимающе кивнул в ответ на вопросительный взгляд Вюнше, позвал ищейку и дал ей команду. Ищейка, покружив в сенях и на крыльце, потянула поводок. Проводник с лейтенантом Грюцнером ринулись за ней. Я наблюдал за собакой, пока она не исчезла за воротами. Вюнше стоял рядом со мной.

— Лео — надежный пес, — сказал он с уважением.

— На снегу же след не держится, — усомнился я.

Вюнше улыбнулся.

— Конечно, брать след по снегу труднее. Но, видите ли, отпечатки глубокие, высокая снежная кромка осыпается и, покрывая след, как бы консервирует его. Ничего, наш Лео справится.

Час спустя вернулся проводник с собакой. Ласково поглаживая овчарку, он попросил старшего лейтенанта выйти для переговоров. Через несколько минут Вюнше вбежал в комнату, накинул пальто и велел Хартману дожидаться. Я вскочил и бросился за Вюнше, но он, улыбаясь, оттеснил меня в сени, похлопал по плечу и в шутливом тоне приказал Уле получше за мной присматривать.

Медленно потянулись минуты. Мы продолжали обсуждать вторжение неизвестного, но только лишь чтобы убить время. В мыслях мы следовали за Вюнше. Наконец все умолкли и только ждали, ждали...

В четверть первого ночи старший лейтенант вернулся. Составили и подписали протоколы опроса, тщательно упаковали вещественные улики. Чего-либо нового мы не узнали, хотя Вюнше все-таки, наверно, обнаружил что-то важное. Перед тем как сесть в машину, он пристально поглядел на меня.

— Возможно, вам повезло — и по праву, — сказал он задумчиво. — Прокурор Гартвиг обрадуется. Спокойной ночи.

Мы с Улой стояли у ворот и смотрели вслед красным огонькам, пока машина не свернула на автостраду и скрылась за лесом.

V

Между небом и бескрайним белым ковром, сотканным из сверкающих снежинок, уже сиял новый день, когда я прощался с Улой в сенях.

— Если тебе дома не дадут житья, приходи ко мне, — сказала она тихо и чуть стесняясь, будто еще не была уверена, имеет ли право так говорить.

Я понял, почему она после этих слов упрямо сжала губы, — она бросала вызов деревне, которая меня осудила и не собиралась оправдывать «за недостатком улик».

Под ногами скрипел снег. Ясный морозный воздух пощипывал лицо. Я вздохнул полной грудью, настроение было радостное, но через минуту оно пропало, едва я вспомнил об отце и брате, их недоверии, о твердой решимости отца прогнать меня из дому.

У помоста я встретил Фрица и нашего соседа Фридриха Гимпеля. Они беседовали, покуривая, и с интересом разглядывали струи табачного дыма, таявшие в утреннем воздухе. Мое громкое «здравствуйте» прозвучало для них неожиданно. Гимпель, коренастый мужичок почти пенсионного возраста, вздрогнул и машинально опустил полный бидон себе на ногу. Было наверняка больно, но Гимпель даже не поморщился. Он не сводил с меня глаз, пока не заговорил Фриц.

— Иди сюда, Вальтер! Фридрих думает, что я разыграл его на счет твоего освобождения. Теперь он может поприветствовать тебя лично.

Гимпель в замешательстве спрятал руки за спину. Я остановился и посмотрел на него в упор. Его поведение меня поначалу оскорбило. На языке уже вертелись злые слова. Выскажись я, он бы дол-

го помнил их. Но я промолчал и так взглянул на него, что он отвел глаза в сторону.

Мы шли молча. Казалось, Фриц мучительно обдумывает какое-то решение. Я знал своего брата. Когда он думал, то не мог говорить, а если говорил, то не мог думать.

— Дело ее,— с нажимом сказал он, переходя в атаку.— Если она посчитала неудобным говорить, то я тебе признаюсь: помнишь наш разговор там... я ведь тогда решил, что непременно женюсь на Уле. Потому и приврал ей малость...

— И сказал, будто я хочу, чтобы она пошла за тебя.

— Точно. Так оно и было. Свинство, конечно, с моей стороны, да? Я уж потом жалел. Видишь ли,— продолжал Фриц,— наш старик хотел заглотнуть мадеровский двор еще до организации кооперативного хозяйства. Стоит ему учуять, где пахнет землицей или деньгами, как он тут же пасть разевает, словно наш кот, когда караулит у мышиной норы. Хошь верь, хошь нет: не будь социализма, мы давно стали бы помещиками и пол-Рабенхайна батрачило бы на нас. Старик, если бы мог, поженил бы меня с Улой по африканскому обычаю. Говорят, что там уже сватают девчонку, когда ей десять-двенадцать лет. А на кой мне две усадьбы, если я состою в кооперативе, Ула тоже и на общем собрании у нее столько же прав, сколько у меня?

— И отец все решил сунуть тебе!

— Именно, все без остатка, точно быку на откорм,— откровенно признался Фриц.— Вот поэтому он и нажимал, чтобы ты шел в армию. И когда срок службы у тебя стал подходить к концу, он день и ночь голову ломал, как быть, ну, а тут ты сам заикнулся насчет офицерского училища. Лучшего подарка ему ты бы и не придумал. Вот он и прицепился. Вообще-то ему один черт, пойдешь ты учиться на офицера, агронома или отправишься обратно в тюрьму. Главное — спровадить тебя из Рабенхайна. Я-то рассуждал так: усадьба тебе в любом случае не понадобится, даже если станешь агрономом. С тебя других забот хватит. На худой конец, кооператив тебе дом выстроит. Но старик ничего слышать не хочет: вбил себе в башку, что усадьбу придется делить.

— И ты уже чувствуешь себя владельцем?

— Ясно. Почему бы и нет? Но все равно я не хотел тебя надуть. А так оно еще лучше выходит. Женишься на Уле, у тебя будет свой дом с наделом, если, конечно, он тебе потребуется, да и в глазах отца ты станешь полноценным членом сельскохозяйственного кооператива, у которого есть собственный двор! Насчет дележа мы с тобой сами, без старика, лучше договоримся. В сделках без надувательства он разбирается не больше, чем наш боров в современной технике. Только вот если дойдет до крайности, то упрется, лучше и не подступайся.

Я лишь кивнул в ответ, а Фриц, довольный моей понятливостью, дважды стукнул меня кулаком по спине и распахнул ворота.

— Так что не серчай на отца,— предупредил он еще раз у дверей.— Если что спьяну наговорит, не ерпенься, пропусти мимо ушей. Главное — это мы с тобой; что мы решим, то и будет, встречать никому не дадим!

В сенях пахло кофе. Мать, наливавшая из чайника кипяток через

ситечко с насыпанным кофе, удивленно подняла глаза и спохватилась лишь, когда полилось через край. Она молча достала из шкафа еще одну чашку и придвинула четвертый стул к столу, на котором стояло большое блюдо с бутербродами. Я уже позавтракал и хотел было отказаться, но мать так умоляюще посмотрела на меня, что я молча кивнул.

— Отец там,— сказала она, глядя на меня с надеждой.

Фриц собрался было позвать отца, сидевшего за стеной. Но я приложил ему палец к губам и отправился в соседнюю комнату. Захотелось доставить матери удовольствие.

Войдя в комнату, я сначала никого не увидел, но вскоре услышал шорох. Позади стола, между распахнутыми дверцами шкафчика стоял на коленях отец и рылся в бумагах. Просмотрев очередной листок, старик клал его на верх шкафчика, если это оказывалось не то, что он искал, и вытаскивал следующий.

— Доброе утро!

Отец мгновенно обернулся, словно пес, учуявший врага, и с негодованием уставился на меня. Добрые пожелания, которые я намеревался высказать ему по случаю рождества, застряли в горле.

Не поздоровавшись, он схватил все бумаги в охапку и запихал их между полочками так торопливо, что порвал один листок.

— Даже в собственном доме не дают покоя! — раздраженно проворчал он и запер шкафчик. Правую дверцу он тщательно прикрыл только после того, как дважды удостоверился, что левая закрыта изнутри на крючок.

— В этой комнате я тоже дома,— язвительно заметил я.

Ничего не возразив, он оперся на руки, с трудом поднялся и встал, покачиваясь, словно после тяжелой работы.

— Да, это и твой дом тоже,— ответил он неожиданно миролюбиво и плюхнулся в кресло.— Сегодня это пока так, завтра, может быть, и послезавтра тоже, но придет час, и положение изменится. Садись. Какую сумму тебе выделить?

— Деньги не заменят дома. Ты хочешь, чтобы я уехал из деревни только потому, что я...

— ...Убил человека, который был лучшим другом отца... Итак, сколько?

— Лучшим другом? — В моем голосе прозвучало недостаточно иронии, поэтому я повторил: — Лучшим другом? — и стал наблюдать за реакцией отца.

Он собрался уже вскочить и заорать, как обычно, когда чувствовал себя неправым. Но удержался и спросил неуверенно:

— Ты сомневаешься?

Вот сейчас бы мне нажать на него, очередью вопросов отрезать путь к отступлению, и ему не отвертеться. Но я был еще слишком слаб для такой схватки и удовлетворился быстрее, чем он ожидал. Его уклончивые ответы перенесли меня в прошлое, и я решил еще раз проверить, прав ли я в своих сомнениях.

— Нет, я не сомневаюсь,— возразил я, хотя не был уверен, правда это или нет.

Отец с Мадером были неразлучными друзьями. В прежние годы они вместе строили хитрые планы, как избежать обязательных поставок. Смутные детские воспоминания, но они не стерлись...

Позднее друзья совещались, как поизворотливее возразить агитаторам, чтобы подольше оттянуть вступление в сельскохозяйственный кооператив. Это запечатлелось в моей памяти уже четче. Вспомнил, как беспросветно жила тогда наша семья, как уныло тянулись неделя за неделей, месяц за месяцем. Подав заявления о приеме в кооператив, отец с Мадером тем не менее дни и ночи сидели, словно заговорщики, придумывая, как бы отговориться от работы в кооперативе и по-прежнему заниматься только своим личным хозяйством.

Со временем кооператив решил развивать на индивидуальных участках высокопродуктивное огородничество и садоводство. И по мере того, как эти планы осуществлялись, Мадер, не в пример отцу, стал втягиваться в коллективную работу. Между друзьями возникали из-за этого мелкие ссоры, но они налетали и улетали как грозовые тучи.

Период военной службы пробил широкую брешь в моих воспоминаниях о деревенской жизни. Когда я вернулся из армии, то думал, что отец тоже включился в общее дело; уж Мадер наверняка бы его дождал. Поэтому злость Мадера на отца поразила меня тогда как гром среди ясного неба. Если бы меня демобилизовали несколькими днями раньше, может, я сумел бы вмешаться... Но во что? Ведь отец не имел никакого отношения к смерти Мадера! И все же что-то между ними произошло, причем совсем незадолго до убийства, так что даже Ула ничего не успела узнать.

— Он был твоим лучшим другом,— повторил я.— Возможно, что был, до дня своей смерти. Но не до последнего часа жизни. В этот час он ненавидел тебя как злейшего врага.

Отец метнул быстрый взгляд на шкафчик, и в ту же секунду меня осенило подозрение, что тайна внезапно возникшей вражды между бывшими друзьями скрыта за этими темно-коричневыми полированными дверцами.

— Он был мне другом до последней минуты.

— Неправда! — мой голос звучал спокойно, но твердо.— Последнюю минуту жизни он разделил со мной. Не знаю, называется ли это дружбой, когда другу охотнее всего свернули бы шею. На следующий день он собирался в город подавать на тебя в суд. Слышишь: в суд!

—ловишь на крючок?

— Может, мне больше известно, чем ты думаешь.

У отца вдруг задрожали пальцы. Он нервно вытащил из кармана сигару.

— Что ты знаешь? — выпалил он с угрозой, собрав все свои силы, чтобы вопрос прозвучал уверенно, твердо и с вызовом, ибо его моргающие глаза выдавали слабость.

— Все знаю.

Но мне было известно лишь то, что я сказал прежде. Если хочу узнать больше, подумал я, надо быть осторожнее и не подавать вида, что знаю мало. Растерянно посмотрев на меня, отец ничего не ответил, только упрямо сжал губы. Интересно, о чем он думает? Взгляд колющий, на скулах выступили желваки, голова, словно ища укрытия, втянулась в плечи. Сейчас он вспыхнет, набросится на меня и, забывшись в гневе, выдаст свою тайну.

Я заблуждался.

Он неожиданно быстро овладел собой и усмехнулся.

— Ну ладно,— этими двумя словами он меня обезоружил. В том же дружелюбном тоне он добавил: — А какие планы у тебя в башке варятся?

Тут растерялся я. Однако показывать это было нельзя. Внезапно у меня мелькнула настолько страшная мысль, что я даже застыл в кресле. Язык не поворачивался выразить ее словами. Голова затрещала, едва я попытался вообразить последствия того, что хотел сказать.

Мы были с отцом с глазу на глаз, без свидетелей. Да, все поставить на эту карту! Взорваться, трахнуть стулом об стену, вышибить ногой дверь! Но рассудок подсказывал, что надо обуздать себя, спокойно продумать, принять одно-единственное решение и облечь его в немногие, самые нужные слова.

— Пожалуй, никаких планов варить не буду, если оставишь меня в покое... и если эта история с убийством закончится благополучно,— сказал я и, понизив голос, добавил то самое, решающее: — Я должен был немедленно что-то сделать, немедленно... Я не мог допустить, чтобы Мадер поехал в суд, наболтал и тебя бы посадили.

Он вжался в кресло и закрыл глаза.

Я подался вперед, стиснув кулаки на коленях.

— Да, ты прав, я зарезал Фридриха Мадера!

— Нет!

Его лицо перекосилось от страха, глаза округлились и остекленели. Он то бледнел, то краснел. Скрюченные пальцы его сжались, смяв горящую сигару. Посыпался пепел, искры, но он не замечал этого. Так, наверно, выглядит человек, которого вот-вот хватит удар.

— Почему это тебя так ошарашило? — спросил я.— Ведь я только подтвердил то, в чем ты уверен.

— Да, да, я удивился, но только... только...— проговорил он, еще запинаясь,— потому что ты именно мне открываешься, когда повсюду все начисто отрицал.— Голос его выровнялся.— А если я?..— Он умолк, выжидая.

— Ты этого не сделаешь, так как...— ответил я двусмысленно и тоже оборвал фразу, ничего не уточняя. Но он не клюнул на мою приманку и продолжал молчать.— Ты не сделаешь этого,— повторил я,— иначе мне придется объяснить им, почему я убил Мадера.

— Так, так,— задумчиво пробормотал отец.— Ну, а если, скажем, к примеру... допустить, что его прикончил кто-либо другой?

Когда я завел разговор, мне захотелось лишь поспорить с отцом, загнать его в угол. Потом я, конечно, решил спровоцировать его. Пошел, так сказать, на шантаж: ошеломить отца своим «признанием» и, обвинив как соучастника преступления, заставить проговориться, выдать тайную причину вражды, внезапно возникшей между бывшими друзьями. Игру я затеял опасную, теперь она обернулась против меня. Ситуация складывалась весьма серьезная, весьма. Действительно ли отец знает об убийстве Мадера больше, чем мне показалось? Вряд ли. Иначе бы он не смолчал на суде. Отец — человек черствый, верно, однако он никогда бы не допустил, чтобы его сына осудили ни за что ни про что. Но тогда зачем ему было

сейчас намекать на мою возможную непричастность, раз он убежден, что убийца я? Какую цель он преследует? Куда клонит? И я же сам необдуманно помог ему подняться, вместо того чтобы прижать еще крепче. Да, как все осложнилось!

Я переменял тон:

— Пожалуй, твое предположение стоит обыграть, когда начнется новое следствие. Из того, что я узнал от Мадера, можно кое-что и позабыть. Но понимаешь: найти для истинного виновника оправдывающие доказательства, да еще такие, что выдержат любую проверку, трудно, необычайно трудно.

Он задумался. Теперь я уже не мог определить, в чем он сомневается: в моей вине или невинности; действительно ему что-то известно или же он просто боится.

Прошло немало времени, пока отец привел в какой-то порядок свои мысли.

— Я только высказал предположение,— нерешительно пробормотал он.— Болтали тут, будто у Мадера что-то было с Соней Яшке, встречали их частенько вместе. А Вернер Яшке, ты сам знаешь, каков он. Ревнивый мужик. Может, тебе это сгодится: Фридрих Гимпель видел тогда, как Вернер Яшке воротился проселком. Это я нынче утром от него слышал. Вот... Мать ждет там с кофе. Будет охота, поговорим при случае насчет дележа и прочего. Рано или поздно ты все равно переберешься к мадеровой дочке.

— Откуда ты знаешь...

— Ниоткуда,— перебил он меня раздраженно,— однако ночевал ты не в сарае, да и не на улице.

Завтракали молча. Отец, по обыкновению, громко прихлебывал горячий кофе. Мать даже двинула его локтем.

Пока я неторопливо, предаваясь размышлениям, опустошал первую чашку, отец покончил с завтраком и поднялся. Он сказал, что у него срочное дело к кузнецу; Фриц тоже пойдет с ним.

Брату, видно, не хотелось уходить. Я заметил, что отец украдкой подмигнул ему, после чего Фриц поднялся и надел куртку.

Визит к кузнецу явно был предлогом. Что у них за секреты, или, может, отец решил обсудить с Фрицем новое обстоятельство, то есть мое «признание»?.. Было бы неплохо на всякий случай узнать еще какие-нибудь факты. Вспомнилось вдруг, как отец покопался на шкафчик, когда я заговорил о Мадере. Насколько я знал, этот шкафчик всегда стоял на этом месте в комнате и всегда был заперт. В нем хранились все документы и важные бумаги. У меня возникло желание порыться в них. Момент удобный: отец с братом ушли, мать будет стряпать в кухне. Когда хлопнет наружная дверь, я вполне успею запереть шкафчик. А вдруг отец что-нибудь заподозрит? Ведь он может разъяриться. И тут же выгонит меня из дому. Стоит ли рисковать?

Все равно. Надо попробовать. Тем более что отец запихал бумаги как попало, когда я неожиданно вошел в комнату. Значит, он не заметит, что я их трогал, если только не поймает меня за руку.

Мне уже не терпелось приступить к делу. Фриц слишком долго искал свою шапку, а отец слишком медленно натягивал сапоги. Наконец оба были готовы. Я не стал больше ждать, схватил пустую корзину и сказал матери, что пойду в сарай за дровами.

Отец с детства приучал нас подбирать каждую железку, где бы она ни валялась. Вот мы и собирали всякий хлам вместо почтовых марок, бабочек или монет. Трофеи раскладывали по ящикам. Ключи все заржавели, никто не следил за этим хламом. Штук десять подходили по размеру. Я сунул их в карман.

Наконец-то отец с братом протопали через двор и захлопнули за собой ворота. У меня прямо руки чесались. Пора. Где же отмычки? Когда-то отец велел мне их смастерить, так как у нас часто терялись ключи, а тратиться на новые ему не хотелось. Вот они, отмычки, на подоконнике; несколько мелких согнуты.

И вот я в комнате, на коленях перед шкафчиком. Руки дрожат от волнения и... от стыда. Какими бы благими побуждениями ни оправдывал я свои действия, я чувствовал, что совершаю что-то бесчестное. А может, против безнравственности и следует поступать безнравственно? Тогда, значит, убийцу имеет право убить любой, не опасаясь уголовного наказания? Нет, так не годится. Хватит философствовать, только еще больше запутываешься.

Я напряженно прислушивался к каждому звуку, доносившемуся извне. Мне даже мешало тиканье часов. Ригель замка сдвинулся было, но тут же вернулся на прежнее место. Еще раз попробуем. Опять сорвалось, но я чувствовал, что пойдет. Надо только поувереннее взяться. А как тут быть уверенным и спокойным, когда каждую минуту кто-нибудь может войти. Я не помнил, сколько уже провозился здесь. Время исчислялось не секундами и минутами, а безуспешными попытками.

Вот. Еще чуть сильнее! Не отпускай! Пальцы побелели от напряжения, еле удерживают отмычку. Так. Пошло! Створка шкафчика приоткрылась.

На двух полках помещалось не так уж много: стальная шкатулка зеленого цвета, два желтых скоросшивателя, стопка бумаг и пустая папка из искусственной кожи. Глаза пробежали страницы, выискивали фамилию «Мадер», натыкались на какие-то цифры. Корявый почерк, да еще готический шрифт, быстро не одолеешь. Ага, вот и подпись Мадера! Кажется, шаги в коридоре? Подбегаю к двери, прислушиваюсь. Шкафчик открыт, бумаги на полу. Если кто подойдет, придется не впускать. Из кухни доносился звон посуды. Ключ в двери вставлен изнутри. Запертая дверь все-таки лучше открытого шкафчика. Я повернул ключ в замке.

Читаю пожелтевший листок. Заголовок: «Долговая расписка», внизу тем же нескладным почерком подпись: «Мадер». Настоящим подтверждалось, что Фридрих Мадер в июне 1945 года получил от моего отца двух коров, супоросую свинью, пару овец, зерно, картофель, фураж — вес всюду указан в центнерах; далее упоминались еще какие-то мелочи, на которые я не обратил внимания, так как заинтересовался следующим листком — «Выпиской из поземельной книги». Листок был сложен вчетверо и разграфлен. Я еще раз прислушался. Ничего подозрительного.

В широкой графе написано: «Передача имущества крестьянину Эдвину Вайнхольду», а правее дата: июнь 1945 года. Июнь сорок пятого! Вскоре после окончания войны... Как же, помню: это от Коссака, его усадьбу отец называл «какая-то хибарка». Да, такова уж его натура: лишь бы не признать, что у другого тоже хорошее хозяй-

ство. Мать мне рассказывала эту историю. Коссаки подорвались на mine, заложенной у них во дворе эсэсовцами. Отец с сынишкой были тяжело ранены, а жена погибла на месте. В завещании, которое Коссак успел составить, наследником он назначал сына, а на случай, если ребенок умрет, отказал все свое имущество Вайнхольду. Коссак с сыном умерли от ран в больнице... Я сложил листок по старым сгибам. Кроме как в долговой расписке, ни в одной из бумаг не упоминалась фамилия Мадера. Я поспешно собрал все бумаги и запихал их в шкафчик. Отмычка сработала на славу, замок защелкнулся. Последний взгляд вокруг: все чисто, ни мусора, ни следов. Никто не догадается, что я...

Открываю дверь и выхожу. Наконец-то теперь есть над чем поразмыслить. Захотелось выяснить, что за сделки совершали тогда отец с Мадером; если они сомнительны, я не возьму ни гроша из этой доли наследства. Еще не поздно хотя бы в какой-то мере уладить дело в пользу пострадавшей стороны. А вдруг ею окажется Ула?.. Я даже испугался при этой мысли и стал упрекать себя за то, что не взял долговую расписку. Ведь отец вполне способен предъявить ее наследнице. Пусть только попробует!

Надо срочно поговорить с Улой. Надев куртку, я незаметно выбрался из дому и поспешил к знакомому крыльцу. Ула в кухне чистила картошку. Я с ходу стал ей рассказывать, но получилось это бестолково.

— Сядь и отдышись, потом расскажешь.— Ула засмеялась и пододвинула мне стул.

— У твоего отца были долги?

— Ты что? — удивилась она.

— Вспомни хорошенько — мне очень важно знать.

Она подумала и, пристально глядя на меня, ответила:

— Никаких долгов за хозяйством не числится, совершенно точно. Я сама смотрела в поземельной книге. А почему ты спрашиваешь?

— Не всякий долг заносят в поземельную книгу. Есть такие долги, о которых не любят говорить и выплачивают тайком, неохотно.

— Да, какой-то счет, кажется, остался неоплаченным,— растерянно прошептала она и схватила мою руку.— За несколько дней до смерти отец говорил, что ему нужна большая сумма или кредит, чтобы купить скот. В чем дело, Вальтер?

Я сжал губы. Стало быть, так: отец потребовал уплаты по долговой расписке, Фридрих Мадер не ждал этого и, естественно, возмутился. Подло со стороны отца, но еще не причина покушаться на жизнь бывшего друга. Вот если бы наоборот, тогда понятно: повод для мести был у Мадера. Однако он думал не о расправе, а о прокуроре.

— У моего отца в шкафчике лежит долговая расписка от сорок пятого года, твой отец подписал ее.

— Не может быть!

— Может! — Я притянул Улу к себе и посмотрел ей в глаза.— Я полагаю, что тут какой-то подвох со стороны моего отца. Не бойся, я все улажу.

Я повернулся было, чтобы уйти, но Ула удержала меня.

— погоди, давай обсудим все спокойно, а то ты опять сгоряча чего-нибудь натворишь. Только хуже будет и тебе, и мне.— Она умоляюще посмотрела на меня.

Я послушно дал себя усадить. Ула села рядом на скамеечку.

— Может быть, есть какое-то простое и разумное объяснение для этой расписки,— сказала она.

— Нет, я хорошо знаю своего отца. Ты представь себе: только что кончилась война. Время тяжелое. Никто не знал, что будет дальше. Деньги, долговые расписки — все это клочки бумаги. Мясо, жир, мука, картошка — вот что было тогда валютой... Нет, отец даже сейчас, когда он стал зажиточным, не пойдет ни на какую сделку, если она не сулит ему выгоды.

— А если мой отец предложил что-то стоящее?

— Разве что какое-нибудь несравнимо сверхвыгодное для моего старика дело, на меньшее он не пошел бы.

Ула поднялась, поглядела на меня сверху и взяла мою голову в ладони. Я блаженно зажмурился.

— Нельзя быть легковерным, но и не надо искать в человеке только плохое,— тихо сказала она.— Они дружили. Отец мне как-то рассказывал, что отступавшая эсэсовская часть угнала с нашего двора весь скот. Может, твой отец тогда его выручил, и без всякой корысти? Конечно, он для порядка взял расписку. Но ведь то была дружеская услуга...

— Нет! Твой отец перед самой смертью назвал нас, Вайнхольдов, сволочами... С моим отцом он заключил когда-то сделку, за которую потом ему стало совестно, потому что она была преступной, ни больше ни меньше. Значит, что-то он за это время понял или узнал? Когда мы с ним остановились на опушке, он похлопал себя по карманам куртки и сказал о каком-то письме, которого, правда, у него не нашли. Что он, морочил мне голову? Никогда не поверю.

— Где же это письмо?

Ула опустилась на скамеечку. Мне уже не сиделось. Надо было что-то делать. Я заходил взад-вперед по кухне, но так ничего и не придумал.

— Где же письмо? — повторила вопрос Ула.

— В руках убийцы,— ответил я не задумываясь.

— Для кого оно опасно?

— Для моего отца!

— А какая убийце польза от письма? Шантажировать он вряд ли собирался, иначе разоблачил бы себя.

— Чепуха!

— Почему? — удивилась Ула.

Я снова уселся.

— На допросе в полиции я говорил об этом письме. Для большей убедительности хотелось, чтобы они получше искали; я даже заявил, что твой отец показал мне его. Однако на суде пришлось признаться, что о письме шел только разговор. Ну, а из-за этого они стали сомневаться в моих показаниях, если вообще не сочли за вранье.

— Но отец намекнул, что было в письме?

— Я молчал; боялся, что они заподозрят, будто я его убил, что-

бы завладеть бумагой, а потом уничтожил ее перед арестом. Логичный вывод!

— Тебе следовало больше доверять суду, Вальтер!

Я горько рассмеялся.

— После-то хорошо рассуждать.

— Не только после, не мешает хорошенько подумать и до.

— Возможно.

— Да, но загадку о долговой расписке мы так и не решили,— напомнила Ула.

— Не решили. Видишь ли, мой отец получил двор Коссаков. Формально вроде по закону, но мне не верится, что тут все чисто. Я знаю отца. Если ему подвернется случай, он и теперь способен объегорить ближнего. Может, твой отец был как-то связан с этой подозрительной сделкой или просто знал о ней, и ему уплатили за помощь или за молчание. Мой отец рассудил так, наверно: осторожность прежде всего. Сегодня друг, а завтра враг. И потому потребовал долговую расписку. Возможно, весной полез он в свой шкафчик, наткнулся на эту бумажку, вспомнил прошлое и черт его попутал...

— Ничего не бывает без причины,— перебила меня Ула.

— Мой старик предъявил расписку и потребовал должок, убежденный, что твой отец не посмеет возразить и тем самым признать перед односельчанами, что совершил однажды бесчестный поступок. Так, а не иначе обстояло дело. Когда мой старик учует выгоду, он кидается на нее, как голодающий на еду, не думая ни о вилке, ни о ноже; только зыркает по сторонам, чтобы кто другой не ухватил.

В глазах Улы мелькнул ужас...

— Что, если твой отец...

— Нет-нет, на убийство он не способен, к тому же подозрение наверняка сразу пало бы на Вайнхольдов. Тогда, в лесу, мы разговаривали громко. Убийца слышал, что мы спорили, и воспользовался моментом, когда я прижал твоего отца к дереву. Может, он уже стоял там или успел прыгнуть за дерево. Ну и ударил... Была такая темнота, что это вполне возможно.

Мы замолчали. Как все сложится дальше, я не представлял себе. Пока я видел перед собой лишь одну цель: заполучить расписку.

— Бог с ней, с распиской,— сказала Ула.

Я оторопел, но постарался ответить спокойно:

— Нет, я ее заберу.

— Это нечестно.

— Пусть. Кривда на кривду. В этом случае только так и нужно. Может, тогда и получится правда.

Я вспомнил о стальной шкатулке в шкафчике. Вероятно, отец (мне опять не захотелось даже мысленно называть его отцом) вынул из шкатулки обе важные бумаги и, когда я помешал ему своим приходом, положил их на полку. А вскоре, возможно, снова запер их в шкатулку, недоступную для моей отмычки. Что, если в шкатулке спрятаны другие документы, из которых видно, какую сделку совершил отец с Мадером? Надо непременно завладеть связкой ключей! Узнать содержимое шкатулки, а потом уже делать выводы, решать и действовать.

— Неужели нет иного способа? — Ула положила голову мне на колени.— Я не хочу, чтобы ты ее... украл,— прошептала она.

Я погладил ее волосы.

— Он сам отдаст долговую расписку, я заставлю его. На этот раз ему не отвертеться.

— Только не сегодня, Вальтер. Продумай и как следует подготовься. Если сделаешь неверный ход, можешь проиграть всю игру.

Ула права. Проигравшему придется уступить. Но я твердо решил не сдаваться.

Долговая расписка — прошлое — двадцать лет назад... Разве не важнее сейчас искать убийцу? Я вспомнил вчерашний вечер, взломщика, который обыскивал дом Улы. Связано ли это с убийством? Я попытался как-то упорядочить факты, сопоставить их. Но из этого ничего не вышло. Моя уверенность слабела по мере того, как я стал прикидывать возможные осложнения и способы преодолеть их.

— Вальтер, а не проще положиться во всем на полицию или уж съездить к прокурору Гартвигу? — нерешительно спросила Ула.

— Нет, это мне решать, в какой мере можно позволить полиции вмешиваться в мои семейные дела, а не наоборот,— возразил я.

— Боюсь, что мы совершаем ошибку,— заметила Ула.— Пожалуйста, не горячись.— Она умоляюще поглядела на меня.

«Да, так было бы проще,— подумал я.— Она права. Но у полиции нет оснований обыскивать отцовский шкафчик. Кроме того, сегодня рождество. А завтра может быть уже поздно».

Я объяснил это Уле, умолчав, однако, о своем честолюбивом желании не только сообщить прокурору о возникших подозрениях, но и выложить перед ним новые неопровержимые доказательства. Ула успокоилась.

— Обедать придешь? — спросила она.

— Сбегаю по одному делу и скоро вернусь,— пообещал я и ушел.

Я хотел поговорить с Соней Яшке. Может быть, она даст мне ниточку, по которой я выйду на след убийцы. Вернер Яшке сам...

VI

Двор Яшке был расположен в сотне шагов от дороги. Издали казалось, что он вжался в снег. Широкие дощатые ворота распахнуты настежь; левой створкой играет ветер. Кроме тихого скрипа ржавых петель, вокруг ничего не слышно. Даже из хлева не доносится ни звука. На снежном покрове видна редкая стежка полузанесенных следов. Раскиданная навозная куча покрывает четверть двора. Стоит ли заходить? Может, дома никого и нет. Но ведь сейчас самое время кормить скотину.

Резко взвизгнула щеколда. Дверной колокольчик издал дребезжащий звук, словно по битому стеклу. Крючья на стенке сеней сгибались под тяжестью висевшей одежды. Ни одного свободного не было. Казалось, хозяева вывесили тут весь свой гардероб.

Я осторожно открыл дверь в комнату, приготовившись увидеть что-нибудь страшное — опустевший дом, покрытую толстым слоем пыли мебель, окна, затянутые паутиной.

Но то, что я увидел, поразило меня. Вернер Яшке лежал на просторной кушетке и преспокойно пускал клубы дыма к потолку насквозь прокуренной комнаты. В помещении было ни тепло, ни холодно. В нос ударил запах грязного белья. Хозяин недовольно взглянул на пришельца и резко поднялся.

— Ты, Вайнхольд? — прошептал он озадаченно.

Я кивнул. Яшке подвинулся, приглашая присесть рядом на измятую постель. Но я взял стул и, сбросив валявшиеся на нем носки, устроился возле стола.

— В голове не укладывается, — пробормотал Яшке, с любопытством разглядывая меня. — Еще вчера в кутузке, а нынче у меня дома? — Заметив, что я растерянно озираюсь, он добавил: — Не нравится, вертай оглобли. Я же тебя не звал на жареного гуся.

Глаза его лихорадочно блестели, щеки заросли щетиной, белокурые волосы взлохмачены, на бледном лице красные пятна. Он выглядел таким же запущенным, как комната и двор. Неужели это Вернер Яшке? Я знал его как упрямого спорщика, драчуна, заводилу и вместе с тем рачительного хозяина, который день и ночь трудился в поле, возился в хлеву, мастерил во дворе; он, кажется, и спал-то где работал, а в постель ложился, лишь когда хотелось к жене под бок. Короче говоря, был сумасбродом. То вдруг хватается за любую работу, все в руках у него горит, а то затоскует, и свет ему не мил. Словом, все зависело от настроения, которое менялось у него подобно апрельской погоде. Но так забросить хозяйство! И почему это допустила жена?

— Мне надо поговорить с Соней, — сказал я.

Яшке зверем глянул на меня.

— Слушай, что я тебе скажу: если еще раз упомянешь это имя, вылетишь пробкой отсюда. Разве тут бабой пахнет?

Он зло рассмеялся и придвинулся ко мне. Его зловонное дыхание заставило меня подняться со стула. Да, здесь и впрямь не ощущалось присутствия женщины, и прежде всего Сони Яшке.

— Я выгнал эту сучку, когда узнал про ее шашни. С тех пор хозяйствую один. Как умею. Если не нравится...

— Хорошему хозяину негоже так поступать...

— Не твое дело, Вайнхольд! — Его глаза сузились.

Я промолчал и снова уселся. Яшке, видно, почувствовал мое напряжение, не сводил с меня недоверчивого взгляда. Потом медленно привстал с кушетки, потянулся и с протянутыми руками шагнул ко мне. Я мгновенно принял оборонительную стойку. Макушкой Вернер даже не доставал мне до подбородка, но мужик он был крепкий: широкие плечи, могучие руки и мускулистая шея. Вспомнилось, как он легко — рисуясь, конечно, — одной рукой взваливал на плечо мешок весом в полцентнера.

— Плевать я хотел на всех. Да горите вы на адском костре, я еще дров подброшу!

— Постыдился бы. Мужик в расцвете сил, выгнал жену со двора, а теперь весь свет винит. До чего ты опустился.

Слабодушных «силачей» я терпеть не мог, особенно если они при каждом случае похваляются своей физической силой.

Яшке вытаращил на меня глаза. Вероятно, вечером он много выпил — сивухой от него разило страшно.

— Слушай, а что тебе от нее надо? Я еще имею право поинтересоваться ее делами!

Только сейчас я заметил у него над правой бровью шишку. И кожа в этом месте была содрана.

Повернувшись, я медленно пошел к выходу. Презрение и молчание — тоже ответ. Но Яшке этого не понимал. Он прямо с ума сходил от ревности. От него сейчас можно было ожидать чего угодно.

Чего угодно — значит, и убийства?

Ведь, по слухам, Фридрих Мадер был в близких отношениях с Соней Яшке. И ее муж не мог не знать об этом. Что если он тогда пошел за нами в лес? Утром отец ясно намекнул, что Гимпель видел Вернера Яшке...

У дверей я споткнулся о стул и свалил висевшую на нем куртку. Нагнулся, чтобы поднять ее, и тут, под стулом, увидел шерстяную варежку — коричневую с белым узором... Не торопясь, я повесил куртку на спинку стула. Оставить варежку на полу или поднять? Моя рука машинально схватила ее прежде, чем я окончательно решился. Сомнений быть не могло: та же расцветка, тот же узор...

— Хочешь спереть мои варежки? — спросил Яшке, подозрительно наблюдая за мной от стола.

Итак, вчера вечером Яшке был во дворе Мадера. Факт, неопровержимый факт. Его странное поведение, свеженькая шишка над глазом, варежка — все совпадало.

Что делать?

— Здесь только одна, — тихо сказал я и подошел к стулу, на котором прежде сидел.

Яшке растерянно огляделся.

— Найдется и другая, где ж ей быть, — буркнул он, подбежал к куртке, обыскал карманы, но ничего не нашел. — В самом деле, потерялась, — озадаченно подтвердил он и опустил глаза.

Мне хотелось броситься на него и бить до тех пор, пока не признается. Он прокрался вечером в дом Улы, что-то искал там, но мы застали его врасплох. Я нисколько не сомневался в том, что ночной визит был связан с убийством Мадера, а сам визитер скорее всего и есть убийца. Надо немедленно повидаться с Соней Яшке. Она, вероятно, сейчас у матери, которая живет на краю деревни.

Вернер опять с подозрением взглянул на меня. Как только я уйду, он уничтожит варежку и, может, еще какие-либо улики. Но у меня нет права ни допрашивать, ни арестовывать его. Все равно, подумал я, если нельзя иначе, я свяжу его и сбегая за участковым. Варежка найдется. Ну а дальше? Вдруг из-за этого я упущу возможность получить другие, более веские доказательства? Главное — схватить убийцу и обезвредить, а писанина и все прочее — дело полиции...

— Где вторая? — спросил я, помахав варежкой.

Яшке беспомощно поднял руки ладонями ко мне и в следующий миг схватил конец варежки. Я держал другой ее конец.

— Отпусти! — потребовал он.

— Нет, ты отпусти!

Каждый тянул варежку к себе, и я уже не помню, кто нанес первый удар. И пошла потасовка. Мы катались по полу, опрокиды-

вая стулья, пыхтели, стонали, кряхтели. Яшке все норовил боднуть меня под дых своим чугунным черепом. Одна из таких попыток оказалась удачной. Меня затошнило, я скрючился от боли, но противника не выпустил. Наконец я подмял его. Отняв варезку, запихал ее в карман и не без труда поднялся. Боль под ложечкой понемногу стихала. Я торжествовал.

Яшке тоже поднялся. Подошел к столу, налил полстакана водки и выпил.

— Ты очумел,— сказал он, тяжело дыша.— Только что из каталажки, и опять за старое. Это ж бандитство. Я заявлю на тебя...

— Заявляй. Пошли вместе в полицию, прямо сейчас.

Яшке покачал головой.

— Мы же с тобой ладили прежде, Вальтер. Не будем грызться из-за бабы. Скажи, зачем тебе моя варезка?

Он держался теперь вполне нормально, даже стул мне пододвинул.

— Вчера вечером ты разбойничал в доме Мадера,— сказал я.

— Ты что, спятил?

Он шагнул ко мне, но я отскочил в сторону и поднял кулаки. Яшке остановился, выжидая. По его глазам я увидел, что не ошибся в своем подозрении.

— Чего я потерял у Мадеров? Может, думаешь, что Ула моя любовница? Да свою бабу я ни на кого не променяю, ха-ха-ха! — Он громко расхохотался.

Его болтовня не сбила меня с толку.

— Возможно, ты хотел стащить какую-то вещь, которая доказывает...

— ...что доказывает? Что?!

— Что ты убил Фридриха Мадера.

В глазах Яшке мелькнул ужас. Стиснув ладонями голову, он забормотал что-то невнятное...

Попал. В точку! Яшке, изменившись в лице, покачнулся. Передо мной был убийца. От облегчения я глубоко вздохнул, даже на секунду закрыл глаза.

И тут Яшке со всего маху боднул меня головой под ребра. Резкая боль обожгла все внутри, перехватило дыхание. Яшке молотил меня кулаками, но я уже не мог сопротивляться. На меня вдруг надвинулись половицы, я услышал глухой удар, и все померкло.

Очнулся я от холода и сырости. Пальцы нащупали в темноте камни и утрамбованную землю. Глаза неясно различали слабый свет. Подождал, пока привыкнут к темноте. Однако светлее не стало. Непроглядный мрак. Пахло картофелем и гнилой соломой. Я попробовал приподняться, но резкая боль в ребрах тут же усадила меня. Отдышавшись, осторожно привстал и сделал два шага. Ладони уперлись в стену — грубая кладка, тесаные камни, в швы пролезает палец. Колено ткнулось в дощатую загородку для картошки. Значит, тут должно быть окно, через которое ее ссыпают. Но я обнаружил лишь забитый доской люк, достаточно широкий для спускного желоба и слишком узкий для меня, даже если вышибу раму.

Куда он меня затащил? Надо радоваться, что я еще вообще жив. До чего опрометчиво, просто глупо я поступил, брякнув ему напрямик про убийство! Теперь он знает, что я опасен. Человек,

у которого на совести одно убийство, не остановится перед вторым, если это поможет ему скрыть первое и избежать наказания. Почему же он еще не прикончил меня? Может, хочет выждать и обдумать все спокойно или же решил заживо сгноить меня в этой яме?

Я стал тщательно обшаривать погреб, стараясь не пропустить ни одного уголка. Нужен был камень или кусок железа, чтобы расковырять или пробить дверь. Ничего, кроме дощатой загородки, я не обнаружил. Пришлось ее разломать. Но тонкие доски после нескольких ударов раскалывались, оставляя занозы в пальцах.

Нужен большой камень. Над первой ступенькой я нащупал в кладке глубокие бороздки швов. Камни, вероятно, тяжелые, гранитные. Вооружившись щепками, я начал выковыривать из швов известковый раствор. Работал без устали, с огромным усердием.

Не знаю, сколько прошло времени, пока камень зашатался и я вынул его из кладки, где он пролежал десятки лет. Весил он килограммов двадцать пять, для меня вполне сподручно. Лишь бы можно было размахнуться. При первой же попытке я задел рукой за стену и содрал кожу. А при второй — не удержал, и камень с грохотом упал на ступени. Я еле успел отскочить. Ну вот, доска уже затрещала! А сейчас по железной оковке попал, аж искры посыпались. Надо быть внимательнее. Еще раз! Еще! После пятого удара от доски начали откалываться большие щепки.

Послышалось или нет: вроде неподалеку хлопнула дверь?

Сквозь щели пробивался слабый свет. Совершенно ясно я услышал приближающиеся шаги. Свет, проникавший снаружи, стал ярче, я даже разглядел противоположную стену погреба.

Может, позвать на помощь?

Нет! Если это Яшке, то ждать надо не помощи, а драки.

Еще раз хлопнула дверь. Сверху донеслись голоса. Значит, Яшке в доме не один и ему не до убийства. Теперь можно дать знак о себе. Размахнувшись, я изо всей силы ударил в дверь. Камень пробил доску.

Ярко вспыхнул карманный фонарь.

— Эй, кто там в погребе?

Голос не Яшке, но знакомый. Вспомнил: это же старший лейтенант Вюнше!

— Это я, Вайнхольд!

Через дыру в дверном полотне я увидел, как он осторожно спускается по ступеням. Наверху стоял наш участковый с фонарем в одной руке и пистолетом в другой. Совместными усилиями мы выломали дверь.

— Ну и вид у вас, Вайнхольд.— Вюнше вытянул меня за руку в сени.

Мой костюм был испачкан и порван, на руках и лице кровь, но я был свободен. Коротко, чтобы не терять времени, я доложил о случившемся. Полицейские сначала удивились, а потом стали посмеиваться надо мной. Я обиделся и замолчал. Вюнше дружески положил руку мне на плечо.

— Не надо ершиться, Вайнхольд,— сказал он.— С вашим рапортом можно было и обождать, пока начнем опрос. Ведь Яшке уже арестован.

— Вы... вы его здесь!..— начал я и тут же умолк, не зная, о чем спрашивать.

— Он искал свою варежку во дворе Мадера,— объяснил Вюнше с лукавой улыбкой.— Еще вечером мы прошли по его следу, затем кое-что уточнили, ну и запросили у прокурора санкцию на арест.

— Значит, я зря старался? — Мне было не по себе. Я смотрел то на Вюнше, то на участкового.

— Вряд ли в этом была необходимость,— ответил Вюнше.— Но тем не менее происшедшее существенно дополняет характеристику Яшке.

— Яшке признался? — спросил я.

Вюнше утвердительно кивнул. Мне захотелось его обнять.

— А что ему оставалось, если его варежку нашли в сенях у Мадера.

— Нет, я спросил про убийство.— Мое радостное настроение сразу улетучилось.

— Убийство? — Вюнше улыбнулся.— Подследственные не любят облегчать нам работу. Покамест он лишь признался, что был вечером в доме Мадера. Во всяком случае, для дела хорошо, что у нас есть вторая варежка, за это вам спасибо...

— Зачем он запер меня в погреб?

— Мы ничего не знали об этом, только случайно услышали шум, когда делали обыск.

— Он и меня собирался убить.

— Возможно.— Вюнше иронически улыбнулся.— Как вы сами убедились, наша работа порой небезопасна. Учтите это, когда вам опять захочется выступить в роли детектива. И не забывайте также, что времена сыщиков-одиночек миновали.

Я разозлился. Пусть Вюнше оставит свои мудрые советы для себя. В конце концов речь идет о моей чести, моей свободе...

Ула украдкой наблюдала за мной. Когда я взглянул на нее, она опустила глаза. Что-то угнетало ее. Хотел было сказать ей о своих планах на ближайшие дни, но слова застряли в горле. Не мог же я напрашиваться, чтобы остаться у нее. Это было бы слишком назойливо. Вот если она сама предложит... Мы молча поели. Отодвинув тарелку, Ула сказала:

— По деревне уже болтают, что ты ночевал у меня. Милые соседушки днем шарахались от меня, как от прокаженной, хотя было заметно, что сгорают от любопытства.— Ула погрустнела, но тут же улыбнулась, и в ее глазах сверкнуло упрямство.— Ну и пусть шушуются. Что нам до них.

— Если хочешь, чтобы я к тебе больше не приходил...

— Перестань! — возмущилась она.— Я сама знаю, что делаю. И деревня мне не указ.

...В дверь кто-то стучал. Неужели я забыл с вечера запереть ворота? Пришлось будить Улу. Она очнулась лишь, когда я окликнул ее в третий раз. Услышав стук, она шепнула:

— Поди посмотри.

— Боишься?

Она улыбнулась. Лишь однажды я видел ее испуганной — в тот день, когда она, мучаясь неизвестностью, присутствовала в качестве свидетеля на судебном заседании. Если уж она что-нибудь твердо

решила, то никто не мог поколебать ее. Ула оставалась несгибаемой. Для нее сейчас само собой разумелось, что я был с ней, и она не собиралась делать из этого тайну. Зачем ей вставать и идти отпирать дверь, если я рядом?

Утреннее солнце искрилось в бесчисленных снежинках, окутавших волшебным сиянием поля, кусты, деревья и крыши. Не включая света, я увидел через оконце в сенях человека, стоявшего на крыльце. Это была Соня Яшке. У меня заколотилось сердце. Какие она принесла вести — хорошие или плохие?

— Извини, Вальтер, я подумала, что ты здесь,— сказала Соня.

— Заходи,— пригласил я ее в комнату.

Она расстегнула пальто, но не сняла его, лишь развязала платок и села.

— Полиция арестовала Яшке, я только что узнала... Говорят, ты тут замешан. Что случилось, скажи!

— Зачем?

— Зачем? — переспросила она погодя.— Я тебе скажу.— Голос ее прозвучал резко, губы презрительно скривились.— Яшке туп, ленив и на все ему наплевать, если не задеваешь его лично. Ну, а уж если перечишь, то ведет себя по-скотски. Понимаешь, он в ярости на все способен, может что угодно выкинуть. Как-то с Улиным отцом заспорил — и сразу в драку. Фридрих так двинул его по зубам, что Яшке мигом остыл. С тех пор затаил зло, день и ночь думал, как бы отомстить. Если Фридрих требовал, чтобы работали лучше — а он болел душой за успехи кооператива,— то Яшке кричал всюду, что это провокация... Всякое болтали про меня с Фридрихом, только чушь все это. Он просто желал всем добра, и я старалась, поддерживала его, помогала в делах. Ты погляди, что теперь в кооперативе творится: как Фридрих умер, так хозяйство без головы осталось...

Я рассказал Соне о своей «встрече» с Яшке.

Соня пожала плечами.

— По правде говоря, ты мог бы обидеться на меня за то, что мы не заявили в полицию раньше. Мне это не составило бы труда. Да и вся история с Яшке кончилась бы на полгода раньше. Из-за Герберта скрывали. Поверь, мы мучились от этого, и чем дальше, тем сильнее. Мы же понимали, что молчать — свинство. Знали, что можем помочь, но за себя боязно было, вот и молчали. А теперь у нас на душе спокойнее. Чего тут только не болтали, зато я горжусь, что мы поступили честно и по отношению к тебе, и друг к другу. Все остальное — наше личное дело. Жена Герберта подала на развод. Яшке отказывается, но, как бы там ни было, я останусь с Гербертом, в законном браке или нет. Буду откровенной до конца, чтобы ты не чувствовал себя обязанным мне: полиция давно напала на наш след. Прожди мы еще несколько дней, пришлось бы здорово краснеть.— Она живо поднялась и протянула нам руки.— Ну пока, детки. При вашей любви вам никакой мороз не страшен, но ушки держите остро. Будет время, забегу.— Она повернулась и мигом исчезла.

Громко звякнул колокольчик. Из кухни выглянул отец. В ответ

на мое «доброе утро» он пробурчал что-то невнятное и распахнул передо мной дверь.

— Вот и ненаглядный сыночек в праздничном наряде,— объявил он шутовским тоном.

Мать, ахнув, поставила на стол кастрюлю с молоком и испуганно глядела на меня. Мне стало жаль ее. Наверное, она опасалась, не натворил ли я опять чего.

— Вчера я поймал убийцу,— с гордостью объявил я, чтобы успокоить мать.

Все уставились на меня: отец с недоверчивой ухмылкой, Фриц изумленно, мать с радостью.

До чего же обособленно живет наша семья, подумалось мне. Даже весть об аресте Яшке сюда не дошла. Если кто и заходит к нам поделиться новостями, то лишь из корысти, как иногда, например, Гимпель.

Мать широко раскрыла глаза и в ужасе всплеснула руками.

— И для такого дела ты надеваешь свой лучший костюм! — воскликнула она.

— Убийца же не предупредил его,— заметил Фриц.— Так, значит, Яшке упекут. Слава богу, наконец-то будет покой!

Он рассмеялся, вскочил из-за стола и, дурачась, принялся тужить меня. Было видно: он очень взволнован. Даже губы у него дрожали. Неизвестность тяготила его больше, чем я предполагал.

— Как наденет хорошую вещь, так непременно драка,— проворчала мать.

Для нее само собой разумелось, что виновным был кто-то другой. Теперь его поймали, и дело с концом. На первый план выдвигались житейские проблемы, требовавшие немедленного решения.

— Снимай костюм! — приказала она.— Погляжу, чего можно поправить.

— Пусть Мадерша этим займется,— вставил отец.

Фриц метнул на него свирепый взгляд, но старик лишь ухмыльнулся. Не дожидаясь, пока он что-либо еще скажет, я ответил с угрозой:

— Она займется, отец, после того, как мы — ты и я — договоримся.

Явно задетый моим тоном, он поднялся и переспросил:

— Мы?

— Да, мы! — сказал я с нажимом.

Окончание следует.

Перевод с немецкого Н. БУНИНА.

Рис. И. УРМАНЧЕ.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ИСТОРИЯ С НЕОЖИДАННЫМ КОНЦОМ

В Мидлтауне (штат Аризона, США) живет преуспевающий врач-психиатр Гамильтон. Но ему не везло в одном отношении: трижды крали у него автомобили. Покупая четвертый, он решил расквитаться с ворами. Врач посадил на место водителя скелет, одетый в дорожный костюм и шляпу. После полуночи он услышал крики ужаса в гараже, схватил пистолет и поспешил туда. На месте происшествия лежал вор, потерявший сознание. Это был... торговец автомобилями.

ДЫХАНКЕ С ПРИСВИСТОМ

В итальянском городе Верчелли доставили в полицию некоего Анджело Аутиеро, заподозренного в краже драгоценностей. Ожидая у дежурного допроса, Аутиеро издавал носом такие свистящие звуки, что вывел следователя из себя. Тот не выдержал, схватил задержанного за волосы, запрокинул ему голову и внимательно исследовал нос. В ноздре торчал... крупный бриллиант.

ДОСТИЖЕНИЯ ХИМИИ

В Линце (Австрия) полиция задержала водителя, который не совсем твердо держал в руках руль. Тот сразу же признался, что выпил пару коктейлей. Но проверка показала, что в крови у него нет ни малейших следов алкоголя. Тогда заинтересовались коктейлями. Теперь содержательнице бара придется отвечать перед судом за фальсификацию алкогольных напитков.

ДЕЛЬНЫЙ СОВЕТ

Уезжая в отпуск, мэр маленького городка Вудбридж (США) оставил на двери дома записку: «Регистрацию рождений и смертей ведет во время моего отсутствия Норман Фуд. Тем же, кто решил обвенчаться, советую подумать еще пару недель».

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

Рис. В. МОХОВА.

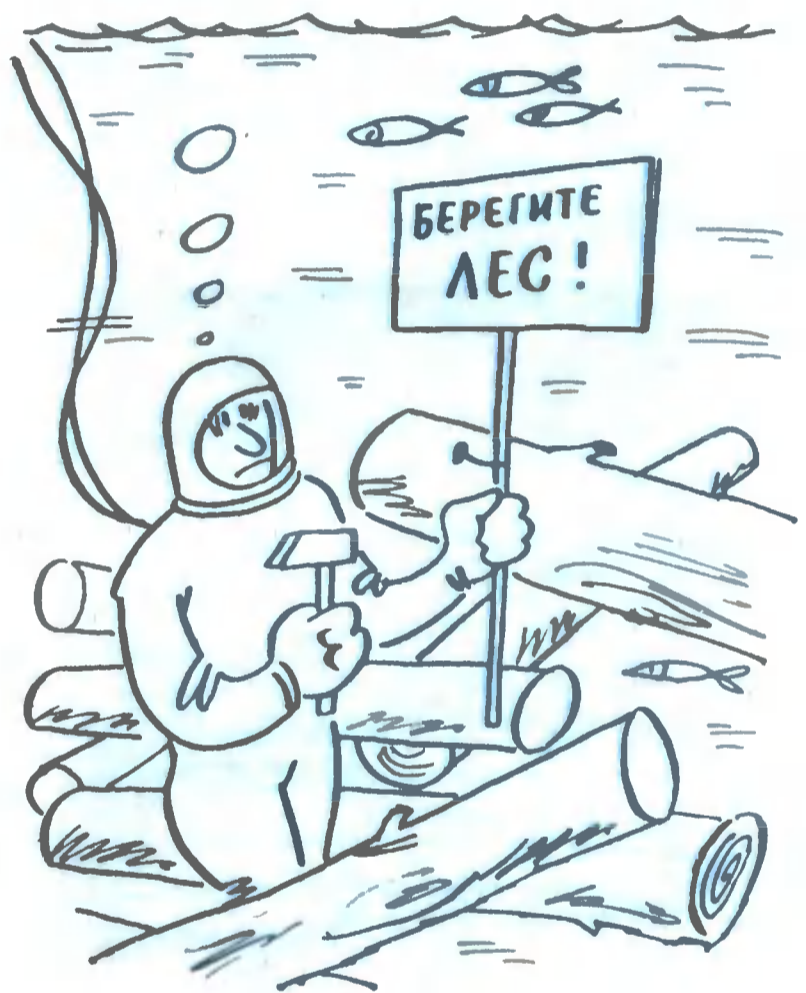

Рис. Н. МАЛОФЕЕВА.

